

Воронежский государственный университет
Межрегиональный
Центр коммуникативных исследований
Кафедра славистики Белградского университета

***Коммуникативное
поведение***

Вып.22

**Коммуникативное поведение
славянских народов**

Русские, сербы, украинцы,
поляки, словаки

**Воронеж
2006**

Сборник представляет собой очередную публикацию межрегионального Центра коммуникативных исследований Воронежского университета в рамках проекта «Коммуникативное поведение» и второй тематический сборник серии «Коммуникативное поведение», посвященный славянскому коммуникативному поведению (первый, серийный № 19, вышел в 2004).

Настоящий сборник посвящен описанию коммуникативного поведения ряда славянских народов – русских, сербов, украинцев, словаков, поляков.

Сборник подготовлен совместно межрегиональным Центром коммуникативных исследований ВГУ и кафедрой славистики Белградского университета.

Для филологов, культурологов, специалистов в области межкультурной коммуникации, всех интересующихся национальными особенностями общения разных народов.

Научные редакторы
проф. П. Пипер (Сербия), проф. И.А. Стернин (Россия)
Ответственный секретарь к.ф.н. М.С. Саломатина

Компьютерная верстка и оригинал-макет
М.С. Саломатина, И.А. Стернин

© Коллектив авторов,
2006

Коммуникативное поведение. Вып. 22. Коммуникативное поведение славянских народов / Под ред. П. Пипера и И.А. Стернина. Воронеж: «Истоки», 2006. 206 с. 200 экз.

Национальные особенности коммуникативного поведения

Предраг Пипер
Белград

Как дела?

О контактоустанавливающих диалогах в русском и сербском языках

В контактах между представителями разных национальных культур одно из наиболее заметных проявлений специфики отдельных культур заключается в способах установления контакта, начиная с того, как контакт подготовлен, на какое время и в какой форме, и кончая самой встречей, жестами, приветствиями и обменом первыми высказываниями в диалоге.

Эти первые вопросы и ответы при встрече отнюдь не случайны и непредсказуемы. Хотя они могут не совпадать в разных национальных культурах, и могут даже очень отличаться друг от друга в коммуникативном поведении носителей различных языков, тем не менее контактоустанавливающие диалоги и в плане выражения и в плане содержания характеризуются некоторым набором признаков, позволяющим говорить о таких вопросно-ответных единствах как об особом речевом жанре, являющемся вместе с тем специфическим диалогически развернутым маркером начала устного (реже письменного) дискурса.

Вводные контактоустанавливающие диалоги представляют собой специфический речевой жанр, выступают как относительно автономные диалогические структуры, отличающиеся особенностями формального построения и коммуникативной функцией. С формальной точки зрения это вопросно-ответные единства, охватывающие несколько функционально схожих вопросов и несколько десятков более-менее устойчивых ответов (многим из которых присуща определенная степень идиоматичности), обладающие также различной частотностью – от высокочастотных до более редких, даже окказиональных выражений, или таких реплик, которые служат проявлением отдельной языковой личности.

Причинной того, что контактоустанавливающие диалоги долго оставались на периферии внимания исследователей, является скорее всего некоторая размытость границ их лексического состава, неодинаковая степень их идиоматичности и распространенности контактоустанавливающих диалогов в отдельных языках (в русском языке,

например, они менее частотны, чем в сербском), а также то, что немногочисленность вопросов в контактоустанавливающих диалогах могла отвлекать внимание исследователей от анализа ответов, представляющих несомненно больший интерес для исследования данного речевого жанра. В самом деле, подобно тому как грамматика заголовка по праву имеет статус отдельного объекта изучения в лингвистике текста и дискурса, таким же образом это относится и к вводным контактоустанавливающим диалогам.

Начало диалога – явление многогранное, относящееся, с одной стороны, к проблеме «грамматики начала», а с другой – к вопросу о структуре диалога и речевых жанрах. Вместе с тем, начало диалога, как правило, обладает частноязыковыми и культурно-специфическими признаками, требующими их рассмотрения под углом этнолингвистических и лингвокультурологических критериев.

Грамматика категориального значения начала в каждом славянском языке представлена широким кругом разноуровневых средств с большей или меньшей регулярностью выражения, в зависимости от степени их грамматикализованности, имеющих общим содержанием ту пограничную часть какого-то явления, которая предваряет все последующие его части, будь это значение начала действия или состояния, выраженное фазовым глаголом (напр., *начать, стать, взяться, приняться*), или значение начала действия, выраженное соответствующей словообразовательной моделью (напр., *заговорить, заплакать, замолчать*), или лимитативная разновидность аблативного значения – пространственного (напр., *отчалить от берега*), временного (напр., *ждать с самого утра*) или какого-нибудь другого категориального значения.

Разнообразны также метаязыковые средства обозначения начала. На уровне предложения такими являются, например, вопросительные местоименные слова и вводные конструкции, а на уровне сверхфразовых единств, и вообще более сложных синтаксических структур, также существуют специальные средства обозначения их начала (напр., заголовок, формулы речевого этикета при встрече, эпистолярные штампы типа *Уважаемые коллеги!* и т.п.), в то время как на уровне дискурса те же средства, или некоторые из них, имеют и более широкую функцию обозначения начала речевого общения и конкретного языкового поведения.

Контактная языковая функция (Якобсон 1966, с.293), которую Р. Якобсон вслед за Б. Малиновским называет фатической (Якобсон 1966, с. 293), проявляется в высказываниях, направленных на установление, поддержку или прекращение вербального контакта. Например, контакт часто начинается с микродиалогов типа русского *Как дела? – Спасибо, хорошо*, функцию поддержки контакта несут такие выражения как *Алло! Вас плохо слышно...* или *Да..., да...*, в то время как функция прекращения контакта между участниками в вербальном общении может быть

возложена на формулы речевого этикета типа *Спасибо за внимание!* или *До встречи!* и другие им функционально подобные выражения.

Эти разновидности контактной языковой функции на метаязыковом уровне фактически являются разновидностями выражения фазовых значений начала, продолжения или конца, причем вводные, контактоустанавливающие диалоги, помимо других функций, служат метаязыковым средством обозначения именно начала, подобно тому как в структуре предложения и абзаца вводные слова типа *во-первых*, *впрочем*, *итак*, *следовательно* помещаются в начале соответствующих синтаксических структур, выполняя таким образом, помимо других функций, метаязыковую функцию пограничного сигнала в структуре предложения или абзаца (Вежбицка 1971).

Структура фазовых значений, как известно, построена на двух элементарных компонентах: на семантическом предикате 'начать' и на операторе отрицания 'не', вследствие чего содержание предиката *кончить* интерпретируется как 'начать не ...', а содержание предиката *продолжить* интерпретируется как 'не кончить ...' (Апресян 1980, с. 128).

Само значение начала, частным случаем которого является общее содержание контактоустанавливающих диалогов, относится к сфере значений фрагментаризации конкретно-пространственных, временных или других объектов (начало, конец, середина, центр, часть, периферия, окраина, граница, рубеж и проч.), занимая в кругу таких значений особое место (Ивич 1980, Коен 1980), подобное статусу числительных *один* или *первый* в соответствующих лексико-грамматических системах, т.е. значение начала сводится к компонентам 'часть', 'целое' и к квантификатору всеобщности, при помощи которого часть в статусе начала локализуется *перед всеми другими* частями линейно упорядоченного целого (Пипер 2001, с. 221-237; Ивич (ред) 2005, с. 873-874, 890).

Составляющие фазовых значений в зависимости от коммуникативных намерений говорящего и контекста употребления соответствующих выражений могут по-разному выдвигаться на первый план семантической перспективы предложения как той интерпретации ситуации, которую говорящий выбором соответствующих лексико-грамматических средств предлагает собеседнику, ср. *Он больше не болеет – Он стал здоровым – Он перестал болеть – Он выздоровел* и т.п.

Поскольку отношения между компонентами значения 'начало' сводятся к локализации одних явлений по отношению к другим, то составляющие содержания грамматики начала удобно объяснять с опорой на те теоретические положения, которые построены на семантических критериях локализации одних отвлеченных объектов по отношению к другим (напр., теория семантических локализаций, см. Пипер 2001). В таком случае существенным является интерпретация значения границы как разновидности значения части (по отношению к целому) (см. Пипер 2003,

с. 159-160) и линейности как упорядоченности каждого элемента по отношению к предыдущему и последующему элементу того же целого.

Средства выражения готовности начать или поддержать разговор, обладающие национально-культурной спецификой, охватывают как невербальные средства коммуникативного поведения, напр., жесты приветствия, так и вербальные средства коммуникативного поведения (о коммуникативном поведении см. Стернин 1989, Стернин 2000, а также ряд других работ И.А. Стернина), включающие соответствующие формулы речевого этикета и вводные, вопросно-ответные единства с контактоустанавливающей функцией.

Контактоустанавливающие диалоги в форме вопросно-ответных единств отличаются ассиметрией, которая вообще характерна для многих вопросно-ответных отношений, и которая проявляется в том, что один и тот же вопрос, как правило, может согласоваться с более чем одним ответом.

В русском языке вводные контактоустанавливающие диалоги обычно начинают с вопроса *Как дела?* (а также *Что нового?* или *Как поживаете?* и т.п.), на который можно получить очень разнообразные ответы, например (в алфавитном порядке): *А ты как думаешь? Бывало и лучше; Великолепно; Все в норме; Все плохо; Все хорошо; Все в шоколаде; Все отпад; Все по-старому; Вчера было лучше; Голова еще цела; Да ничего; Да ну! Да так; Дела, как в Польше; Достойно; Жизнь бьет ключом (и все по голове); Еще не родила (Как рожу, так скажу); Еще не умерла; Живем – пироги жуем; Живем – чай с булками пьем; Живу пока; Живы будем, не помрем; Жить будем; Жить буду; Замечательно; Замуж не вышла; Здорово; И не спрашивай! Как в сказке – чем дальше, тем страшней; Как видишь; Как всегда; Как всегда, а у тебя? Как сажса бела; Как у кувшина / Как у графина) – каждый норовит взять за горло; Классно; Кошмарно; Лучшие всех; Лучшие не бывает; Лучшие некуда; Могло быть и лучше; Могло и лучше быть; Не жалуюсь; Неплохо; Никак; Ничего; Ничего особенного; Ничего хорошего; Ниче; Нормально; Окейно; Отвратительно; Отлично; Перебьюсь; Плохо; Посредственно; Постольку-поскольку; Пока живем; Помаленьку; Потихоньку; Прекрасно; Прикольно; Работаю; Скрипим потихоньку; Сойдет; Спроси, что полегче; Средненько; Супер! Так себе; Терпимо; Ужас; Ужасно; Хорошо; Хуже некуда и т.д.¹*

Ответы на вопросы в контактоустанавливающих диалогах отличаются друг от друга по разным критериям. Среди таких ответов есть и стереотипные и окказиональные; высокочастотные (напр., *Хорошо*) и менее частотные ответы (напр., *Скрипим потихоньку*); ответы с оценочным компонентом, каких большинство (напр., *Замечательно*;

¹ В основу настоящей статьи лег доклад автора «О контактоустанавливающих диалогах в русском и сербском языках», прочитанный на третьей международной научной конференции *Национально-культурная специфика в тексте и в языке* (Минск, 7–9 апреля 2005 г.)

Супер; Отлично; Хорошо; Нормально; Плохо; Отвратительно; Кошмар; Ужас...) и ответы без оценочного компонента (напр., *Все по-старому; Как видишь; Как всегда...*); прямые ответы (напр. *Отлично; Плохо; Прекрасно; Хуже некуда...*) и уклончивые ответы (напр. *Да так; Как всегда; И не спрашивай! А ты как думаешь?...*); экспрессивно нейтральные ответы (напр. *Все в норме*) и экспрессивно маркированные ответы (напр. *Супер!*), функционально–стилистически маркированные ответы (напр. *Окейно*)² или нейтральные ответы (напр. *Хорошо*); синтаксически развернутые ответы (напр. *Как в сказке – чем дальше, тем страшней*) и синтаксически свернутые ответы, каких большинство (напр. *Великолепно; Да ничего; Да ну! Да так; Замечательно; Здорово; Как видишь; Как всегда; Лучшие всех; Лучшие не бывает; Лучшие некуда; Неплохо; Никак; Ничего; Ничего особенного; Перебьюсь; Плохо; Постолько-поскольку; Помаленьку; Работаю; Сойдет; Супер! Так себе; Терпимо; Ужас; Ужасно; Хуже некуда* и т.п.), ассертивные ответы (напр. *Вчера было лучше; Голова еще цела; Лучшие не бывает...*), директивные ответы (напр. *И не спрашивай!*) и другие типы ответов.

С точки зрения синтаксической формы ответы в контакто-устанавливающих диалогах являются высказываниями, которые чаще всего представлены эллиптическими предложениями, нередко однословными (*Хорошо; Плохо; Нормально* и т.д.), т.е. 'мои/наши дела идут хорошо/плохо/нормально...!'.

Ответы в форме простых или даже сложных предложений обычно являются низкочастотными устойчивыми экспрессивными (в основном – шутливыми) репликами, как правило без буквального соответствия в других языках, напр., *Все в шоколаде; Все отпад; Дела, как в Польше...; Живем – пироги жуем; Живем – чай с булками пьем; Живы будем, не помрем; Как в сказке – чем дальше, тем страшней; Как у кувишина / Как у графина – каждый норовит взять за горло; Постольку-поскольку; Скрипим потихоньку*; иногда с рифмовкой по отношению к вопросу *Как дела?* – *Еще не родила (Как рожу, так скажу); Еще не умерла; Замуж не вышла; Как сажка бела*.

Экспрессивность таких реплик – признак их разговорного или даже просторечного употребления, или употребления в контексте непринужденной беседы. С возрастанием официальности статуса общения, убывает развернутость, экспрессивность и картинность вводных контактоустанавливающих диалогов, а возрастает частотность нейтральных коротких реплик.

Примечательно прежде всего то, что хотя вопрос *Как дела?* дает очень широкие возможности ответа и что хотя и не полный набор ответов довольно разнообразен, ответы в основном устойчивы. Мало вероятно, что

² Бóльшая часть зафиксированных примеров, которые приводятся в настоящей статье, отличаются разговорностью.

на вопрос *Как дела?* собеседник будет подробно докладывать о своих делах, о здоровье и прочем. Он обычно ограничивается общей, скорее всего нейтральной оценкой, легкой шуткой или каким-нибудь подходящим речевым штампом. Устойчивость не только вопроса, но и ответов, вообще, характерная черта вводных диалогов, а в устойчивых выражениях, как известно, языковая специфика национальной культуры проявляется особенно наглядно.

Сопоставление вопросно-ответных контактоустанавливающих диалогов в русском и сербском языках, показывает, прежде всего, различия в частотности употребления и в сфере использования некоторых из вопросов в таких диалогах.

К примеру, в сербском коммуникативном поведении вопрос *Како си? / Како сте?* является почти регулярным маркером начала разговора между уже знакомыми собеседниками, более частотным, чем его русский эквивалент *Как дела?* Высокая частотность одного и того же вопроса в вводном диалоге сопровождается подчеркнутостью его контактной функции и некоторым ослаблением его собственно вопросительной функции. На такой вопрос обычно отвечают каким-нибудь из в таких ситуациях принятых выражений нейтрального характера, или выражением содержащим предельно короткий, нередко лишь аллюзивный ответ. Ср. в сербском языке (в алфавитном порядке): *Без везе; Било је и боље; Биће боље; Богу душу, Бог је неће; Боље да ти / Вам не причам; Боље него јуче; Боље не питај; Грозно; Гура се (некако); Да зло не чује; Да не кваримо; Да се хвалим – немам чиме, да се жалим немам коме; Да ти / Вам не причам; Добро; Ево; Ево, ... (добро / није лоше...); Живим; Живи се; Животарим; Животари се; Животињарим (прост.); Животињари се (прост.); Зависи ко пита; Зезнуто (прост.); Иде некако; Имаш ли неко лакше питање? Иста мета, исто одстојање; Како други хоће; Како ја хоћу; Како морам; Како (се) мора; Као јуче; Као што видиш/видите; Као (и) увек; Катастрофа; Ко пита? Које су ми године, добро сам; Ком си, ком са; Лепо; Лоше; Могло би и боље; Могло би и горе; Може и боље; Може и горе; Не дај, Боже, горе; Не знам ни сам; Не жалим се; Немам појма; Немам чиме да се хвалим; Не може (бити) боље / горе; Не питај(те); Не тако добро као ти / Ви; Ни да се хвалим, ни да се жалим; Није лоше; Никад боље / горе; Никако; Ништа посебно; Одлично; Осредње; Откуд знам; Очајно; Па... (добро / није лоше...); Подношљиво; Помало; Право да ти / Вам кажем...; Прилично (добро / лоше); Промашено; Ради се; Рецимо да сам добро; Само нека није горе; Свакако; Свакојачко; Средње; Средње жалосно; Стално исто; Супер (разг.); Суперишка (разг.); Тако некако; Тако-тако; Увек исто; Ужас; Ужасно; Уморно; Ух!; Фино; Хвала Богу (добро / одлично...); Хвала на питању (добро / није лоше...); Шта да Вам / ти кажем? Што питаш? Шугаво; Чунавo (разг.).*

Вместе с тем, межъязыковые различия могут проявляться во внутренней форме вопроса. В русском языке в контактоустанавливающем диалоге типичный вопрос о собеседнике выражается более абстрактно, как вопрос

о его делах (*Как дела?*), в сербском же он более непосредственен и направлен как бы на самочувствие собеседника (*Како си?*), хотя фактически функция установления контакта и соблюдения правил речевого этикета в данном случае заслоняет собственно вопросительную функцию.

Вообще, вопросы, использующиеся в контактоустанавливающих диалогах, в принципе направлены на то, чтобы узнать, как собеседник себя чувствует, напр., в серб. *Како си? / Како сте?* в русск. *Как поживаете?*; что он может рассказать о своих делах, напр., в серб. *Шта радиш?* в русск. *Как дела?*, или какие у него новости, напр., в серб. *Шта има ново?*; в русск. *Что нового* и т.п.

Примечательны также частноязыковые особенности в выборе возможных ответов в контактоустанавливающих диалогах. Например, в русском коммуникативном поведении ответом на вопрос *Как дела?* нередко выступает выражение *Нормально*, в то время как его сербский эквивалент *Нормално* довольно нетипичен как ответ в контактоустанавливающих диалогах. В ряде других случаев буквальное соответствие возможной русской реплики на вопрос *Как дела?* также может отсутствовать в других языках, ср. такие русские выражения, встречающиеся в ответах на вопрос *Как дела?* и не имеющие соответствия в сербском, как: *Все в шоколаде; Все отпад; Дела, как в Польше...; Достойно; Еще не родила (Как рожу, так скажу); Еще не умерла; Живем – пироги жуем; Живем – чай с булками пьем; Живы будем, не помрем; Замуж не вышла; Как в сказке – чем дальше, тем страшней; Как сажала бела; Как у кувшина / Как у графина – каждый норовит взять за горло; Постольку-поскольку; Скрипим потихоньку*, при наличии, с другой стороны, сербских реплик без прямых эквивалентов в русском языке, напр., *Без везе; Гура се (некако); Да зло не чује; Да не кваримо; Да се хвалим – немам чиме, да се жалим немам коме; Ево; Животарим; Животари се; Животињарим (прост.); Животињари се (прост.); Зависи ко пита; Иде некако; Иста мета, исто одстојање; Како други хоће; Како ја хоћу; Како морам; Како (се) мора; Не дај, Боже, горе; Не тако добро као ти / Ви; Ни да се хвалим, ни да се жалим; Промашено; Чупаво; Шта те брига (прост.)*.

Это объясняется большей или меньшей фразеологизированностью значительной части ответов в вводных диалогах, что также поддерживается экспрессивностью многих из таких реплик.

Некоторые из реплик в контактоустанавливающих диалогах обладают яркой актуальностью, являясь в то же время игрой слов. Например, ответ *Промашено*, который можно было услышать в Белграде во время военного вторжения стран НАТО и бомбежки Югославии, можно было понять или как 'неудачно', или как 'в меня не попали', т.е. 'мне повезло'. По мере того

как убывает актуальность реплики, она исчезает из употребления, или сводится к одному из своих значений.³

Характерны также различия в структуре контактоустанавливающих диалогов в двух языках. Например, в сербском коммуникативном поведении вводный диалог помимо свернутой структуры (приветствие – вопрос – ответ), нередко (чаще, чем в русском языке) имеет развернутую структуру, включающую: 1. приветствие, 2. общий вопрос (напр., *Како си?*), 3. ответ (напр., *Хвала, добро*), 4. встречный вопрос (напр., *А ти?*), 5. ответ на встречный вопрос (напр., *Није лоше*), 6. повторение через минут-две (например, после предложения сесть и что-нибудь выпить) общего вопроса в такой же или в какой-нибудь другой форме (напр., *Иначе?*), 7. ответ (напр., *Ево, живи се*), 8. уточняющие вопросы о здоровье, о семье, о работе..., 9. ответы, 10. свободное продолжение диалога.

Развернутая структура контактоустанавливающего диалога более характерна для коммуникативных ситуаций, в которых участвуют менее «отшлифованные» собеседники, а также при неумении естественно продолжить начатый разговор. В таких случаях развернутые структуры контактоустанавливающего диалога обычно являются своего рода пробным диалогом, служащим предварительному уточнению настроения собеседника и возможного направления начатого разговора.

Несмотря на относительно большое количество встречающихся ответов, у многих лиц заметна склонность отвечать в вводных диалогах на вопрос *Како си? / Како сте?* всегда одинаково, нередко повторяя одну и ту же потертую остроту, так что ответ на вопрос *Како си? / Како сте?* может приобретать статус одного из признаков языковой личности.

Помимо других своих функций, вводные диалоги выступают в роли средств речевого этикета, который, как известно, нередко отличается от одной национальной культуры к другой. В коммуникативном поведении сербов вопрос *Како си? / Како сте?* воспринимается в первую очередь как средство выражения вежливости и благосклонности к собеседнику перед тем как начать разговор (пожалуй несколько реже в деловом общении и в больших городах, чем в непринужденном разговоре, в городках и на деревне), что может быть подчеркнуто повторением уже заданного вопроса, или заданием ему почти однозначного вопроса (напр., *Па како је? Шта има ново? Шта се ради?* или *Иначе?*) несмотря на уже полученный ответ (см. выше).

В самом ответе в контактоустанавливающих диалогах вежливость выражается в основном тремя способами: выражением благодарности за

³ Сочетание двух типов речевых жанров: контактоустанавливающего диалога и афоризма, имеющее связующим звеном игру слов, иллюстрирует следующий пример сербской афористики: *Како је, друже Сизифе? - Ето, гура се.* (Р. Јовановић), причем обе возможных интерпретации ответа *гура се* (1. 'толкую', 2. 'перебиваюсь'), хотя и совершенно разные, приемлемы.

заданный вопрос, встречным вопросом, и/или лексическим составом ответа.

В первом случае используются привычные формулы выражения благодарности (напр., серб. *Хвала [на питању], добро*), а также выражения благодарности Богу, напр. в серб. *Хвала Богу*, или *Богу хвала* (второе более характерно для подчеркнуто религиозных людей), или со ссылкой на возможную благосклонность задающего вопрос, ср. в русском: *Вашими молитвами*.

Встречный вопрос является дополнительным знаком четкого соблюдения правил речевого этикета в вводных диалогах, хотя в то же время встречный вопрос нередко выполняет собственно вопросительную функцию, напр., серб. *Хвала, добро, а Ви?*

Лексический состав ответа также имеет значительную роль в выражении вежливости или, наоборот, в выражении небрежного отношения к задающему вопрос и к самому вопросу, чему способствует выбор разговорной или даже просторечной лексики, используемой в ответе. Разговорная лексика и фразеология, которая преобладает в общем наборе ответов в составе вводных диалогов (см. сноску 3), реже воспринимается как признак невежливости, поскольку такая лексика и фразеология, так же как и отсутствие подчеркнутой вежливости, считаются нормой в общении близких друг к другу людей, хотя ее использование по отношению к лицу, требующему вежливого обращения к себе, естественно будет восприниматься как нарушение одной из максим успешного общения (согласно П. Грайсу 1985), проще говоря, будет оцениваться как невежливость. Это в еще большей степени относится к употребленную просторечной лексики и фразеологии, в принципе также возможной в ответах, встречающихся в составе контактоустанавливающих диалогов.

Помимо более или менее устойчивых выражений благодарности Богу в контактоустанавливающих диалогах могут прозвучать желания защититься от нечистой силы, напр., в серб. *Да зло не чује*. Согласно обычаям и поверьям, бытующим в той или другой национальной культуре, некоторые из таких высказываний сопровождаются соответствующими жестами, напр., в сербском *Да куцнем у дрво, добро сам*; ср. в русск. *Тьфу, тьфу...* (данное выражение замещает или сопровождает жест плевание через плечо в значении 'чтоб не сглазить') и т.п.

Контактоустанавливающие диалоги, будучи дискурсными маркерами начала, служат знаком выделения вводной части нового дискурса. Вместе с разграничительной функцией они выполняют также функцию анонса нового диалога, а также препаративную функцию предварительного дополнительного ознакомления участников в общении друг с другом (если они знакомы лишь поверхностно) или ознакомления говорящего с настроением и общей коммуникативной установкой уже хорошо знакомого собеседника.

Возможность коротко пожаловаться или похвалиться в вводных диалогах способствует реализации их экспрессивной функции.

Вместе с тем вводные диалоги типа *Како си? / Како сте? – Хвала, добро*, как вопросно-ответные единства, а также как дискурсные маркеры начала диалога, служат не столько обменом информацией между двумя участниками в коммуникации, сколько, и даже на первом месте, началом творческого акта *раз-говора* (греч. *диа- логос*), как проявления личностей в совместном творческом акте беседы, как со-творения, в процессе вербального общения как индивидуально-личностного, даже игрового применения системы языковых правил. Возможность включения в вводные диалоги элемента легкого юмора служит проявлению в таких диалогах игровой функции общения, и реализации некоторого расслабления перед тем, как перейти к основной теме диалога, если она есть.

Jakobson R. Lingvistika i poetika // Roman Jakobson, Lingvistika i poetika. - Beograd: Nolit, 1966, 285-326.

Milka. I. Izbrojivost onoga što imenica označava kao gramatički problem // Milka Ivić, Lingvistički ogledi. – Beograd: BIGZ, 1983, 9-37.

Piper P. *Jezik i prostor*. - Drugo, dopunjeno izdanje. - Beograd: XX vek, 2001.

Wierzbicka A. Metatekst w tekście. // *O spójności tekstu*. – Red. M.R. Mayenowa. – Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk, s. 105-121.

Апресян Ю.Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели "Смысл <=> Текст" (= Wiener Slawistischer Almanach. Sbd. 1). - Wien: Gesellschaft zur Förderung Slawistischer Studien, 1980.

Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва: Прогресс, 1985. – С. 217–237.

Kožen L. Семантички параметри у синтакси // *Јужнословенски филолог*, 1980, XXXVI, 13–24.

Милка И. О "партикуларизаторима" // *Јужнословенски филолог*, 1980, XXXVI, 1–12.

Пипер П., Антонић И., Танасић С., Ружић В., Поповић Људ., Тошовић Б. *Синтакса савременог српског језика: проста реченица*. - У редакцији академика Милке Ивић. - Београд: Матица српска - Београдска књига - Институт за српски језик, 2005.

Пипер П. О ексцесивности у словенским језицима // *Зборник Матице српске за славистику*, 2003, 63, 159-177.

Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж, 2000.

Стернин И.А. О понятии коммуникативного поведения // *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*. Halle, 1989, S. 279 – 282

Е.Н. Линдстрем
Швеция

Директивные вопросы в русском языке

1. Определение понятия директивного вопроса

В *Русской грамматике* под редакцией Н.Ю.Шведовой (1980, с. 396) среди вторичных функций вопросительных предложений выделяются: «1) побуждение к совершению действия (*Пойдёшь ли ты, наконец, за хлебом?*, *Доешь ты когда-нибудь свой суп?*); 2) побуждение к прекращению действия (*Да бросите ли вы в конце концов вашу музыку?* (К.Федин))».

Согласно Р. Конраду (1985, с. 349), “употребление вопросительных предложений в значении просьбы, требования, угрозы и т.п. – феномен, известный лингвистам достаточно давно”.

В учебнике *Современный русский литературный язык* под редакцией П.А. Леканта (1996) вопросительные предложения, призывающие к действию, называются “вопросительно-побудительными” и описываются следующим образом: “Вопросительно-побудительные предложения служат для выражения побуждения. В них нет собственно вопросительного значения. Говорящий не намеревается получить какие-либо новые сведения, а побуждает собеседника совершить какое-нибудь действие или приглашает сделать что-то совместно: *Синиц ловить идём, дядя?* (М.Г.), *“Долго я тебя буду ждать, пока ты соберёшься?” – начинает сердиться Сероштан* (Купр.); *“Ты замолчишь ноне?” – спросил Нагульнов* (Шол.). Побуждение часто сопровождается оттенками досады, нетерпения. Поэтому вопросительно-побудительные предложения эмоциональны, экспрессивны и могут употребляться вместо собственно побудительных; ср.: *Пойдём. – Пойдём же! – Да пойдёшь ты?*” (1996, с. 303-304).

Вопросительные по форме высказывания¹, выражающие различные побуждения, мы предлагаем выделить в отдельную группу речевых актов и назвать директивными вопросами.

Дадим определение директивного вопроса: *вопросительное по форме высказывание, основной прагматической функцией которого является побуждение адресата к выполнению какого-либо действия.*

Приведём примеры вопросительных конструкций, конвенционально используемых при осуществлении косвенных побуждений: *Вы не могли бы ... ?, Может быть, Вы ... ?, Не трудно ли Вам ... ?, Вас не затруднит ... ?, Не будете ли так любезны ... ?, Не изволите ли ...?, У Вас есть/нет ... ?, Нет ли у вас ... ?, Не найдётся ли у Вас ...?, Можно попросить Вас ... ?, Могу ли я попросить Вас ... ?, Осмелюсь ли ... ?, Угодно ли Вам ... ?*,

¹ Вопросительными по форме высказываниями мы называем высказывания, располагающие специальными языковыми средствами выражения категории вопросительности: интонацией (выраженной на письме вопросительным знаком), вопросительными частицами, вопросительными местоименными словами, особым порядком слов (см. Линдстрем 2003).

Разрешите (позволите) ... ?, Не хотели ли бы Вы ... ?, Не желаете ли ... ?, Нельзя ли пригласить Вас ... ?, А не лучше ли Вам...?, Почему бы Вам не ... ?, Как насчёт ... ?, Не пойти ли Вам ... ?, Не пора ли ...?, Что (частица) Вы ... ?, Как вы смеете ... ? и т.д.

Следует отметить, что в зависимости от прагматического контекста вопросительная конструкция одного и того же типа может использоваться для реализации различных директивных речевых актов, например:

- 1) Варвара Михайловна: **Вы что же не входите?** Пожалуйста.
(Горький, *Дачники*, с. 160),
- 2) – А чтоб тебя чёрт забрал, проклятый боров!
Подмигнул барин чёрту и говорит:
– Слышишь? Это ведь тебе пастух борова отдаёт. **Что же ты не берёшь?** Дали бы мне такого, так я бы одного сала целый пуд натопил! (*В тридевятом царстве, в тридесютом государстве, Барин и чёрт, латышская сказка*, с. 135),
- 2) Петя ходил за тётей, наступая на шлейф, и канючил:
– **Тётя, что же вы меня не слушаете?** Послушайте! ...
– Ты видишь, я занята. (Катаев 1950 с. 57),
- 3) Мамаев (строго): **Что вы шепчете?** На кого я там не похож? Я сам на себя похож.
Глумова: Я говорю, что портрет на вас не похож.
(Островский 1974, с. 224),
- 4) Гетман: Вы в здравом уме? ... Вы соображаете, о чём вы доложили?
Что такое произошло? Катастрофа, что ли? Они бежали? **Что же вы молчите?**
Шервинский: Так точно, ваша светлость, катастрофа ...
(Булгаков 1987, с. 63)
- 5) Довольно!
Радость трубите всеми голосами!
Нам
до бога
дело какое?
Сами
со святыми своих упокоим
Что ж не поёте?
Или
Души задушены Сибирей саваном?
Мы победили!
Слава нам!
Сла-а-ав-в-ва нам! (Маяковский 1963, с. 29).

С помощью однотипной конструкции *Что (же/ж) Вы/ты (не) ... ?* в вышеперечисленных примерах выражены различные директивные речевые акты: в (1) – предложение (приглашение) *Входите, пожалуйста!*, во (2) – совет *Взял бы ты борова!*, в (3) – просьба *Послушайте меня, тётя!*, в (4), (5) и (6) – приказы *Не шепчите!, Говорите!, Пойте!*.

За директивным вопросом может следовать реплика адресата, которая является не ответом на вопрос², а вербальной реакцией адресата на

² Т.В.Булыгина и А.Д.Шмелёв (1997, с. 267) отмечают следующее: “Утвердительный ответ на “вопрос” *Вы не могли бы передать мне соль?* – *Мог бы, конечно,* - не сопровождаемый ожидаемой передачей соли, нарушает принцип коммуникативного

вопросительное по форме высказывание с неинтеррогативным значением, как, например: (3), (4), (5),

б) Князь: **Так ничего на память не оставишь?** Нет в тебе к безумцу сожаленья?

Маска: Вы правы, жаль мне вас – возьмите мой браслет.

(Лермонтов 1990, с.149),

8) Блэйк: ... **Миша, пока мы завтракаем, не могли бы вы немного рассказать о себе?**

Русин: А что вас интересует? (Щукин 1983, с. 14).

В (3) реплика тёти *Ты видишь, я занята* в ответ на просьбу Пети выражает отказ её удовлетворить. В (4) посредством директивного вопроса Мамаев приказывает Глумовым говорить, и Глумова подчиняется его приказанию. В (5) директивный вопрос гетмана *Что же вы молчите?* выражает приказ *Говорите!*, адресованный Шервинскому. Последующая реплика Шервинского является исполнением приказа гетмана. Одновременно она является ответом на вопрос-предположение гетмана *Катастрофа, что ли?*. В (7) реплика маски *Возьмите мой браслет* в ответ на просьбу князя Звездича *Так ничего на память не оставишь?* выражает согласие удовлетворить его просьбу. В (8) директивным вопросом *Миша, пока мы завтракаем, не могли бы вы немного рассказать о себе?* Блэйк выражает просьбу *Расскажите немного о себе*. Реплика Русина *А что вас интересует?* выражает его согласие рассказать о себе. В (4), (5) и (8) посредством директивного вопроса говорящий призывает адресата к вербальной реакции.

2. Анализ закономерностей реализации директивных речевых актов с помощью вопросительных конструкций

Согласно Ю.Д. Апресяну (1974, с. 22), “императив или побуждение – это сообщение о желании говорящего, чтобы адресат выполнил определённое действие, и попытка каузировать его выполнение адресатом”.

Настоящий вопрос³ всегда включает в себе побуждение к речевому действию, так как представляет собой речевой акт, основной целью которого является получение от адресата неизвестной говорящему информации, а директивный вопрос выражает, как правило, побуждение к неречевому действию.⁴

Многие учёные рассматривают вопросы как тип директивных речевых актов. Дж. Серль относит интеррогативный речевой акт к категории

сотрудничества, поскольку просьба (так же как требования и приказания) предполагает ответное действие со стороны адресата, а не вербальную реакцию. Однако, и отрицательный ответ на тот же вопрос (*Вы не могли бы передать мне соль?* – *Нет*) является коммуникативно-неудовлетворительным (или, во всяком случае, нарушает определённые речевые конвенции), так как отказ от выполнения просьбы в общем случае требует определённого обоснования отказа (ср. [Ыйм 1979], где предлагается исчисление возможных реакций на речевые акты, представляющие собой разновидности “директив”).

³ Термин автора. См. Линдстрем 2003. Ср. «vraie question» (E. Lindström 1996, 2001).

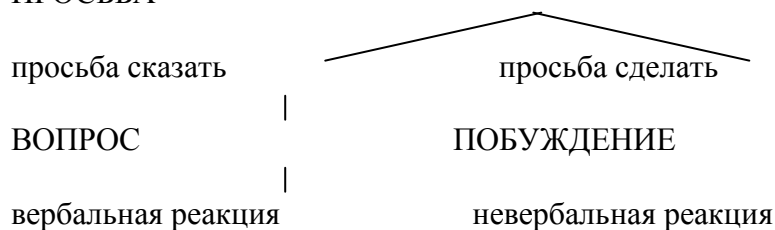
⁴ В некоторых случаях директивный вопрос может выражать побуждение к речевому действию, как, например, в (4), (5) и (8).

директивов, утверждая, что “вопросы – это подкласс директивов, так как они являются попытками со стороны говорящего побудить слушающего к ответу, т.е. побудить его совершить речевой акт”⁵ (Searle 1980, p. 53). Д. Гордон и Дж. Лакофф (Gordon, Lakoff 1985, p. 279-280) пишут: “Согласно ряду предположений (Постала, Дж. Лакоффа, Дж. Росса и других), логическая форма вопросов должна иметь вид: ПРОСИТ (а, b, СООБЩАЕТ (а, b, S)), а не СПРАШИВАЕТ (а, b, S), то есть *Я прошу, чтобы ты сообщил мне ...* [I request that you tell me ...], а не *Я спрашиваю тебя ...* [I ask you ...]”⁶.

Мы разделяем точку зрения В.С. Храковского и А.П. Володина (1986, с. 207), которые отмечают следующее: “Семантическая близость императивных и вопросительных конструкций представляется достаточно очевидной, поэтому неудивительно, что отдельные вопросительные конструкции могут быть функциональными синонимами или заместителями императивных конструкций”.

К. Кербрат-Орекьони (Kerbrat-Orecchioni 1991, p. 6) отмечает, что для многих теоретиков речевых актов директивный и интеррогативный речевые акты являются в одинаковой мере просьбами. Они отличаются друг от друга только способом удовлетворения этой просьбы адресатом (вербальным или невербальным). Представим это в виде следующей схемы:

ПРОСЬБА

Если придерживаться мнения, что сказать значит сделать (ср. “слово есть действие” согласно Дж. Остину (Austin 1962)), то любой вопрос является особым видом побуждения. Например, высказывание *Скажи мне, идёт ли снег* и высказывание *Закрой окно* функционируют согласно абсолютно одинаковой модели, которую можно представить как *Сделай действие X*. Таким образом, совсем неудивительно, что интеррогативный речевой акт может быть реализован с помощью императивной конструкции или перформативного высказывания с глаголом *сказать* (*Скажи мне, куда ты идёшь*, *Я тебя прошу сказать мне, куда ты идёшь* и т.п.), в то время как директивный речевой акт охотно принимает форму вопроса (*Ты не мог бы закрыть дверь?* *Нельзя ли попросить Вас не шуметь?* и т.п.).

⁵ Перевод автора.

⁶ Ср. J.Searle 1969, J.Searle & D.Vanderveken 1985, K.Bach & R.M.Harnish 1980, J. van der Auwera 1980, B.Fraser 1975 и др.

Для анализа закономерностей реализации директивных речевых актов с помощью вопросительных конструкций обратимся к теории речевых актов Дж. Серля (Searle 1975) и теории речевых актов Д. Гордона и Дж. Лакоффа (Gordon & Lakoff 1975).

Для директивного речевого акта Дж. Серль (1969, с. 66) предложил следующие условия успешности⁷:

– *условие пропозиционального содержания*: будущее действие адресата;

– *подготовительные условия*:

1. Адресат способен выполнить действие. Говорящий верит, что адресат способен выполнить это действие;

2. Ни для говорящего, ни для адресата не очевидно, что говорящий, при нормальном ходе событий, сам по себе выполнит это действие;

– *условие искренности*: говорящий хочет, чтобы адресат выполнил это действие;

– *главное условие*: побуждение рассматривается как попытка говорящего побудить адресата выполнить это действие.

Дж. Серль (1975, с. 77) предложил ряд закономерностей (обобщений⁸), объясняющих, каким образом предложения, обладающие одной иллокутивной силой, могут использоваться для реализации речевого акта с другой иллокутивной силой. Относительно возможности реализации директивного речевого акта с помощью вопросительной конструкции Дж. Серль сделал следующие обобщения:

Обобщение 1: Говорящий может высказать косвенную просьбу (или другое побуждение) посредством вопроса о выполнении некоторого подготовительного условия, касающегося способности адресата выполнить определённое действие;

Обобщение 2: Говорящий может высказать косвенное побуждение посредством вопроса о выполнении условия пропозиционального содержания;

Обобщение 3: Говорящий может высказать косвенное побуждение посредством вопроса о существовании веских или даже более чем веских причин для выполнения определённого действия (в случае, когда причиной является потребность или желание адресата выполнить действие, говорящий может лишь спросить, имеет ли адресат потребность или желание выполнить это действие).

Д. Гордон и Дж. Лакофф (1975, с. 85) предлагают следующие условия успешности речевого акта просьбы, которые они называют условиями искренности и относят к постулатам речевого общения⁹:

«а. ИСКРЕННЕ (а, ПРОСИТ (а, b, Q)) – ХОЧЕТ (а, Q)

⁷ Перевод автора.

⁸ “generalizations” – в терминологии Дж. Серля.

⁹ “conversational postulates” – в терминологии Д. Гордона и Дж. Лакоффа.

- b. ИСКРЕННО (a, ПРОСИТ (a, b, Q)) – ПРЕДПОЛАГАЕТ (a, МОЖЕТ (b, Q))
- c. ИСКРЕННО (a, ПРОСИТ (a, b, Q)) – ПРЕДПОЛАГАЕТ (a, СКЛОНЕН (b, Q))
- d. ИСКРЕННО (a, ПРОСИТ (a, b, Q)) – ПРЕДПОЛАГАЕТ (a, Q),

где Q имеет вид БУДУЩЕЕ (ДЕЛАЕТ (b, R)) /b сделает действие R/

Таким образом, если a искренне просит b, чтобы b сделал R, то a хочет, чтобы b сделал R, a предполагает, что b может сделать R, a предполагает, что b склонен сделать R, и a предполагает, что b не будет делать R при отсутствии соответствующей просьбы»¹⁰.

Возможность выражения просьбы посредством вопросительного по форме высказывания Д. Гордон и Дж. Лакофф (1975, с. 86) объясняют следующим образом: “Просьбу можно выразить посредством вопроса к условию искренности, ориентированному на слушающего”¹¹.

Этот вывод был сформулирован Д. Гордоном и Дж. Лакоффом (1975, с. 86-87) в виде следующих постулатов речевого общения¹²:

Постулат 1

СПРАШИВАЕТ (a, b, МОЖЕТ (b, Q)) – ПРОСИТ (a, b, Q)

Постулат 2

СПРАШИВАЕТ (a, b, СКЛОНЕН (b, Q)) – ПРОСИТ (a, b, Q)

Постулат 3

СПРАШИВАЕТ (a, b, Q) – ПРОСИТ (a, b, Q),

где Q имеет вид БУДУЩЕЕ (ДЕЛАЕТ (b, R)) /b сделает действие R/

Таким образом, Д. Гордон и Дж. Лакофф (1975) делают вывод, что вопрос относительно возможности, желания или готовности адресата выполнить какое-либо действие может быть равносильен просьбе выполнить это действие.

Мы разделяем точку зрения Р. Конрада (1986, с. 354), который считает, что обобщения Дж. Серля (1975) совпадают с постулатами речевого общения Д. Гордона и Дж. Лакоффа (1975). При этом мы считаем необходимым отметить, что Дж. Серль в своих обобщениях указывает на закономерность, которая не отражена в постулатах Д. Гордона и Дж. Лакоффа, а именно: говорящий может высказать косвенное побуждение посредством вопроса о существовании причин для выполнения определённого действия.

Приведём примеры вопросительных по форме высказываний, доказывающие справедливость обобщений Дж. Серля (1975) и постулатов речевого общения Д. Гордона и Дж. Лакоффа (1975):

9) И ещё одна приписка с важным поручением: “Р. S. **Не можешь ли ты, Саша, достать и прислать мне фотографическую химию?** Хочу постепенно ознакомиться с искусством фотографии” (Решин 1971, с. 20).

В (9) Д.М. Карбышев осуществляет речевой акт просьбы с помощью вопроса относительно возможности Саши достать и прислать ему фотографическую химию. Успешность выполнения речевого акта просьбы

¹⁰ Перевод автора.

¹¹ Перевод автора.

¹² Перевод автора.

в данном случае может быть объяснена с помощью **обобщения 1** Дж. Серля и **постулата 1** Д. Гордона и Дж. Лакоффа (ср. (8)).

10) Елена: Добрый вечер, Микмак! Ко мне приехала подруга из России. **Вы поставите ещё одну постель?**

Ламердье: Конечно, мадемуазель! Скорее! Жанетта! Приготовь постель! Скорей! (Шток 1951, с. 30).

В (10) просьба Елены выражена с помощью вопроса о готовности Ламердье поставить ещё одну постель. Успешность реализации речевого акта просьбы в данном случае может быть объяснена с помощью **обобщения 2** Дж. Серля и **постулата 3** Д. Гордона и Дж. Лакоффа.

11) Городничий: **Не угодно ли будет вам осмотреть теперь некоторые заведения в нашем городе, как-то – богоугодные и другие?**.....

Хлестаков: С большим удовольствием, я готов (Гоголь 1983, с. 187).

В (11) городничий осуществляет речевой акт предложения с помощью вопроса о желании Хлестакова осмотреть богоугодные и другие заведения. Успешность выполнения речевого акта предложения в данном случае может быть объяснена с помощью **обобщения 3** Дж. Серля и **постулата 2** Д. Гордона и Дж. Лакоффа.

12) – ... Только сядешь за компьютер, как опять звонит телефон.

– **А кто тебя заставляет подходить?** Можешь, в конце концов, его отключить (Жаркова, Кутукова, Ольхова, "Тет-а-тет". Диалоги на уроке русского языка // *Русский язык за рубежом*, № 1, 2001, с. 5).

В (12) говорящий осуществляет речевой акт совета посредством вопроса о существовании у адресата веской причины для того, чтобы подходить к телефону. Успешность речевого акта совета в данном случае может быть объяснена с помощью **обобщения 3** Дж. Серля. Следует отметить, что данный речевой акт также является риторическим вопросом, выражающим суждение с утверждением противоположного *Никто тебя не заставляет подходить к телефону*. Именно это косвенное утверждение несёт в себе директивное значение *Не подходи к телефону*.

На наш взгляд, обобщения Дж. Серля и постулаты речевого общения Д. Гордона и Дж. Лакоффа нуждаются в дополнении. В связи с этим мы предлагаем дополнить перечень обобщений Дж. Серля **обобщением 4** и **обобщением 5**, а перечень постулатов Д. Гордона и Дж. Лакоффа – **постулатом 4** и **постулатом 5**.

Обобщение 4. Говорящий может высказать косвенное побуждение посредством вопроса о наличии у адресата того, что желает получить говорящий.

Постулат 4

СПРАШИВАЕТ (a, b, ИМЕЕТ (b, Q)) – ПРОСИТ (a, b, Q),

где a – говорящий, b – адресат, Q – то, о чём просит говорящий.

Приведём примеры, доказывающие справедливость **обобщения 4** и соответствующего ему **постулата 4**:

13) Милиция (Милославскому): **Ваше удостоверение?**

Милославский: Ну, чего удостоверение? Что же удостоверение? Милославский я, Жорж (Булгаков 1987, с. 331),

14) – С приездом, с приездом! Пожалуйста. Не укачало вас?

– Ничуть. Прекрасно доехали. **Нет ли у вас мелочи?** У извозчика нет с трёх рублей сдачи.

– Сейчас, сейчас. Вы только не беспокойтесь ... (Катаев 1950, с. 56),

15) А тут, случись, идёт по дороге нищий старичок. Увидел солдата и говорит:

– **Не найдётся ли у тебя, служивый, табачку на понюшку?**

Солдат думает: “Дать половину – так мало, обидится ещё”, - и весь табак старичку отдал. (*В тридевятом царстве, в тридесятом государстве, Солдат и черти, русская народная сказка*, с. 68),

16) 1) **У вас нет сегодняшней газеты?** 2) **У вас нет двух копеек?** Мне нужно позвонить по телефону. 3) **У вас нет ручки?** 4) **У вас нет чистой тетради?**

5) **У вас нет лишнего билета?** (в театр, на спектакль, в кино) (Дерибас 1983, с. 30).

В (14), (15) и (16) просьбы о наличии у адресатов запрашиваемых предметов выражаются с помощью вопросительных предложений с поверхностным отрицанием: *Нет ли у вас ...? Не найдётся ли у вас ...? У вас нет...?*. Необходимо отметить, что в русском языке данные конструкции являются конвенциональными оборотами для выражения просьбы.¹³

Обобщение 5. Говорящий может высказать косвенное побуждение посредством вопроса о разрешении выполнить какое-либо действие.

Постулат 5

СПРАШИВАЕТ (а, b, РАЗРЕШАЕТ (b, Q)) – ПРОСИТ (а, b, Q), где а – говорящий, b – адресат, Q имеет вид БУДУЩЕЕ (ДЕЛАЕТ (а, R) /а сделает действие R/.

Приведём примеры, доказывающие справедливость **обобщения 5** и соответствующего ему **постулата 5**:

17) Ошивенский: Барон, вы бы тут помогли. Скоро начнут собираться. (Кузнецову) **Можно вам предложить коньяку?**

Кузнецов: Благодарствуйте, не откажусь. ... (Набоков 1990, с. 240),

18) – Довольны ли вы, господа генералы? – спрашивал между тем мужичина-лежебок.

– Довольны, любезный друг, видим твоё усердие! – отвечали генералы.

– **Не позволите ли теперь отдохнуть?**

– Отдохни, дружок, только своей прежде верёвочку. (Салтыков-Щедрин 1987, с. 455),

19) – Сударыня, – сказал я ей, – я всё видел. **Не могу ли я чем-нибудь помочь вам?**

¹³ Т.В.Булыгина и А.Д.Шмелёв (1997, с. 287) отмечают следующее: "Использование конструкции *Нет ли у вас X?* настолько конвенционализировано в русском языке как способ выражения просьбы, что невозможным оказывается употребление таких предложений в функции вопроса. Аномальными выглядели бы, например, вопросы анкеты: *Нет ли у вас детей? Нет ли у вас правительственных наград?* и т.п.". Л.А.Дерибас (1983, с. 30) обращает внимание на то, что "вопросительная конструкция типа *у вас нет чего* употребляется для выражения просьбы".

– Да, вы кажетесь мне честным. Дайте мне руку и возьмите свёрток, который мой слуга уронил, получив удар саблей от швейцарца, только что покинувшего меня (Виноградов 1982, с. 67),

20) Гетман (*Шервинскому*): Пожалуйста, записывайте протокол совещания.

Шервинский: **По-русски разрешите, ваша светлость?**

Гетман: Генерал, могу просить говорить по-русски?

Шратт (*с резким акцентом*): О да! С большим удовольствием

(Булгаков 1987, с. 80).

В (17) и (19) посредством вопросов о разрешении выражены предложения, а в (18) и (20) – просьбы.

Каковы же причины столь широкого употребления вопросительных по форме высказываний в директивном значении?

Дж. Серль (1986, с. 201) справедливо отмечает, что “в силу принятых требований вежливости в речевом общении нередко бывает неуместным высказывание прямых повелительных предложений (например, *Leave the room* “Выйдите из комнаты”) <...>, и поэтому мы ищем косвенные средства для осуществления наших иллокутивных целей” (ср. вышеприведённые примеры ((8), (9), (11), (14), (15), (16), (17), (18), (19), (20)).

Как мы уже отмечали, принцип вежливости не является универсальным объяснением для всей совокупности директивных речевых актов, реализуемых с помощью вопросительных конструкций. В доказательство приведём несколько примеров директивных вопросов, которые не являются вежливыми: (2), (3), (4), (5), (6).

21) Аксюша: Я ведь не пойду за него; так к чему же эта комедия?

Гурмыжская: Комедия! **Как ты смеешь?** Да хоть бы и комедия: я тебя кормлю и одеваю и заставляю играть комедию. (Островский 1974, с. 302),

22) Карп: Дождитесь своего термину, когда вас позовут.

Пётр: Да чудак, ведь у нас с тятенькой дела.

Карп: Нужда нам велика до ваших дел! Нельзя же, помилуйте! **Куда же вы лезете?** (Островский 1974, с. 323),

23) Вальс: **Послушайте, что вы ко мне пристали?** Я просто вам говорю, что сегодня устал и не могу целый день разбирать дурацкие доклады ... (Набоков 1990, с. 210),

24) – А на улице что? – помолчав, спросил Саша Самоходка.

– Дома, люди ...

– Девчата ходят?

– Ходят.

– Красивые? – допытывался Самоходка.

Михай промолчал. Голова его монотонно качалась в раме окна.

– **Тебе чего, трудно сказать?** Красивые девки-то? (Носов 1987, с. 365),

25) **Что вы там жмётесь по углам?** Давайте к столу, тяпнем по сто грамм. (Шляхов 2001, с. 45).

В (4), (5), (6), (21) и (22) выражены приказы *Не шепчите! Говорите! Пойте! Не смей! Не лезьте!* во (2) – ироничный совет *Взял бы ты борова!*, в (3), (23) и (24) – настойчивые просьбы *Послушайте меня! Не приставайте ко мне! Скажи!*. В (25) выражено предложение *Подходите ближе!* с помощью жаргонного оборота *Что вы там жмётесь по углам?*, к услугам которого мы прибегаем, когда, например, «хотим сломать

барьеры официального общения, перейти на “короткую ногу”» (Шляхов 2001, с. 45)).

С помощью директивного вопроса говорящий может выразить приказ, просьбу, совет или предложение. При этом говорящий предоставляет адресату возможность вербально выразить отказ или согласие выполнить ожидаемое от него действие. Однако, задавая директивный вопрос, говорящий всегда предполагает, что адресату психологически сложно будет ответить на него отказом, и, таким образом, не выражая побуждения в категоричной форме, как правило, достигает желаемой коммуникативной цели¹⁴.

Употребление вопросительных конструкций для выражения директивных речевых актов настолько прочно вошло в языковой узус, что иногда даже настоящие вопросы могут быть восприняты как побуждения, и это влечёт за собой возникновение довольно курьёзных ситуаций, например:

26) На франко-испанской границе в купе вагона входит таможенник:

- **Коньяк? Табак? Наркотики?** – спрашивает он.
- Чашечку кофе, пожалуйста, - отвечает пассажир (анекдот),

27) Судья:

- Значит, Вы утверждаете, что в тот вечер сели за руль трезвым?
- Естественно.
- **Ну, а вообще Вы как, пьёте?**
- Не совсем понял, Ваша честь, это вопрос или предложение? (анекдот).

3. Классификация директивных вопросов

Для выделения основных семантико-прагматических типов директивных вопросов мы будем опираться на классификацию императивных высказываний, предложенную В.С. Храковским и А.П. Володиным (1986, с. 136-137). Эта классификация основана на трёх классификационных признаках (импульс каузации, заинтересованность и субординация):

А – импульс каузации,

A1 – импульс каузации исходит от говорящего,

A2 – импульс каузации исходит от слушающего,

Б – заинтересованность,

B1 – исполнение каузируемого действия в интересах говорящего,

B2 – исполнение каузируемого действия в интересах слушающего,

В – субординация,

V1 – говорящий ставит себя выше слушающего,

V2 – говорящий ставит себя не выше слушающего.

В.С. Храковский и А.П. Володин строят свою классификацию императивных высказываний на основе возможности сочетания двух значений трёх классификационных признаков:

1) A1 B1 V1 – приказ

2) A1 B1 V2 – просьба

¹⁴ Ср. И. Кант (2000).

- 3) A1 B2 B1 – инструкция
- 4) A1 B2 B2 – предложение
- 5) A2 B2 B1 – разрешение
- 6) A2 B2 B2 – совет

По признаку А (импульс каузации) все императивные значения делятся В.С. Храковским и В.П. Володиным (1986, с. 138) на фактитивные (приказ, просьба, инструкция, предложение) и пермиссивные (совет, разрешение).

Следует отметить, что мы не совсем согласны с определениями речевых актов предложения и совета, данными В.С. Храковским и В.П. Володиным. На наш взгляд, речевой акт предложения может совершаться не только в интересах адресата (A1 B2 B2 – согласно классификации В.С. Храковского и В.П. Володина)¹⁵, но и в интересах говорящего, например:

28) Швейцария. Горный отель. Не сезон. Приехали два англичанина. Недели две ходили порознь. Наконец, будучи представленными друг другу барменом, сидят за общим столиком в баре. Первый начинает беседу:

– Простите, сэр, **а не обсудить ли нам последние новости в *Times*?**

– Да вы знаете, сэр, я как-то раз пробовал ... мне не понравилось.

Немного помолчали ... Первый опять начинает:

– Простите, сэр, **а не сыграть ли нам партию в вист?**

– Да вы знаете, я как-то раз пробовал ... мне не понравилось.

Помолчали ещё. Первый делает третий заход:

– Простите, сэр, **а не выпить ли нам по стаканчику виски?**

– Да вы знаете, сэр, я как-то раз пробовал ... мне не понравилось ... но вот мой старший сын ...

– Простите, сэр! У вас есть ещё и младший сын?!! (анекдот),

29) – **Кому семь смертных грехов? Кому будущее на том свете?** – весело вызывает на ходу офеня, держа на уровне головы свои лубочные картинки с зелёными и красными чертями ...

.....
– **Кому тёщин язык?** – громко вызывает продавец, надувая свистульку, из которой вытягивается длинный бумажный язык, похожий на змею, и, свёртываясь обратно, орёт диким гнусавым голосом. (Телешов 1958, с. 263 и 275),

30) – **Давай чего-нибудь? Чаю? Или кофе? А может, что ... с дороги-то?** – Смешной Фёдор начал соваться по шкафам. – Счас изобретём ... Во, коньяк! Будешь?

– Давай. ... (В.Шукшин, *Как зайка летал на воздушных шариках*, с. 197),

31) Однажды Марья Сергеевна Борзова сказала Мартынову:

– **Чего никогда не зайдёшь к нам, Пётр Илларионыч, вечером посидеть?**

– Спасибо, – поблагодарил немного удивлённый Мартынов. ...

.....
Знаешь, зачем я тебя позвала? ... Продолжить тот разговор ...
(Овечкин 1987, с. 431 и 434).

В (28) и (30) выражены предложения к выполнению совместного действия. В (29) продавцы осуществляют речевые акты предложения в собственных интересах, призывая покупателей купить их товар. В (31)

¹⁵ Ср. вышеприведённые нами примеры речевых актов предложения, совершаемого в интересах адресата, в (1), (11), (17), (19) и (25).

Борзова предлагает Мартынову зайти к ней в гости, чтобы продолжить интересующий её разговор.

Что касается речевого акта совета, В.С. Храковский и А.П. Володин отмечают следующее: “... как одна из интерпретаций пермиссивной каузации совет предполагает наличие некоторого импульса, запроса (в данном случае, очевидно, только вербального, типа: *что мне/ему делать, как мне/ему поступать*); затем следует императивная конструкция, выражающая собственно совет. ... Императивные конструкции нередко вводятся глаголом *советовать*, но этот глагол относится к числу фактитивных и вводит, если принимать нашу терминологию, не совет, а предложение, которое представляет собой непрошенный совет. Подобная ситуация может встретить негативное отношение того, кому этот совет адресуется ... человек не любит непрошенных советов” (В.С. Храковский, А.П. Володин 1986, с. 169-170).

Л.А. Бирюлин (1992) придерживается другого мнения относительно речевого акта совета и отмечает следующее: “Императивные высказывания со значением “совет” могут быть как фактитивно, так и пермиссивно интерпретируемыми” (Бирюлин 1992, с. 28).

Мы разделяем точку зрения Л.А. Бирюлина (1992) и считаем, что речевой акт совета не ограничивается пермиссивным значением. При реализации речевого акта совета импульс каузации может исходить не только от адресата¹⁶ (A2 B2 V2 – согласно классификации В.С. Храковского и А.П. Володина (1986)), но и от говорящего, например: (2),

32) Возле штабной землянки Морозов заметил сидевшего под деревом генерала Карбышева. Он подошёл к нему и спросил:

– **Почему вы, Дмитрий Михайлович, до сих пор не уехали в Москву?**

.....
Морозов стал убеждать генерала: пока не поздно, ему следовало бы уехать. (Решин 1974, с. 217),

33) Обвязал Иван концом верёвки одну красавицу и дёрнул, чтобы поднимали её орлы. За первой – вторую наверх переправил, за второй – третью. Дошла очередь и до него самого. Стали и его вытягивать орлы. До половины пути подняли, и вдруг говорит золотой орёл своим братьям:

– **Не лучше ли, братцы, оставить его в подземном царстве?** Если не будет его с нами – поженимся мы на трёх красавицах и заживём все в мире и дружбе. (*В тридевятом царстве, в тридесятном государстве, Иван-богатырь, чувашская сказка*, с. 184),

34) И вдруг генерала, который был учителем каллиграфии, озарило вдохновение ...

– А что, ваше превосходительство, – сказал он радостно, – **если бы нам найти мужика?** (Салтыков-Щедрин 1984, с. 455).

В (2) и (32) речевой акт совета имеет фактитивное значение и осуществляется в интересах адресата. В (33) и (34) речевой акт совета также имеет фактитивное значение, но осуществляется как в интересах адресата, так и в интересах говорящего.

¹⁶ Ср. речевой акт совета в (12).

Анализ примеров речевых актов предложения и совета дал нам возможность сделать следующие выводы:

1) Речевой акт предложения может совершаться не только в интересах адресата ($A1\Lambda B2\Lambda B2$)¹⁷, но и в интересах говорящего ($A1\Lambda B1\Lambda B2$) или в совместных интересах говорящего и адресата ($A1\Lambda(B1+B2)\Lambda B2$);

2) При реализации речевого акта совета импульс каузации может исходить не только от адресата ($A2\Lambda B2\Lambda B2$), но и от говорящего ($A1\Lambda B2\Lambda B2$);

3) Совет может осуществляться как в интересах адресата ($(A1VA2)\Lambda B2\Lambda B2$)¹⁸, так и в совместных интересах говорящего и адресата ($(A1VA2)\Lambda(B1+B2)\Lambda B2$).

Таким образом, речевые акты предложения и совета мы предлагаем представить следующим образом:

Предложение – $A1\Lambda(B1VB2V(B1+B2))\Lambda B2$

Совет – $(A1VA2)\Lambda(B2V(B1+B2))\Lambda B2$

Необходимо отметить, что в классификации В.С. Храковского и А.П. Володина (1986), $A1\Lambda B1\Lambda B2$ соответствует речевому акту просьбы, а $A1\Lambda B2\Lambda B2$ – речевому акту предложения. Однако речевой акт предложения, совершаемый в интересах говорящего ($A1\Lambda B1\Lambda B2$), не равносителен речевому акту просьбы, так как в отличие от просьбы, при реализации предложения даже в своих собственных интересах говорящий предоставляет адресату полную свободу выбора совершать или не совершать предлагаемое ему действие, предполагая при этом возможность отказа (см. (29) и (31)). Речевой акт совета с фактитивным значением, совершаемый в интересах адресата ($A1\Lambda B2\Lambda B2$) или в совместных интересах говорящего и адресата ($A1\Lambda(B1+B2)\Lambda B2$), равносителен доброжелательному предложению (см. (2) и (32)). Речевой акт совета с пермиссивным значением ($A2\Lambda(B2V(B1+B2))\Lambda B2$), как правило, всегда является доброжелательным, так как мы обычно не обращаемся за советом к людям, которые настроены к нам недоброжелательно.

В.С. Храковский и А.П. Володин (1986) в своей классификации различных видов побуждения рассматривают в основном директивные речевые акты, реализованные с помощью императивных конструкций (прямые побуждения).

Наша задача заключается в классификации косвенных побуждений, реализованных с помощью вопросительных конструкций (директивных вопросов).

Директивные вопросы В.С. Храковский и А.П. Володин (1986, с. 207-209) называют “вопросительными императивными конструкциями” и представляют только три формальных разновидности таких конструкций:

- 1) Конструкции типа *Не напишешь ли ты письмо матери?*;
- 2) Конструкции типа *Ты не напишешь письмо матери?*;

¹⁷ Λ – символ конъюнкции.

¹⁸ V – символ дизъюнкции.

3) Конструкции типа *Не написать ли тебе письмо матери?*.

В.С Храковский и А.П.Володин отмечают, что данные конструкции выражают фактитивную каузацию и имеют значение просьбы или предложения.

На основании введённого нами понятия директивного вопроса, проведённого нами прагматического анализа закономерностей реализации директивных речевых актов с помощью вопросительных конструкций, классификации императивных высказываний, предложенной В.С. Храковским и А.П. Володиным (1986), и сделанных нами дополнений к этой классификации, мы предлагаем разделить директивные вопросы на четыре семантико-прагматических типа:

Вопросы-приказы

Вопросы-просьбы

Вопросы-предложения

Вопросы-советы

Этим типам директивных вопросов соответствуют следующие сочетания значений классификационных признаков:

Вопросы-приказы – $A1 \wedge B1 \wedge B1$

Вопросы-просьбы – $A1 \wedge B1 \wedge B2$

Вопросы-предложения – $A1 \wedge (B1 \vee B2 \vee (B1 + B2)) \wedge B2$

Вопросы-советы – $(A1 \vee A2) \wedge (B2 \vee (B1 + B2)) \wedge B2$

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. – М., 1974.

Бирюлин Л.А. Теоретические аспекты семантико-прагматического описания императива. Автореферат дисс.... докт. филол. наук. – Л., 1992.

Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М., 1997.

Дерибас Л.А. Безличные предложения глагольного типа // Русский язык за рубежом. – М., 1983. № 1. - С. 29-35.

Кант И. Лекции по этике. – М., 2000.

Конрад Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. – М., 1985.

Линдстрем Е. Употребление вопросительных конструкций для выражения косвенных речевых актов в русском языке // Zbornik Matice Srpske za slavistiku. № 65/66, 2004.

Линдстрем Е.Н. Классификация русских вопросительных по форме высказываний на базе прагматически обоснованной универсальной модели. Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2003.

Русская грамматика: В 2-х томах. - М., 1980.

Серль Дж.Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. – М., 1986.

Современный русский литературный язык.- М., 1996.

Храковский В.С., Володин А.П. Русский императив. - М, 1986.

Шляхов В. Языковая революция и жаргон. // Вестник МАПРЯЛ. № 32. - М., 2001. - С. 43-48.

Austin J.L. How to do things with words. - Oxford, 1962.

Auwera J. van der On the meaning of basic speech acts // Journal of Pragmatics. № 4. 1980. - P. 253-264.

Bach K., Harnish R.M. Linguistic communication and speech acts. Cambridge University Press, - 1980.

Fraser B. Hedged performatives. In P.Cole & J.L.Morgan (eds.) // Syntax and semantics. Vol. 3: Speech acts. - New York, 1975. - P. 187-210.

Gordon D., Lakoff G. Conversational Postulates. In P.Cole & J.L.Morgan (eds.) // Syntax and Semantics. Vol. 3: Speech acts. - New York, 1975. - P. 83-106.

Kerbrat-Orecchioni C. La question. - Lyon, 1991.

Lindström E. Fonctions pragmatiques non interrogatives des questions en français. In: O.Merisalo & T.Natri (eds.), Actes du XIIIe congrès des romanistes scandinaves 1996. Jyväskylä, 1998. - P. 371-381.

Lindström E. Valeurs illocutoires dérivées d'énoncés de forme interrogative en français, en anglais, en suédois et en russe. Pragmatics in 2000: Selected papers from the 7th International Pragmatics Conference, Vol. 2, ed. By Enikő Németh T., Antwerp: International Pragmatics Association, 2001. - P.366-385.

Searle J.R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. - Cambridge, 1969.

Searle J.R. Indirect Speech Acts. In P.Cole & J.L.Morgan (eds.), Syntax and Semantics. Vol. 3: Speech acts. - New York, 1975. - P. 59-82.

Searle J.R. The background of meaning. In John R. Searle, Ferenc Kiefer and Manfred Bierwisch (eds.). Speech Act Theory and Pragmatics. Dordrecht, 1980.

Searle J., Vanderveken D. Foundations of illocutionary logic.-Cambridge, 1985.

Использованные тексты

Булгаков М.А. Пьесы. – М., 1987.

Виноградов А.К. Чёрный консул. -Минск, 1982.

В тридевятиом царстве, в тридесятом государстве // Сказки народов СССР. – Л., 1971.

Гоголь Н.В. Повести. Драматические произведения. – Л., 1983.

Горький М. Собрание сочинений в восьми томах: том 8. Пьесы. – М., 1990.

Дерибас Л. А. Безличные предложения глагольного типа // Русский язык за рубежом. – М., 1983. № 1. - С. 29-35.

Жаркова Е.Х., Кутукова Н.В., Ольхова Л.Н. “Тет-а-тет”. Диалоги на уроке русского языка // Русский язык за рубежом. – СПб, 2001. № 1.

Катаев В.П. Белеет парус одинокий. - М., 1950.

Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах: том 2. – М., 1990.

Маяковский В.В., Стихотворения. Поэмы. – М., 1963.

Набоков В.В. Пьесы. - М., 1990.

Носов Е. Рассказы. – М., 1987.

- Овечкин В. Рассказы. – М., 1987.
 Островский А.Н. Пьесы. – М., 1974.
 Решин Е.Г. Генерал Карбышев. – М., 1971.
 Салтыков-Щедрин М.Е. Сатирические романы и сказки. – М., 1987.
 Телешов Н.Д. Записки писателя. – М., 1958.
 Шток И. Победители ночи. – М., 1951.
 Щукин А.Н. Русский язык в диалогах. – М., 1983.

Ксения Кончаревич
 Белград

Коммуникативное поведение монашествующих в сербской речевой и социокультурной среде (ситуативная модель анализа)

Монашество представляет собой одно из величайших и, пожалуй, самых ярких явлений христианской жизни и христианского религиозного опыта. В истории Православной Церкви монашество оказало могучее влияние на многие стороны христианского учения и образа жизни, содействуя формированию христианской нравственности, православного богословия, аскетики, каноники, литургики, иконографии, богослужебного языка, пастырства, духовничества, старчества. В учреждении монашества христианство в своих возвышенных устремлениях к совершенству и святости, в своем последовании Христу и служении ближним нашло свое самое полное и максимально возможное идеальное воплощение (см. Кардамакис 1996, с. 174; Поповић 1998, с. 7; Вафидис 2004, с. 27-45).

Возникновение и формирование монашества связывается с упадком религиозно-нравственных идеалов среди большинства верующих после признания христианства государственной религией (IV в.). В поисках высшего духовного подвига совершился великий исход в пустыню подвижников христианской молитвы и строгого благочестия, сначала в Египте, Палестине и Сирии, а потом и в других областях – в Византии, Болгарии, Сербии, России, Валахии, на Западе. Со временем возникают такие виды монашеской жизни, как анахоретский, лавриотский, киновийный и идиоритмический (подробнее см. Милаш 1902, с. 5-16; Радосављевић 1998, с. 10-17).

В своем историческом развитии монашество в разных национальных средах, естественно, принимало некоторые специфические черты, связанные главным образом с ментальностью и этнопсихологическими особенностями духовной жизни данной среды. И хотя национальный момент не касается самой сути монашества – как раз наоборот, он ему глубоко чужд, поскольку монашество по своей сути представляет универсальное и общечеловеческое явление, традиции и устройство монашеской жизни, а также ее проявления в разных сферах вербального и невербального коммуникативного поведения дают возможность говорить о

специфических духовных стилях и отличающихся друг от друга опытах палестинского, сирийского, греческого, русского, сербского, монашества на Западе и т. п.

С монашеской жизнью сербы начали знакомиться еще во время распространения христианства на Балканах. Иночество среди них утверждали святые Климент и Наум – ученики славянских апостолов свв. Кирилла и Мефодия. Первоначально монашество в Сербии было киновийного (общежительного) направления, в насаждении которого содействие церковной власти оказывали государственные правители. Вскоре развилось и другое направление – анахоретское (пустынножительное). До сих пор в области Охридского и Преспанского озер, в местах малодоступных, сохранились остатки многих церквей и скитов, в которых, начиная с X века, подвизались монахи-отшельники. Организатором монашества среди сербов является святой Савва – великий афонский подвижник-аскет и первый сербский архиепископ († 1235), который заложил фундамент организационного устройства сербского монашества («Карейский устав», «Хиландарский устав», «Студеницкий устав» - ср. Сава Српски 2005, с. 93-161). Со времени св. Саввы аскетические идеалы и устройство сербского монашества теснейшим образом опирались на афонскую традицию.

Сербская Православная Церковь богата древнейшими монастырями, которые как в прошлом, так и в настоящем составляли и составляют ее славу и неисчерпаемое духовное сокровище. «Ни один христианский народ в Европе», - свидетельствует сербский историк XIX столетия, - «не имел столько монастырей и церквей пропорционально к своей численности, сколько имели сербы» (Дучић 1894, с. 357-358).

Из древнейших сербских монастырей, основанных правителями из династии Неманичей, следует упомянуть Хиландарскую обитель на Афоне в честь иконы Пресвятой Богородицы «Путеводительницы», Свято-Успенскую Лавру Студеница, Жичский монастырь близ г. Кралево, Печскую Патриархию (с главным храмом в честь Вознесения Господня), Сопочанскую обитель в честь Святой Троицы, Свято-Вознесенский Дечанский монастырь, и т. д. Даже в период турецкого ига сооружались новые монастыри в Македонии, центральной Сербии, в Зете, на Приморье, в сегодняшней Воеводине (подробнее см. Марковић 1920, с. 4-156; Ћирковић 1969, с. 36-52; Кашић 1969, 139-162; Веселиновић 1969, с. 163-192; Кашић 1984, с. 9-67, с. 79-84).

На всем протяжении своего существования монашеские обители – монастыри – были рассадниками просвещения, очагами благотворительности, центрами религиозного и национального самосознания сербского народа и его духовной культуры. В разное время отечественной истории монастыри служили в качестве военно-оборонительных сооружений, осуществляли миссионерскую и нравственно-просветительную деятельность, в них работали скриптории, а позднее типографии, были свои иконописные школы, странноприимные

дома, больницы... При монастырях образование получали будущие священнослужители, монахи, преподаватели гражданских школ. Не следует забывать и о благотворительной деятельности мужских и женских обителей, а также о неocenимом воздействии монастырских традиций (архитектура, иконы, фрески, поэзия церковных песнопений) на художественное творчество сербского народа (ср. Калезић 1973, с. 69-70; Злоковић 1969, с. 384-385).

В настоящее время (по данным на 1989 год) Сербская Православная Церковь имеет в своем составе 204 монастыря с 223 монахами и 986 монахинями (Ранковић 1989, с. 67). Жизнь в сербских монашеских обителях определяется Уставом СПЦ (Устав 1957, с. 98-101) и «Правилами для внутренней и внешней монашеской жизни», изданными в 1963 г. Священным Синодом (Уредба 1963). Кроме того, монастыри, славящиеся богатыми традициями, руководствуются и собственными уставами (так, например, известен устав Дечанской обители – см. Устав 1981)¹⁹. В «Правилах» читаем: «Монашеская жизнь имеет одну цель: спасение души. Поэтому все, что ведет к этой цели, необходимо исполнять как заповеди Божии, которые не имеют в виду ничего иного, кроме спасения исполняющих их (свят. Василий Великий). Монашеские пути спасения суть: обет послушания, целомудрия и нищеты. Они достигаются исполнением евангельских добродетелей: молитвы, поста, труда, смирения, кротости, терпения, любви и прочих» (статья 16). Монашескую обитель составляют братия (великосхимные, малосхимные и рясофорные монахи) и послушники (ст. 3).

В монастырь может быть принят любой православный христианин, независимо от того, каким образом он проводил жизнь в миру, а также независимо от пола, имущественного состояния, национальности и возраста (ст. 7). Послушничество, в течение которого кандидат учится церковной и келейной молитве и усваивает правила монашеского поведения, продолжается три года, но этот срок может быть и сокращен, (а) если послушник уже раньше был известен настоятелю или окончил какую-либо богословскую школу, (б) если он до вступления в монастырь был известен по строгости жизни, которая не отличалась от монашеской, и (в) в случае смертной опасности (ст. 10). Согласно данным Правилам, постриг в рясу совершается над кандидатом не раньше, чем ему исполнится 21 год (ст. 11); постриг в малую схиму – после 40 лет (ст. 14), а в великую схиму – после 50 лет (ст. 15) (Уредба 1963, с. 3-10).

Монастырь есть прежде всего дом молитвы, и поэтому монахи и послушники должны регулярно посещать все богослужения (ст. 29) и

¹⁹ В других национальных культурах также существуют нормативные документы данного типа; так, например, новейший опыт Елладской архиепископии в деле устройства монашеского общежития хорошо представлен в трудах архимандрита Эмилиана Вафидиса, игумена монастыря Симонопетра и устроителя општежития в Благовещенской женской обители в Ормилии, Халкидика (Вафидис 2004, с. 11-164).

неукоснительно совершать келейное молитвенное правило (ст. 33). Одновременно, в монастыре каждый должен заниматься физическим и/или умственным трудом, в соответствии со своими склонностями и способностями (ст. 34, 36) (Уредба 1963, с. 17-20).

Послушания в сербских православных монастырях, в зависимости от их расположения (городские или монастыри, расположенные в сельской местности) и состава братств/ сестричеств (численность, пол, возраст, образование насельников), связаны с обработкой земли, виноградарством, овощеводством, скотоводством, пчеловодством, шитьем священнических одежд, вышиванием, иконописанием, издательской и переводческой деятельностью, воспитанием детей, уходом за больными и немощными, и др.

Каждый монастырь находится в подчинении монастырского настоятеля. Верховным настоятелем и надзирателем всех мужских и женских монастырей и монастырских братств в любой епархии является правящий архиерей (ст. 208 Устава СПЦ – Устав 1957, с. 98). Настоятель монастыря обладает непосредственной исполнительной властью над вверенным ему братством, он несет ответственность за сохранение церковных и монастырских правил и за исполнение распоряжений высших церковных властей (ст. 43 Правил – Уредба 1963, с. 24). Помощниками настоятеля в управлении монастырем являются благочинный как его непосредственный заместитель, духовник – священнослужитель и исповедник, эконо́м, экклисиарх, который старается о священных одеждах, сосудах, чистоте храма и т. п., каннонарх, руководящий богослужением, и странноприимец, заботящийся о нуждах посетителей (ст. 47 Правил – Уредба 1963, с. 27-28).

Уставными правилами регулируется широкий спектр вопросов, касающихся поведения насельников монастыря и их отношений к посетителям. Помимо перечисления прав и обязанностей монашествующих, документами подобного рода предусматриваются и исправительные меры в случае нарушения уставом предусмотренного порядка. Для нашего исследования исключительно важным является факт, что и некоторые аспекты вербального коммуникативного поведения регулируются нормативными документами СПЦ. Так, статья 32 упомянутых выше Правил для внутренней и внешней монастырской жизни говорит о том, что на монастырских богослужениях нельзя петь слишком громко или по-мирски, и что чтение и пение должны совершаться благообразно, чинно, с полным пониманием смысла, без убыстрения или замедления темпа произношения, «ибо первое от духа лености, а второе от духа сластолюбия исходит».

На богослужениях разговаривать нельзя (ст. 31); в общении с братьями и послушниками недопустимо злословление, осуждение или любое проявление вербального насилия (ст. 19); во время еды, после повечерия или молитв «на сон грядущим» необходимо строго соблюдать молчание (ст. 49); общение с посторонними, особенно с лицами иного пола, допустимо лишь в случае необходимости, когда оно должно

сводиться к минимуму (ст. 63); говорить посторонним лицам о внутренней жизни обители также воспрещается (ст. 64).

Одной из исправительных мер, налагаемых на монаха, может быть молчание, сопровождаемое земными поклонами (Уредба 1963, с. 11-12, 18, 29-30, 35-26, 38). Такие уставные определения, несомненно, исходят из универсального, наднационального аскетического отношения к коммуникации, речи, языку. Этой проблеме здесь мы тоже уделим определенное внимание в целях более полного понимания последующего описания параметров вербального и невербального коммуникативного поведения в сербской монашеской среде.

Следует иметь в виду, что монашеская жизнь представляет собой непрерывную синергичную проповедь подвижничеством, возрастанием во Христе, притом проповедь без слов. Св. Иоанн Лествичник в данном смысле учит: «Свет монахам излучают ангелы, но жизнь монашеская излучает свет всем людям» (Лествичник 1993, с. 157). В процессе аскетического преображения своего отношения к миру, когда монах раскрывает уникальность логоса каждой вещи в отдельности, возводя деятельное пользование миром на уровень непрерывного изучения истины об этом мире, преображается также его отношение к языку и к использованию языка.

В монашеской духовности слово, благодаря участию иноков в богослужении, слушанию проповедей, чтению духовной литературы, играет существенную онтологическую роль. Истинное познание Слова Божия возможно лишь при условии существенного изменения подвижника, которое подразумевает отвержение прежнего образа жизни ветхого человека (ср. Ефес. 4, 22) и становление «телесного» человека «духовным» (Рим. 8, 5). «Божественное Писание», - пишет один из филокалийных Отцов, преп. Никита Стифат, - «постигается духовно и сокрытые в нем сокровища только духовным людям открываются Духом Святым» (Стифат 1992, с. 113). Духовность, т. е. «сопребывание в одном Духе», является необходимой предпосылкой понимания слова человеческого во всей его полноте и глубине, а оно осуществляется «когда один слушает с верою, а другой поучает с любовью» (Стифат 1992, с. 143). По святоотеческим представлениям, чем люди ближе к Богу – а монашество есть не что иное, как идеальное воплощение этого приближения – тем они лучше понимают друг друга (Дорофей 1900, с. 87-88). Из этого вытекает и практика духовного руководства новоначальных иноков и мирян опытными монахами – старцами (подробнее см. Гондикакис 1998, с. 346-347).

Аскетическое отношение к слову проявляется также в идеалах воздержания языка, трезвого молчания и безмолвия. Воздерживать язык, по учению аввы Дорофея, значит не уязвлять чем-либо совести наших ближних, не злословить, не говорить ложь (Дорофей 1900, с. 58-61). Преподобный Никодим Агиорит также обращает внимание на необходимость обуздывания языка, раскрывая духовные причины,

механизмы действия многословия и пустословия и способы аскетического противостояния им (Никодим Святогорец 1912, с. 106-111).

В данном контексте уместно напомнить, что в христианской этике особое внимание обращается на грехи, которые совершаются вербальным путем, такие, как: богохульство, хула, призывание имени Божьего всуе, кощунство словом, сквернословие, злословие, празднословие, суесловие, многословие, пустословие, прекословие, настаивание на своем слове, ложь, клевета, осуждение, грубость, оскорбление, уничижение, самовосхваление, хвастовство, клятвопреступление, неисполнение обетов, смех, насмешки, бесчинные восклицания, смехотворство, пение непристойных песен, рассеянная молитва, уклонение от церковных молитвословий или их оставление, «любопытное» исследование Писания (т. е. ради формального знания, а не духовной пользы и исполнения прочитанного), неподготовленное учительство и неподготовленная, недостойно совершаемая проповедь, ересь (ср. Попов 1901, с. 902-927).

Поэтому еще в древнейших иноческих уставах содержатся определения о надлежащем употреблении слов. Так, св. Василий Великий обращает внимание братии на необходимость «заблаговременного и полезного употребления слов», мотивированного либо настоятельной потребностью, либо назидательными целями (Василий Великий 1892, с. 410-415), тогда как преп. Иоанн Кассиан Римлянин и Венедикт Нурсийский подчеркивают необходимость хранить молчание (Иоанн Кассиан 1892, с. 535, 540, 565; Венедикт Нурсийский 1892, с. 603). Подобные определения мы находим и в уставах древних русских и сербских монастырениачальников – у преп. Иосифа Волоцкого (Орнатский 2001, с. 69-71), Корнилия Комельского (Орнатский 2001, с. 69-71), св. Саввы Сербского (Српски 2005, с. 134-135), а также у известных более современных устроителей иноческого общежития (ср. Филарет Дроздов 1998, с. 276-279; Игнатий Ставропольский 2001, с. 56-58; Вафидис 2004, с. 151, 156-157).

Наконец, мы приведем и несколько характерных эпизодов из патериков, которые дополнительно освещают природу аскетического отношения к общению.

«Арсений (Великий) часто повторял себе: Я не раз раскаивался после того, как я произносил слово, но никогда не было в душе моей смущения, когда я сохранял молчание. Поэтому подвижник сторонился людей, и свое пребывание в безмолвии он прерывал лишь в случаях когда, просветленный Богом, он приходил к выводу о необходимости и богоугодности какой-либо встречи» (Евергетинос 2003, с. 314).

«Тот же самый авва Арсений, приступив к иноческой жизни, услышал глас, говоривший ему: Арсений, уходи, молчи, храни безмолвие; ибо эти добродетели суть корни безгрешности» (Старечник 2000, с. 58).

Авва Еракс сказал: «Я никогда не произнес ни одного мирского слова, даже вовсе не хотел слушать о предметах мира сего» (Старечник 2000, с. 193).

«Авва Пимен наставлял учеников своих так: Есть люди, которые якобы молчат, но в сердцах своих каждого осуждают; а есть и такие, которые говорят с утра до вечера, но сохраняют молчание, потому что произносят лишь то, что душе на пользу» (Старечник 2000, с. 294).

«Авва Феодор из Фермы сказал: Наивысшая добродетель – не осуждать ближних своих» (Старечник 2000, с. 401).

Подобным духом проникнуты и наставления выдающихся сербских духовников XX века. Так, игумен Рукумийского монастыря о. Савва оставил своим духовным чадам такие заветы: «Молчание – это золото. Дьявол не может ничего записать (имеется в виду традиционное представление о рукописании грехов и прегрешений), когда ты молчишь»; «Если ты хочешь говорить о чем-либо, тебе надо знать суть этого дела»; «Кто правду говорит, правда его избавит» (Димитријевић 2004, с. 190). Архимандрит Рафаил (Топалович) записал в своем дневнике: «Если ты не можешь заградить уста, осуждающие ближнего, имей в виду, что ты все-таки властен уклониться от них» (Димитријевић 2004, с. 129). Монах Иаков (Арсович) в сочинении «Перламутровые четки» пишет: «Осуждение ближнего равно богохульству. Когда мы осуждаем ближнего, мы оскорбляем Самого Бога» (Димитријевић 2004, с. 109).

Описание коммуникативного поведения сербских монахов в стандартных коммуникативных ситуациях и коммуникативных сферах

Вербальное коммуникативное поведение

1. Стандартные коммуникативные ситуации

Встреча, приветствие, установление контакта

Монахи, живущие в одной обители, при первой встрече после ночного отдыха - на службе полунощницы, не обмениваются вербальными приветствиями. То же самое наблюдается при приходе на вечернюю службу, с которой начинается новый богослужебный день. В обеих упомянутых ситуациях монах, войдя в храм, подходит к настоятелю и берет у него благословение, слегка кланяется собратьям и молча уходит на свое место. В продолжение дня формулы приветствия при встрече среди собратьев одной обители не используются.

При встрече с монахами из других обителей принято, чтобы каждый легко (в пояс) поклонился другому. Приличие требует, чтобы монах или послушник сначала подошел к игумену, а в его отсутствие иеромонаху из другой обители, поцеловал его правую руку и взял благословение. Монахи, не имеющие священного сана, а также монахини, при встрече целуют друг друга в правое, а потом в левое плечо; троекратное целование в щеку, широко распространенное при встрече представителей сербской языковой и социокультурной общности, независимо от принадлежности к Церкви, практикуется лишь при встрече иеромонахов или близко знакомых

монахов, при условии, если они одного возраста (хотя бы приблизительно) и обязательно одного пола.

Монахи и монахини при встрече обязательно соблюдают физическую дистанцию и избегают контактов взглядом. Из формул приветствия допустимы лишь те, которые используются в коммуникации среди членов Церкви (*Помаже Бог! – Бог ти/ Вам помогао! Христос васкрсе (воскресе)! – Ваистину васкрсе (воскресе)! Христос се роди! – Ваистину се роди! Бог се јави! – Ваистину се јави!*). Секулярные приветствия (*Добар дан! Добро јутро! Здраво!* и т. п.) в монашеской среде совершенно недопустимы, так же, как и рукопожатия при встрече.

Как правило, монах или послушник, который помоложе, обязан первым приветствовать монаха старшего по возрасту или сану. При встрече не принято снимать клобук или скуфью (головные уборы). Обмен вопросом *Како сте?*, представляющим обязательный высокочастотный элемент ситуации встречи среди носителей сербского языка (Пипер – Стернин 2004, с. 4), часто практикуется и в монашеской среде, причем, в отличие от секулярной сферы, его цель не формальное установление контакта, а проявление реальной заинтересованности в том, как живет собрат, каково его здоровье и духовное состояние. Помимо стереотипных ответов, как правило отличных от тех, которые можно услышать в мирском разговоре (*Добро, Богу хвала; Слава Господу, све је у реду; Добро, вашим светим молитвама*), нередко в данной ситуации предлагаются неконвенциональные, иногда и остроумные ответы (например, известен пример монаха, который на упомянутый вопрос всегда отвечал словами: *Бог зна*, желая и таким образом выразить свое смирение перед Тем, Кто, как говорится в одной молитве, «сердца и утробы испытует и сокровенная человеков ведает»).

При встрече монахов с мирянами рукопожатия не приняты. Применяется стандартный репертуар приветствий, характерных для общения среди членов Церкви. В случае незнания данного регистра собеседником, монах все-таки не прибегает к секулярному репертуару приветствий (например, на приветствие: *Добар дан!* монах обязательно ответит приветствиями: *Бог ти/ Вам добро дао!* или *Бог ти/ Вам помогао!*). Обычно мирянин первым приветствует монаха, хотя в современных условиях, вследствие массового незнания норм коммуникативного поведения в общении с духовенством, данное правило нередко нарушается.

Способы установления контакта с незнакомыми лицами формализованы и обычно ограничиваются фразой *Опростите...* (никогда *Извините*), что имеет свой глубинный внутренний смысл – монах смиренно, с полным сознанием своего недостойнства, просит прощения у другого человека за причиненное ему беспокойство. Упомянутая формула применяется обычно в случаях, если предполагается ведение долгой или важной беседы.

Обращение

Насельники одного монастыря обращаются друг к другу общепринятыми формулами: *Оче!* (*Оче игумане! Оче Саво!*), *Мати!* (*Мати игуманија! Мати Анастасија!*), *Брате!*, *Сестро!* В некоторых обителях формулы *Оче!* и *Мати!* применяются лишь при обращении к настоятелю (настоятельнице) или к монахам (монахиням) старше 40 лет, тогда как в других монастырях они применяются при общении с любым духовным лицом, принявшим малую схиму. К послушнику или послушнице, независимо от того, в какой одежде они ходят – мирской или в рясе и камилавке – принято обращаться формулами *Брате!* *Сестро!* (в данной сфере общения миряне, не умеющие отличить на основании одежды, идет ли речь о послушнике или о лице, уже принявшем ангельский образ, часто допускают неадекватное употребление коммуникативных формул). Обращение к монаху или монахине лишь по имени (*Гаврило! Анастасија!*) применяется крайне редко и понимается как нарушение узуса; обращение по фамилии совершенно недопустимо.

К посетителям монастыря монахи обращаются формулами *Брате!*, *Сестро!*, реже нейтральным *Господине!* *Госпођо!* (последние формулы, однако, предпочитают при общении в публичных местах, вне ограды монастыря). Духовник, игумен или пожилой монах (монахиня) могут обратиться к посетителю монастыря и формулами: *Сине!* *Кћери!* *Чедо!*, особенно когда он ждет утешения, наставления или на исповеди. Люди, живущие в миру, склонны подчеркивать простоту и непосредственность иноков в общении с посетителями, а также присущую им легкость перехода на *ты* в коммуникации с незнакомыми людьми – а это прежде всего является выражением монашеской любви к любому человеческому существу как к своему брату и вечному собрату (как раз поэтому в общении предпочитают формулы, заимствованные из терминологии родства).

Знакомство

При установлении знакомства с монашескими лицами рукопожатия, общепринятые в секулярном общении, не практикуются. Не принято также использование высокочастотной стандартной формулы *Драго ми је*. Установление знакомства со священномонахом, игуменом или игуменией подразумевает и лобызание правой руки и взятие благословения. При установлении знакомства, при помощи посредника или без него, нет необходимости указывать на сан, ибо он узнается по одежде.

Помимо стандартных ситуаций знакомства, для монашеской среды характерно «установление знакомства» с новопостриженным братом или сестрой при обряде принятия монашества, в момент, когда он уже принял постриг и получил новое, монашеское имя. В Последовании малой схимы предусматривается, чтобы перед отпуском братия подходили к новонаначальному, целовали крест в его руке и его самого и спрашивали его: «Как твое имя, брат?» и, получив ответ, кланяясь ему и уходя, говорили: «Спасайся в ангельском образе» (Чин 1981а, с. 206; Последование 1952,

с. 49). То же самое характерно и для пострижения в великую схиму, когда монах опять получает новое имя (Последование 1952, с. 107).

Прощание, расставание

Насельники одной обители не прощаются перед уходом спать. После окончания службы повечерия, взяв благословение у настоятеля, все молча выходят из храма (сначала настоятель, а потом братия, по сану и возрасту) и расходятся по келлиям. В других ситуациях (уход из монастыря на некоторое время) монахи обязательно прощаются, используя формулы, характерные исключительно для внутрицерковного общения (*Збогом!* или, в период от Пасхи до праздника Вознесения Христова, *Христос Вакрсе!*), нередко выражая желание быть поминаемым в молитвах собратьев (*Помјани! Помјаните!*). Расставаясь, обязательно берут благословение у настоятеля или, в случае его отсутствия, иеромонаха. Стандартные секулярные формулы прощания (*Довиђења! Здраво! Ћао! Видимо се!*) и выражения добрых желаний (*Све најбоље! Пријатно! Срећно!*) в монашеской среде не приняты.

Извинение

Слова извинения в адрес братьев или посетителей в монашеской среде произносятся довольно часто, в каждом случае, когда причиняется беспокойство ближнему, не только поступками (сюда же относятся и нарушение личного пространства, нечаянное пересечение пути, и т. п.), но и словом или даже помыслом. Просьба о прощении может быть сопровождаема поясным или земным поклоном. Используется формула *Опрости(те)*, никогда *Извини(те)*, за которой следует ответная реплика *Бог нека ти опрости, брате/ сестро*. Если монах просит прощения из-за нарушения какого-либо правила монастырского порядка или нормы нравственного поведения, игумен или духовник может применить к монаху епитимью – меру духовного исправления (перемещение на другое послушание, увеличение объема молитвенного правила, дополнительный пост, временное удаление от Причастия), соблюдение которой также является своего рода выражением просьбы о прощении.

Поздравление

Поздравления в монашеской среде редко связываются с событиями частной жизни, они главным образом относятся к празднованию христианских праздников. Поводом для личных поздравлений могут быть принятие пострига, именины (никогда день рождения), «слава» - праздник семейного патрона, который передается от поколения к поколению, посвящение в священномонашеский сан или рукопроизведение в сан игумена, а нередко и годовщины этих событий. Поздравление может быть дополнено вручением подарков (иконы, духовные книги, крест, четки и т. п.). Так, при принятии пострига новонаначальному иноку обязательно вручаются четки, ручной крест и зажженная восковая свеча, которую

монах обязан свято хранить до конца жизни в память о произнесенных обетах, и с которой он и погребается.

Запрещение, отказ

Правила, которыми регулируется допустимость или недопустимость определенных видов поведения монахов и послушников содержатся в монастырском уставе, с которым насельники монастыря знакомятся не только при вступлении в обитель, но и в других ситуациях (так, например, устав Дечанского монастыря, составленный в 1910 году, читается братии раз в три месяца - Устав 1981, 122, так же, как и ст. 77 Правил для внутренней и внешней монастырской жизни предусматривается, чтобы данный документ читался в каждом монастыре всей братии как минимум два раза в год, а послушникам и перед принятием пострига – Уредба 1963, 41). Уставом определяются общеобязательные нормы поведения на церковных богослужениях, пребывания в келлии или в трапезной, совершения послушаний, отношения братии к настоятелю, наместнику или эконому и их должностям, исповедания и принятия св. Таинств, общения с посетителями и посторонними лицами, отношения к монастырскому имуществу и др. (Уредба 1963, с. 22-40; Устав 1981, с. 145-191). Поэтому в монастырях отсутствуют запретительные объявления, касающиеся самих насельников монастыря, но возможны предупреждения, регулирующие поведение посетителей и имеющие словесную (информация о правилах поведения на богослужениях, о том, как вести себя в монастырских зданиях) или пиктографическую форму (чаще всего перечеркнутое красным крестом изображение предмета, с которым нельзя входить в монастырский комплекс или в храм).

Отказаться от исполнения какого-либо послушания почти немислимо. Однако, в случае болезни или физической слабости можно выразить отказ, но не в категоричной, а в форме вежливой просьбы. Монах, которому отказали в просьбе, со смирением подчиняется воле настоятеля или духовника, обыкновенно произнося стереотипную формулу: *Нека је благословено*, выражая таким образом совершенное послушание и готовность к отсечению своей воли. Отказ от предложенной пищи обычно выражается в косвенной форме (*Благодарим, не могу*). В отличие от мирян, которые, если им во время поста предложат скоромную пищу, все-таки не отказываются попробовать, чтобы не обидеть хозяев, монахи либо открыто сообщают, что правила не допускают им есть такой пищи, либо из всего, что им предложено, пробуют лишь постные продукты (салат, хлеб, сок, чай, кофе).

Замечание, побуждение

Замечания, указания делать собрату на практике не принято, хотя ст. 72 Правил предусматривается их допустимость (Уредба 1963, с. 38). Монах или послушник, нарушивший какие-либо установленные правила, как правило получает замечание от настоятеля или духовника. Замечания и

побуждения посетителям монастыря делаются вежливо и доброжелательно. Так, например, слушающий иеромонах или настоятель может на службе произнести фразу типа: *Браћо и сестре, молим вас, приђите ближе, да би сви могли да уђу; Ви који сте се причестили, померите се мало у страну, јер има још причесника* и сл.

Соболезнование

Усопшие монахи погребаются по особому обряду, отличному от того, который применяется к мирянам (и мирским священникам). Все монахи, независимо от того, имели ли они священный сан или нет, хоронятся с клобуком, в полном одеянии, с крестом в руке и епитрахилью вокруг шеи (для иеромонахов). После похорон, а также после поминок, присутствующие приглашаются в монастырскую трапезную на скромную закуску. Соболезнование собратьям упокоенного монаха, его родственникам и друзьям выражать стандартной секулярной формулой *Примите моје саучешће* не принято. Вместо нее используются фразы: *Господ нека га упокоји; Нека му Бог подари рајско насеље*, или *Бог да му душу прости*.

Комплимент

В секулярной сфере для сербской среды отмечено использование комплиментов как средства создания хорошего настроения, праздничной атмосферы, поддержания добрых отношений, поощрения, установления контакта (особенно между мужчиной и женщиной) (Правда 2004, с. 80). В монастырской среде похвалы и комплименты делаются обычно в праздники, когда настоятель еще раз хочет поблагодарить всех, кто постарался о хорошем угощении и праздничном настроении. Делать комплименты лицу монашеского звания другого пола совершенно недопустимо.

2. Коммуникативные сферы

Общение с собратьями в монастыре

Членами монастырской обители, как нами уже отмечалось выше, являются монахи и послушники (Уредба 1963, с. 3-4). Они годами проводят все время вместе, живя по правилам общежительного устава. Общение между ними, с одной стороны, имеет характер братской близости (наивысшая степень близости достигается в отношениях монаха или послушника с его старцем - духовником, которому открываются тончайшие движения души, даже помыслы), а с другой, отличается соблюдением некоторой дистанции (нельзя, к примеру, открывать помыслы и искать совета у любого собрата, ибо неопытным членам обители таким образом можно нанести духовный ущерб). В целом, к собратьям относятся тепло, по-дружественному; предпочитается *ты*-общение, хотя, в зависимости от возраста и сана коммуникантов, может

иметь место и *вы*-общение (особенно когда младший монах или послушник обращается к игумену, архимандриту, старшему иеромонаху). Разговаривают обычно о текущих монастырских делах, послушаниях, событиях из жизни Церкви, а излюбленной темой бесед являются душеполезные поучения.

Дистанция в общении, необходимая в целях сохранения духовного спокойствия и молитвенного настроения, проявляется в различных формах. Так, например, в кельях все должны пребывать в полном безмолвии и молитве, и если два или три собрата разделяют одну келлию (это является исключением из правила – в принципе, каждый инок должен иметь отдельное помещение для молитвы, сна и отдыха), им необходимо избежать всяких разговоров и дел, нарушающих спокойствие братьев (после повечерия или молитв «на сон грядущим» ведение разговоров категорически запрещено – см. Уредба 1963, с. 29-30).

Просьба, чтобы брат вышел из кельи, выражается молитвенной формулой *Молитвама светих Отаца наших, Господе, Исусе Христе, Сине Божији, помилуј нас* (произносится она перед дверью келлии), на что брат отвечает: *Амин*. В праздничные и воскресные дни, когда монахи свободны от послушаний, нельзя собираться по келлиям для бесед или увеселений (за нарушение данного правила следует епитимья). Недопустимо также приготовление или вкушение пищи в келлиях.

Общение, связанное с совершением послушаний

Распределение послушаний регулярно проводится устным путем, вечером или утром, перед всей братией. Забота том, какими послушаниями будут заниматься насельники монастыря, лежит прежде всего на настоятеле, или, в многолюдных обителях, на монастырском благочинном. Принятие послушания выражается формулой: *Нека је благословено!* В случае, если монах или послушник сам хочет сделать что-либо, он обращается к настоятелю с фразой: *Благословите, оче игумане, да... (залијем баишту, препакуюјем свеће, очистим полијелеј и под.)*.

Совершение послушаний начинается с молитвы и осенения себя крестным знамением. Так, в Уставе Дечанского монастыря говорится о том, что повар, прежде чем приступить к исполнению своего дела, должен сделать три земных поклона перед образом Пресвятой Богородицы, взять огонь из неугасимой лампы, горящей перед этим образом и им зажечь дрова в печи, говоря своему помощнику: *Благослови, брате (оче)*, причем тот отвечает, творя крестное знамение: *Молитвама светих Отаца наших...*, а повар заканчивает: *Амин* (Устав 1981, с. 182-185). Любой разговор во время совершения послушаний считается неуместным и квалифицируется как нарушение погруженности в молитву, за что следует епитимья (по уставу Студийской обители - 30 поклонов – Поповић 1981, с. 135).

Общение в монастырской трапезной

В монастырях все монахи и послушники обедают вместе в монастырской столовой – трапезной. Пища вкушается два раза в день (обед и ужин), а в некоторые (постные) дни – один раз. В первый день Великого Поста (Чистый понедельник) и в Страстную Пятницу пища не принимается или ее вкушение сводится к сухоядению (для больных, немощных, престарелых членов обители).

Приглашение на обед делается биением в трапезный колокол (12 раз). Перед началом обеда читается стандартизованное молитвенное правило, а формулы речевого этикета, обычные для данной ситуации в секулярной среде (*Пријатно! Изволите, служите се!*), отсутствуют. Ведение бесед за столом совершенно недопустимо.

Во время обеда читается житие Святого, память которого Церковь отмечает в тот день. Перед тем, как приступить к чтению, чтец произносит стандартную формулу: *Месеца (назив), дан (датум). Житије међу Светима оца нашег... (име). Благослови, часни оче* (обращается к игумену или благочинному), *да се прочита*. После того, как настоятель произнесет формулу: *Молитвама светих Отаца наших...* и чтец ответит: *Амин*, начинается обед. Воду или вино пьют все вместе в момент, когда благословит настоятель, причем повторно произносится формула: *Молитвама светих Отаца наших...* (формулы, общепринятые в секулярной среде – *Живели! На здравље!* - отсутствуют). Обед заканчивается совершением молитвенного правила.

Общение в храме

Жизнь в монашеских обителях подразумевает ежедневное обязательное присутствие на всех богослужениях дневного круга (девятый час, вечерня, повечерие, полунощница, утренья, первый, третий и шестой часы, изобразительная или Литургия). Вербальное и невербальное поведение монахов на каждой из упомянутых служб до мельчайших подробностей определяется типиконом. Разговаривать на службах совершенно недопустимо, а мотивируется это необходимостью для каждого члена обители сохранить погруженность в молитву и не мешать другим собратям. В случае настоятельной потребности сказать что-либо, надо это сделать шепотом и как можно короче (Уредба 1963, с. 18).

При входе в храм, выходе из него, приступая к целовальной иконе, евхаристической чаше, служащему священнику ради получения просфоры или благословения, монахи стоят в очереди, обычно по двое, на некотором расстоянии друг от друга (так, чтобы каждый мог сделать поясной поклон). Место в очереди определяется по сану и возрасту (сначала идут схимники, потом рясофорные монахи, потом послушники в рясах, и наконец послушники в подрясе).

В очереди разговаривать нельзя, так же как нельзя торопить других, делать замечания и т. п. Спрашивать, кто последний, не принято, так же, как не принято отходить из очереди. Если очень нужно отойти, то со

стоящими рядом можно об этом договориться. В очередях монахи ведут себя спокойно и терпеливо.

Общение с посетителями и гостями монастыря

Сербские монахи славятся своим гостеприимством. Посетители приходят в обители ради посещения служб, совершения исповеди, принятия святых Христовых Таин, беседы с духовниками и т. п., и, по благословению настоятеля, имеют право, в случае потребности или высказанного желания, остаться в монастыре на ночлег или на несколько дней. Посетителям предоставляются комнаты, отделенные от той части братского корпуса, где располагаются монашеские келлии, а в некоторых монастырях имеются и специальные здания для гостей – странноприимные дома (ксенодохии).

Общение с посетителями имеет подчеркнуто сердечный и вежливый характер. Гостям, которые в монастырь пришли только на службу или ради духовной беседы, предлагают обычно кофе, воду с сахаром или рахат-локумом, сок, реже алкоголь (монастырскую ракию – сливовую, абрикосовую, виноградную водку). В монастырях сохраняется народная традиция встретить гостя, впервые пришедшего в обитель, хлебом-солью, а также попотчевать его ложечкой варенья в знак того, чтобы ему чувствовалось в новой среде приятно.Guests также можно пригласить и на обед, когда они присоединяются к монастырской братии и подчиняются тем же правилам вербального и невербального поведения в трапезной, которые действительны для монахов.

Посетителям, просящим милостыню, обязательно подается помощь в продуктах или в деньгах, а нередко их приглашают и на обед. Монахи считают, что они обязаны подавать милостыню малоимущим, поскольку и сами живут на средства своих благодетелей. Милостыня, по монашескому преданию, обязательно умножает и земные, и небесные блага у творящих ее. Право раздавать милостыню принадлежит игумену или эконому.

Разговоры с гостями ведет настоятель, благочинный или монах, получивший такое послушание. Предпочитаются беседы на душеполезные темы, которые могут помочь посетителям в их преуспевании в добродетелях, утешить и ободрить их. Обычно настоятель каждому посетителю вручает какой-либо скромный подарок на память о монастыре и в качестве благословения – иконку, крестик, четки, и записывает их имена ради поминовения на проскомидии или на молебнах.

Особое внимание уделяется посетителям, которые имеют желание стать послушниками: им обычно дается благословение остаться в обители несколько недель, чтобы ближе познакомиться с иноческим образом жизни и с самим монастырем. Высказывание желания остаться в обители также подразумевает определенный репертуар норм коммуникативного поведения: кандидат в послушники подходит к настоятелю, делает перед ним земной поклон, целует его десницу и просит причислить его к братству. При этом он должен дать все необходимые сведения о себе (о

своем происхождении, образовании, семейном положении, работе и т. п.), на основании чего настоятель решает, можно ли удовлетворить его просьбе. В случае положительного ответа будущий послушник обязан написать и официальную просьбу, в которой он еще раз вкратце говорит о своих мотивах вступления в обитель, об обстоятельствах своей жизни и дает гарантии о том, что имущество, с которым он вступил в монастырь, в случае его выхода из обители останется достоянием монастыря.

Общение в праздники

Праздничными днями в монастырях считаются воскресные дни, двенадесятые праздники и дни памяти некоторых Святых («красные даты календаря»). В каждом монастыре отмечается своя «слава» - день праздника, которому посвящен монастырский храм, а во многих обителях имеется еще т. н. «соборная слава», когда к дверям обители стекаются паломники из окрестных мест. Общение по келлиям в праздничные дни не позволено (но в келлиях можно отдыхать, читать, заниматься любимым делом). Беседы с посетителями ведутся только в общих помещениях.

Общение в гостях

Монахи не удаляются из монастыря без настоятельной необходимости, так что и в гости они ходят редко, как правило, по конкретному поводу. Так, в гости ходят к братии из других обителей (в праздники, дни торжеств), к духовникам, к больным монахам, а к мирянам лишь в исключительных случаях, опять по конкретному духовному поводу (крещение члена семьи, семейная слава, елеосвящение, освящение нового дома, исповедь и причащение больного, духовная беседа). В ресторан монахов приглашать не принято, поскольку лица духовного звания не имеют право обедать в публичном месте.

Общение в публичных местах

В публичных местах монах или послушник появляется обязательно в сопровождении хотя бы еще одного собрата. Согласно ст. 59 Правил для внутренней и внешней монастырской жизни, в публичных местах монах должен обращать пристальное внимание на свое поведение и на свои слова, чтобы никого не соблазнить, и чтобы из-за него не порицался монашеский сан (Уредба 1963, с. 34). Вступление в коммуникацию с незнакомыми не практикуется без конкретного повода (например, желание узнать, который час, не приходил ли тот или иной автобус, как дойти или доехать до определенного объекта, и т. п.). Общение ведется вежливо, но с подчеркнутой дозой дистанции. С попутчиками в такси, автобусах, купе не принято заводить разговоры на обыденные темы, но если речь зайдет о духовном, лицо монашеского звания охотно вступает в разговор и проявляет чуткий интерес к собеседнику. О себе, своих проблемах и обстоятельствах жизни в обители монаху или послушнику нельзя говорить с незнакомым или малознакомым лицом.

Общение со старшим поколением

С собратьями старшего поколения монахи ведут себя крайне уважительно; в храме и в трапезной для престарелых монахов имеются особые места, их пропускают впереди себя в дверь, навещают их в случае болезни, и т. д. Пожилые миряне также пользуются уважением монахов.

Общение с детьми

С детьми монахи общаются с благостью, нежностью и любовью; они показывают им монастырские здания, учат их осенять себя крестным знаменем, творить молитву о своих родных и близких, отвечают на их вопросы, дарят им скромные подарки. Младшим монахиням и послушницам (в возрасте до 40 лет) духовники советуют избежать контактов с детьми, особенно физических, чтобы у них не появились нежелательные помыслы и чувства, связанные с нереализованным материнством.

Общение с родственниками

Давая невозвратные монашеские обеты, монах прерывает связи с миром и удаляется от своих родственников, следуя внутреннему призыву о жизни с одним Богом и поступая согласно евангельским словам: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня» (Мф. 10, с. 37-38; ср. также Мф. 19, с. 29). На отречение от мира и всего, яже в мире, монах несколько раз призывается и при обряде пострижения.

Однако монашеские обеты отнюдь не подразумевают безусловное прерывание отношений с родственниками и друзьями: в современных условиях послушникам и монахам дается благословение для периодических встреч с родственниками в монастыре и вне его, а в случае надобности, монастырь оказывает им материальную и иные виды помощи. Каждый монах в рамках своего повседневного келейного правила обязан молиться о своих родителях, братьях, сестрах «и всех сродниках своих по плоти, и всех ближних рода своего, и друзьях», чтобы Господь даровал им «мирная Своя и премирная благая», а также об усопших сродниках, чтобы Господь «простил им вся согрешения их вольная и невольная, даруя им Царствие и причастие вечных Своих благих и Своея бесконечныя и блаженныя жизни наслаждение» (Правило 1997, с. 251, 254).

Общение с иностранцами

Монашеское гостеприимство в одинаковой мере распространяется на сербов и на лиц другой национальности. Ксенофобия монахам не свойственна, в первую очередь вследствие универсальности самого христианства (принадлежность к «народу Божьему», однако, значит не отрицание, поправление национальности, а ее иное восприятие, в духе

новозаветного учения о том, что все христиане – «одно во Христе Иисусе» - Рим. 10, с. 12), а также в силу привычки жить в многонациональной среде, какой является Сербия. Так же, как у мирян и у лиц, не принадлежащих к Церкви (см. Правда 2004, с. 81), у монахов существуют исторически сложившиеся положительные стереотипы о русских, греках, румынах.

К посетителям монастыря, принадлежащим к другим христианским и нехристианским конфессиям, монахи проявляют полное уважение, так что многие иноконфессиональные в разных трудных жизненных обстоятельствах приходят в православные монастыри ради получения духовной помощи. Воздействовать на иноконфессиональных в смысле их побуждения к переходу в православную веру не принято, но в прямом контакте с монашеской духовностью случаи конверсии бывают, даже нередко (особенно из римокатолицизма). Есть и случаи приятия монашеского пострига лицами, принадлежавшими к другим конфессиям.

Общение между мужчинами и женщинами

Монашеские обители могут быть мужскими или женскими, никогда смешанными. Лица монашеского звания, особенно послушники и младшие монахи, сторонятся общения с лицами другого пола по аскетическим соображениям, ибо оно может служить поводом для возникновения телесных страстей. В ст. 67 Правил для внутренней и внешней монастырской жизни читаем, что «монаху нельзя наедине беседовать или обедать с монахиней», и что «разговоров с незнакомыми лицами, особенно иного пола, монахам и монахиням необходимо сторониться, ограничиваясь самым необходимым» (Уредба 1963, с. 35).

Некоторые правила приличия, которые касаются вежливого отношения к женщинам и которые общеприняты в секулярной среде, в монастырях не соблюдаются: угощают сначала мужчин, а потом женщин, мужчины первыми входят и первыми выходят из храма, первыми приступают к евхаристической чаше (исключение делается в случае, если в очереди стоят монахини), и т. п.

Монахини по уставу обладают теми же правами, что и монахи, за исключением права получения священного сана. Им также позволено совершать ряд богослужебных действий: так, в женских монастырях, в которых нет духовника, монахини сами совершают все церковное правило, произнося полный текст вечерни, повечерия, полунощницы, утрени и часов (за исключением начального возгласа и отпуста), а вместо Литургии они совершают Изобразительную службу, на которой сами читают Апостол и Евангелие. Они также имеют право молиться о больных, о людях, которых постигли другие бедствия (им обычно читается «Молебный канон Пресвятой Богородице, поемый во всяцей скорби и обстоянии»), об усопших, и т. д. Монахини, в отличие от мирских женщин, даже самых благочестивых, имеют право входа в алтарь.

Публичная речь

Публичные выступления являются должностью настоятеля монастыря или монаха, обычно в священном сане, который получает такое благословение от настоятеля. Чаще всего они сводятся к проповедям в храме, речам при встрече высоких гостей, на юбилейных и иных торжествах. Эти выступления, в зависимости от типа, обладают стандартизированной структурой, композицией и стандартным набором синтаксических средств (см. Цисарж – Маринковић 1969, с. 108-119, 124-159; Таушев 2001, с. 11-91). Аплодисменты после публичных выступлений лиц духовного звания не приняты (однако, после удачной проповеди можно спеть «Многолетствие», стих «Глаголай истину в сердце своем», или воскликнуть «Живео (на многаја лета)!»). В современной жизни Церкви практикуются и публичные выступления лиц монашеского звания по радио, телевидению, на духовных вечерах.

Письменное общение

Частную переписку монахам можно вести лишь по благословению и с ведома духовника или игумена. Официальная переписка ведется с должностными лицами – представителями церковных структур и учреждений, органов и организаций государственного управления, культурно-просветительных учреждений, предприятий.

В этикете применяются некоторые узусы, отличные от узусов секулярного эпистолярного жанра. Так, например, имеется специфический регистр титулов, находящихся применение в обращении к лицам духовного звания (титул патриарха – *Његова Светост*, митрополита – *Његово Високопреосвештенство*, епископа – *Његово Преосвештенство*, архимандрита – *Високопреподобни архимандрит* или *Његово Високопреподобје*, игумена – *Високопреподобни игуман* или *Његово Високопреподобје*, игумении – *Високопреподобна игуманија* или *Њено Високопреподобје*, протосинкелла – *Високопреподобни протосинђел* или *Његово Високопреподобје*, синкелла – *Преподобни синђел* или *Његово Преподобије*, иеромонаха – *Преподобни јеромонах* или *Његово Преподобије*, иеродиакона – *Преподобни јерођакон* или *Његово Преподобије*), так же, как и в финальной фразе используются специфические формулы, в зависимости от характера отношений среди коммуникантов (*Целивајући Вашу свету десницу, Молећи за Ваш архипастирски благослов и свете молитве, У Христу Господу одани Вам и т. п.*).

Телефонное общение

В официальных разговорах по телефону монашескую обитель представляет настоятель или благочинный. Обыкновенную информацию может давать и член обители, послушание которого дежурить у телефона. Репертуар формул этикета, которые используются в телефонном общении, не отличается от репертуара, описанного в теме *Встреча, приветствие*,

установление контакта; Обращение; Расставание. В начале и в конце телефонного разговора с лицами в священном или священноиноческом сане принято просить благословения (данное правило распространяется и на монахов, и на мирян).

Приглашение, планирование, договор о встрече

На крупные торжества епископов, священников, настоятелей других обителей, благодетелей, представителей местных властей приглашают письменным путем. Устные приглашения обычно не повторяются; как правило, договоренность не перепроверяется. При выполнении договоров о встречах, совместных богослужениях и т. п. монахи предельно пунктуальны.

Алкоголь и общение

Употребление алкогольных напитков в монашеских обителях (прежде всего вина) определяется уставом (есть дни, когда, в соответствии с правилами поста, пить вино не разрешается). Гостям монастыря как правило предлагают вино или ракию домашнего изготовления. Во время застолий могут произноситься тосты, но при этом, в отличие от секулярной среды, рюмками не чокаются.

Курение и общение

Курить в монастырях строго воспрещается как членам (Уредба 1963, 3), так и посетителям обители. Курить нельзя не только в помещениях братского корпуса и храма, но и на всем пространстве внутри монастырской ограды. Нарушителям данного правила делают строгое замечание.

Юмор и общение

Шутить, смеяться, развлекаться монахам в принципе нельзя (хотя бы в мирском смысле этого слова), ибо иноческая жизнь по сути своей есть жизнь покаянная (ср. Уредба 1963, с. 35). В общении с гостями (мирянами) легкий юмор, носящий добродушный характер и лишенный иронии или цинизма, все-таки является желательным компонентом общения.

Невербальное коммуникативное поведение

Жесты в общении

Для монашеской среды характерна сдержанность в экспликации эмоций средствами невербального характера. В разговоре как с лицами духовного звания, так и с мирянами, монахи проявляют минимум мимики и жестикуляции, а то же самое свойственно и иеромонахам-проповедникам при их обращении к пасомым.

В монашеской среде заметно более внимательное и более частое осенение крестным знамением, чем среди христиан, живущих в миру (не

только на богослужениях, но и во внебогослужебном общении, как сопровождающий элемент выражения уверенности в истинность определенных констатаций, упования на помощь Божию, удивления, радости). Часто используется и жест благословения, состоящий в том, что иеромонах складывает пальцы так, что они изображают буквы Ис. Хс., то есть Иисус Христос, и ими осеняет крестным знамением приступившего под благословение (последний, в свою очередь, должен сделать перед иеромонахом поясной поклон и сложить руки крестом: правую на левую, ладонями вверх, выражая таким образом свое смирение и благодарность Богу как источнику благословения и всех благ Дателю).

Физический контакт, контакт взглядом и положение тела при общении

Физический контакт при общении монахов с лицами духовного звания и мирянами не практикуется (за исключением целования правой руки при встрече и расставании со священномонахом). Положение тела при общении существенно не изменяется, только в некоторых ситуациях (перед лицом иного пола или лицом духовного звания) глаза опускаются.

Контакты взглядом имеют гораздо более сдержанный характер, чем в миру. Не принято задерживать взгляд не только на незнакомом человеке, но и на собрате из обители (за исключением необходимости подать сигнал о желании установить контакт). Улыбка как сигнал вежливости не принята, но она может появиться на лицах монахов спонтанно, под влиянием реальных эмоций. В контактах с посетителями монастыря принято на улыбку отвечать улыбкой.

Социальный символизм

Символика одежды

Монашеская одежда имеет подчеркнуто символическую функцию: каждый ее элемент напоминает монаху об обетах, данных им при обряде пострижения, на что неоднократно указывается в тексте последования иноческого пострижения (Последование одеяния рясы и камилавки, Последование малого образа, Последование великого образа).

Постригаемый в монахи одет во власяницу как «хитон вольных нищеты и нестяжания, и всяких бед и теснот претерпения». Сначала на его шею надевают параманд – небольшой четырехугольный плат с изображением Креста Господня и орудий Его страданий, который никогда не снимается, «во обручение ангельского образа, во всегдашнее воспоминание благаго ига Христова и легкого бремени его ношения». Изображение Креста на параманде, которое новоначальный инок «приемлет на своя перси», должно служить ему «во всегдашнее воспоминание злострадания и уничижения, оплевания, поношения, ран, заушения, распятия и смерти Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа». Потом он облачается в рясу – «одежду веселия и радости духовныя, во отложение и поправление всех печалей и смущений, от бесов, от плоти и от мира находящихся», получает

пояс, которым «препоясует бедра свои во умерщвление тела и обновление духа», а поверх рясы надевает мантию - «ризу спасения и броню правды», «во еже ошаятися от всякия неправды, и со тщанием своего разума измышления и своея воли мудрования отлагати, смерти же память всегда во уме своем имети, распята же себе быти миру вменяти, и мертва на всякое дело зло имети, жива же присно на всяку добродетель Христови неленостно представляти».

На голову постригаемому во иноческий чин надевают камилавку - клобук с длинной наметкой, «покрывалом смирения», символизирующий «шлем спасения и непостыдного упования», а обувается он в сандалии «во уготовление благовествования мира, во еже скору быти ему и тщаливу на всякое послушание и на всякое дело благое». Новонаначальному при обряде пострижения вручаются четки – «меч духовный, ко всегдашней молитве Иисусове», ручной крест – «щит веры, в немже он возможет вся стрелы лукаваго разжженные угасити» и горящая восковая свеча, напоминающая ему о том, что «отселе он должен чистым и добродетельным житием и благими нравами свет быти миру» (Чин 1981а, с. 203-205; Последование 1952, с. 31-41).

Великосхимники вместо параманда получают аналав как напоминание страданий Христовых, а на голову им надевают кукуль, покрывающий голову и плечи, как знак беззлобия и совершенного смирения (Последование 1952, с. 89). Игумену или игумении вручается жезл как символ власти над обителью и законного управления ею и наперсный крест – напоминание о кресте (неудобоносимом бремени, подвиге) игуменского служения.

Послушники, по благословению игумена, в соответствии с практикой, принятой в каждом конкретном монастыре, получают подрясник, пояс, скуфью, четки и рясу, но не раньше, чем исполнится шесть месяцев их пребывания в монастыре. В некоторых обителях послушники остаются в мирской одежде (скромной, темного цвета, с длинными рукавами) до самого пострига, причем послушницы должны покрывать голову платком черного (в некоторых обителях - белого) цвета, в знак послушания и смирения. И хотя в сербских храмах сегодня большинство женщин стоит на службе с непокрытой головой (особенно в городах), в монастырях и девушки, и замужние женщины вспоминают об этом правиле. Интересно отметить, что при пострижении будущая монахиня стоит во власянице с непокрытой головой, «не опоясана, не обувена, руке имущи согбенне к персям аки связане» (Последование 1952, с. 31), что символизирует готовность дать невозвратные монашеские обеты целомудрия, послушания и вольной нищеты.

Символика цветов

Монашеские ряса, мантия и камилавка обязательно черного цвета, что символизирует, во-первых, отречение от мира, и во-вторых, добровольное принятие на себя скорбей. Власяница, в которой постригаемый стоит в

начале обряда принятия монашеского пострига, белого цвета, что символизирует искренность его намерений и чистоту его души (перед принятием ангельского образа практикуется обстоятельная исповедь с прощением всех грехов, сделанных после крещения).

Символика внешности (волос и бороды)

В соответствии с древними канонами и правилами святых Отцов, монахам, как и мирским священникам, не принято «остригать бороду», хотя допускается некоторое ее подрубание. Волосы у большинства монахов, в отличие от священников, длинные: такой обычай сербскими монахами заимствован из новейшей греческой (прежде всего афонской) практики в XIX в. (подробнее см. Стојчевић 1998б, с. 156-161). Внешность монахов символизирует отрешенность от мира, хранение особых заветов, всецелую посвященность Богу.

Символика монастырского пространства

Архитектура монастыря в целом символизирует совершенную посвященность монахов на служение Богу, христоцентричность их жизни и подвига. Средоточием монастыря и в духовном, и в пространственном отношении является храм, точнее, Святой Престол: к нему обращены все монастырские здания и помещения в них - коридоры, келлии, трапезная, библиотека (см. Капсанис 1998, с. 332; Гондикакис 1998, с. 341). Храм, в свою очередь, и целом и во всех своих элементах, глубоко иконичен: он иконизирует будущий, преображенный космос – собор всей твари и преображенного человечества в эсхатоне. Иконостас символизирует явление Святых и ангелов как небесных свидетелей, возвещающих реальность будущего века. Церковная утварь, с помощью которой совершается богослужение (антиминс, потир, звезда, копие, воздух, дикирии и трикирии и т. д.), также обладает специфической символикой. Символическая функция присуща и храмовому освещению, богослужебным одеяниям и др. (ср. Лепахин 2002, с. 81-109; Фундулис 2004, с. 21-48).

Символика времени совершения богослужебных действий в монастыре

Богослужебное время тоже иконично: оно, с одной стороны, иконизирует вечность, а с другой, связывается с событиями из истории спасения и искупления человечества (Лепахин 2002, с. 92-96). Каждому элементу дневного богослужебного круга, который в монастырях совершается полностью, в отличие от церковно-приходской практики, свойственна своя символика. Так, служба полунощницы, во-первых, напоминает полночный молитвенный подвиг Господа Иисуса Христа перед Его принятием вольных страданий, во-вторых, предупреждает о втором пришествии Христовом, которое, согласно евангельской притче о десяти девах (Мф. 25, с. 1-13), должно произойти в полночь, и в-третьих, призывает монахов на подражание ангелам, неумолчно славящим Господа

«на всякое время и на всякий час». Или: служба третьего часа напоминает суд Пилата над Спасителем и Его страдания в Преториуме, но вместе с тем она говорит о сошествии Духа Святого на апостолов, и т. д. (Булгаков 1993, с. 761-769).

Символика манеры речи

Монахи говорят главным образом тихо, в замедленном или среднем темпе, что символизирует их смирение и прилежание в покаянном подвиге, но вместе с тем и действительность достигнутого душевного спокойствия, утешения и радости о Духе Святом. Говорить громко монахам допустимо лишь при священнослужении и произнесении проповедей.

Выводы

Предложенное нами описание монашеской коммуникативной культуры в сербской социо-культурной среде, сделанное на нормативном (монашеские уставы, правила устройства монастырской жизни – см. *Литературу*) и эмпирическом материале (многолетние систематические наблюдения автора над монашеской коммуникативной практикой, консультации с гетерокультурными и инокультурными информантами), показывает, что по ряду параметров вербального, невербального коммуникативного поведения и социального символизма она заметно отличается от секулярных норм и традиций, принятых к коммуникативном поведении носителей сербского языка и сербской национальной культуры.

Отличия проявляются как в наличии некоторых специфических безэквивалентных явлений и элементов коммуникативного поведения, характерных исключительно для монашеской среды, так и в неодинаковой степени интенсивности отдельных коммуникативных признаков по сравнению с секулярной средой. Монашеская коммуникативная культура и традиция в сербской среде по ряду параметров (особенно в области невербального поведения и социального символизма) в целом ближе культурам и традициям монашества в других православных странах, чем секулярной коммуникации в сербской речевой и социокультурной среде. Специфические национальные признаки в наибольшей степени проявляются в области речевого этикета, где монахами выработана особая система формул, альтернативных по отношению к этикетным формулам, общепринятым в секулярном общении.

В настоящей работе мы попытались предложить комплексное и систематическое описание коммуникативного поведения монашествующих в сербской речевой и социокультурной среде по схеме ситуативной модели. Однако мы полагаем, что применение других моделей, прежде всего параметрической, могло бы дать результаты, значимые как с точки зрения углубления познаний о самом объекте исследования, так и с точки зрения дальнейшей разработки существующей научной методологии.

Булгаков С. В., Настольная книга для священно-церковно-служителей, т. I. – М., 1993.

Вафидис Е. Печат истинити. Поуке и речи. - Краљево, 2004.

Веселиновић Р. Преглед историје Цркве у Старој Србији и Македонији од 1766. до 1919 // Српска православна црква 1219-1969. Споменица о седамстопедесетогодишњици аутокефалности. - Београд, 1969. – с. 163-192.

Вичентич Б. Речевой этикет у сербов и русских // Коммуникативное поведение славянских народов. Русские, сербы, чехи, словаки, поляки. – Воронеж, 2004 - с. 95-101.

Гондикакис В., Монашко ткање на чунку живота // Ј. Србуљ (прир.). Ви сте со земљи. О монаштву. «Св. Александар Невски». -Београд, 1998. - с. 338-348.

Димитријевић В. (прир.), Без Бога ни преко прага. Српски духовници XX века: житија и поуке. ПМШ «Св. Александар Невски». - Београд, 2004.

Дорофей А. Душеполезные поучения и послания. Свято-Троицкая Сергиева лавра. - Сергиев Посад.

Драгичевич Р. Србский коммуникативный идеал в сопоставлении с русским (экспериментальное исследование коммуникативного поведения) // Коммуникативное поведение славянских народов. Русские, сербы, чехи, словаки, поляки. – Воронеж, 2004. - с. 90-95.

Дучић Н. Историја Српске православне цркве. - Београд, 1894.

Евергетинос. Зборник богогласних изрека и поука богоносних и светих Отаца. ПМШ «Св. Александар Невски». - Београд, 2003.

Злоковић С. Карактерологија српског православља // Српска православна црква 1219-1969. Споменица о седамстопедесетогодишњици аутокефалности. - Београд, 1969. - с. 379-390.

Иноческое келейное правило. - Сергиев Посад, 1997.

Калезић Д. Религиозни живот и његови савремени изражаји у нас. - Београд, 1973, бр. 4. - с. 67-73.

Капсанис Г., Еванђелско монаштво // Ви сте со земљи. О монаштву. «Св. Александар Невски». - Београд, 1998. - с. 330-337.

Кардамакис М. Православна духовност. - Манастир Хиландар, Атос, 1996.

Кашић Д. Поглед у прошлост Српске цркве. - Београд, 1984.

Кашић Д. Српска црква под Турцима // Српска православна црква 1219-1969. Споменица о седамстопедесетогодишњици аутокефалности. - Београд, 1969. - с. 139-162.

Кратки устав Светогорске обитељи св. Јована Златоуста и свете лавре Високих Дечана // Поповић Ј. Монашки живот по светим Оцима. Манастир Ћелије. - Београд, 1981. – с. 143-191.

Лепяхин В. Икона и иконичность. Успенское подворье Оптиной пустыни - СПб, 2002.

Марковић В. Православно монаштво и манастири у средњовековној Србији. Српска манастирска штампарија. - Сремски Карловци, 1920.

Милаш Н. Православно калуђерство. Наклада Пахера и Кисића. – Мостар, 1902.

Мирковић Л. Православна литургија. Први, општи део. - Београд, 1982.

Орнатский А. Древнерусские иноческие уставы. Уставы российских монастыреначальников. – М., 2001.

Патријарх Павле (Стојчевић). Ко може бити монах, односно јеромонах // Исти, Да нам буду јаснија нека питања наше вере, т. II. - Београд, 1998. - с. 156-161.

Патријарх Павле (Стојчевић). Шишање косе и бријање браде код свештених лица // Исти, Да нам буду јаснија нека питања наше вере, т. II. - Београд, 1998. - с. 208-213.

Пипер П., Стернин И. А. О контрастивном изучении коммуникативного поведения близкородственных народов // Коммуникативное поведение славянских народов. Русские, сербы, чехи, словаки, поляки. – Воронеж, 2004, с. 3-10.

Попов Е. Нравственное богословие в порядке десяти заповедей Божиих. - СПб, 1901.

Поповић Ј. Монашки живот по светим Оцима. - Београд, 1981.

Поповић Ј. Оправдање аскетизма (из философије монаштва) // Ви сте со земљи. О монаштву. - Београд, 1998. - с. 5-9.

Поповић Љ., Епистоларни дискурс украјинског и српског језика. Филолошки факултет. - Београд, 2000.

Попович Л.В. Жесты как невербальные и фразеологизированные диалогемы русских и сербов // Коммуникативное поведение славянских народов. Русские, сербы, чехи, словаки, поляки. – Воронеж, 2004. - с. 39-53.

Последование иноческого пострижения. - Рим, 1952.

Правда Е.А. Некоторые особенности коммуникативного поведения представителей сербскоязычной культуры // Коммуникативное поведение славянских народов. Русские, сербы, чехи, словаки, поляки. – Воронеж, 2004, с. 70-90.

Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. - М., 1996.

Радовић А. Значај српског женског монаштва за наш духовни живот и просвету. – Београд, 1983, бр. 6. - с. 60-72.

Радовић А., Војиновић Х. Обнова и развој нашег женског монаштва // Српска православна црква 1920-1970. Споменица о педесетогодишњици васпостављања Српске патријаршије. - Београд, 1971. - с. 333-343.

Радосављевић А. Монаштво у Цркви Христовој // Ви сте со земљи. О монаштву. - Београд, 1998. - с. 10-18.

Ранковић Љ. Живот Српске цркве. – Ваљево, 1989.

Св. Јован Лествичник. Лествица. - Манастир Хиландар, Атос, 1993.

- Св. Филарет Дроздов. Правила благоустройства монастырского живления // Ви сте со земљи. О монаштву. - Београд, 1998. - с. 265-282.
- Свети Сава. Карејски типик 1199. Хиландарски типик. Студенички типик // Свети Сава, Сабрана дела. «Политика». - Београд, 2005. - с. 93-161.
- Святогорец Никодим. Невидимая брань. – М., 1912.
- Ставропольский (Брянчанинов) И. Приношение современному монашеству. - Москва, 2001.
- Старечник. «Беседа». - Нови Сад, 2000.
- Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения. - Воронеж, 2000.
- Стифат Никита. Вторая сотница естественных психологических глав об очищении ума // Добротолюбие, т. V. - Сергиев Посад, 1992, с. 111-144.
- Таушев А. Руководство по гомилетике. – М., 2001.
- Ћирковић С. Православна црква у средњовековној српској држави // Српска православна црква 1219-1969. Споменица о седамстопедесетогодишњици аутокефалности. - Београд, 1969. - с. 35-52.
- Уредба за унутрашњи и спољашњи манастирски живот. - Београд, 1963.
- Устав преп. Венедикта // Св. Феофан Затворник. Древние иноческие уставы. Изд. Афонского русского Пантелеимонова монастыря. – М., 1892. - с. 587-653.
- Устав преп. Иоанна Кассиана // Древние иноческие уставы. – М., 1892. - с. 513-583.
- Устав св. Василия Великого // Св. Феофан Затворник. Древние иноческие уставы. – М., 1892. - с. 213-510.
- Устав Српске православне цркве. - Београд, 1957.
- Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. – М., 1987.
- Фундулис Ј. Литургија I. Увод у свето богослужење. - Краљево, 2004.
- Цисарж Б., Маринковић Ж. Омилитика или теорија црквеног говорништва. Уџбеник за IV разред богословија. - Београд, 1969.
- Чин мале схиме или мандије // Поповић Ј. Монашки живот по светим Оцима. - Београд, 1981. – с. 199-208.
- Чин одевања расе и камилавке // Поповић Ј. Монашки живот по светим Оцима. - Београд, 1981. – с. 193-198.

А. Петрикова-Климчукова
Прешов

Диалог культур русского и словацкого народов

Начало XXI века характеризуется в лингвистике значительными переменами в изучении языка. Переход от лингвистики описательной и классификационной к лингвистике антропологической стал возможен благодаря теории генеративизма Н. Хомского, в которой выражен

следующий постулат – *язык необходимо рассматривать как феномен менталитета и человеческой психики.*

В каждом национальном языке опредмечено мировоззрение народа и его миропонимание, осознаваемое в контексте культурных традиций. В «диалоге культур» речь идет о диалогичности самой истины (красоты, добра...) о том, что понимание другого человека предполагает взаимопонимание «Я-ты» как онтологически различных личностей, обладающих – актуально или потенциально – различными культурами, логиками мышления, различными смыслами истины, красоты, добра... Диалог, понимаемый в идее культуры, - это не диалог различных мнений или представлений, это – всегда диалог различных культур... (Библер 1990, с. 299).

Диалог словацкой и русской культуры мы интерпретируем как диалог близких культур, но это еще не значит, что носители этих культур хорошо друг друга знают. Наши культуры похожи, но нельзя их назвать идентичными. С одной стороны, близость наших коммуникативных культур при описании коммуникативного поведения является плюсом, но словацкую культуру по сравнению с русской можно назвать младенцем в колыбели, ведь геополитически Словацкая республика фактически возникла в 1993 году.

История Словакии делится на четыре крупных периода: период предшествующий венгерскому завоеванию в 10 в.; эпоха венгерского правления до 1918 г.; чехословацкий период (1918-1992) и период независимой Словацкой Республики с 1 января 1993 г.

Предки современных словаков заселяли южные склоны Карпат примерно с 5 в. В 9 в. была создана Великоморавская держава, в состав которой вошли словаки и чехи. Апостолы славян Кирилл и Мефодий в 9 в. обратили словаков в христианство. В начале 10 в. в ходе нашествия венгров Великоморавская держава была разрушена. Словакия, отделившись от чешских и моравских земель, попала под правление венгров. Из этой коротенькой исторической справки понятно, почему и сейчас в Словакии наблюдается проблемная самоидентификация с собственной культурой и языком. До сих пор многие себя называют чехословаками и понимание чешского языка не составляет трудностей. По словацкому телевидению показывают чешские программы и фильмы без титров, в театрах идут мюзиклы на чешском языке и мало когда чех, поселившийся в Словакии, говорит на словацком языке (словаки гораздо быстрее приспосабливаются в Чехии и потом говорят только по-чешски).

Иная ситуация обстоит в России. Например, русские и украинцы не могут так общаться, как словаки и чехи. Многие словаки шокированы тем, что в российских телевизионных новостях речь украинского президента переводили на русский язык. Большинство русских не понимает по-украински.

Словацкий народ считает себя маленьким и малозначительным народом в рамках Европы. После вступления Словакии в ЕС в 2004 г. добавилось

евроскептиков и проявилось нетерпение и недовольствие народа. Хотя Словакия находится в центре Европы и в жизни виден европеизм, словаки – славяне, чувствующие трепетное уважение к земле. По-сравнению с русским народом, словацкий народ менее терпеливый и требует мгновенные, положительные результаты от своего правительства. Диалог различных культур, таким образом, может быть источником глубокого познания – как и почему в народе проявляются определенный комплекс положительных и отрицательных черт.

Общение личностей в диалоге происходит благодаря некоторому атому общения – тексту. М.М. Бахтин в своей «Эстетике словесного творчества» писал, что человека можно изучать только через тексты, созданные или создаваемые им. Текст, по Бахтину, может быть представлен в разных формах:

1. как живая речь человека;
2. как речь, запечатленная на бумаге или любом другом носителе;
3. как любая знаковая система (иконографическая, непосредственно вещная).

В любой из этих форм текст может быть понят как форма общения культур. Каждый текст опирается на предшествующие и последующие ему тексты, созданные авторами, имеющими свое миропонимание, свою картину мира или образ мира, и в этой своей ипостаси текст несет смысл прошлых и последующих культур, он всегда диалогичен, так как всегда направлен к другому – и в этом его коммуникативный характер. Для того, чтобы довести текст в рамках межкультурной коммуникации до уровня понимания, необходимо взаимопонимание, общение и самопознание. Можно сказать, что личность уже тогда может себя считать себя, говоря языком Л.А. Вербицкой, интернационализированной личностью, которая развивает в себе следующие способности:

- понимание различия между эмическим и этическим образом мысли, которое представляет собой разницу между восприятием другой культуры изнутри и снаружи;
- способность к межкультурной коммуникации;
- способность признавать недостаточные знания, т.е. знание о недостатке знания, которое определяет мотивацию к учебе;
- способность мыслить в сравнительном аспекте;
- способность изменять самовосприятие;
- способность рассматривать свою страну в кросскультурном аспекте;
- знание о других культурах, изученных изнутри;
- диалогические навыки (искусство, умение, мастерство), необходимые для функционирования в других обществах;
- понимание видоизменений – качество, важное для сравнительного анализа (Вербицкая 2001, с. 15-18.)

Словацкая культура и русская пересекаются и исторически и в языковом плане, поэтому часто при сравнении этих культур чувствуется влияние геополитических условий.

Пятнадцать лет назад было идеологическое противостояние двух систем Запад – Восток, капитализм – социализм и национально-специфическое в культурах почти неизбежно ассоциировалось с идеологически-специфическим. Словакия еще была в составе Чехословакии и с географической точки зрения была на Западе, а с идеологической – на Востоке. В стране чувствовалось внутреннее противоречие, но бархатная революция в 1989 произошла без свойственной склонности русских к анархии. Словаки решили эту проблему и последующее отделение от Чехии без значительных эмоций, сдержанно, с компромиссом, без известного русского «авось повезет».

Известная черта русских – любовь к риску, страсть к азарту (кстати, это близко к испанским любителям острых ощущений – бою быков) у словаков лимитирована, а фразеологизм “*ruská ruleta*” означает слишком и неумно рисковать.

Укажем еще на одну проблему. Сегодня в процесс глобализации включены русские, словаки, все остальные страны. Поэтому и коммуниктивное поведение народов становится похожим: если мы извиняемся, скажем *SORRY* и неважно, словак это или нет. С одной стороны, в процессе мужкультурной коммуникации может происходить взаимоприятие и взаимопонимание, но с другой - под угрозой находится собственная культура и язык.

Однако, к счастью, в процессе преподавания культурологических дисциплин можно развивать умение узнавать различия, понимать и признавать их. Словацкие русисты-переводчики знают суть венецианского карнавала, баварского «Октоберфеста», американского «Хелоуина», русской *масленицы* или родного осеннего «*ВИНОБРАНЬЯ*» (праздник сборки урожая винограда и питья молодого вина – *бурчака*). В этой связи изучение языка через культуру можно воспринимать как путь к национально-культурной самоидентификации.

Итак, говоря о проникновении в русскую культуру, необходимо прежде провести исследование своего народа и узнать, как он мыслит и чем живет.

Словаки сильно связаны с землей и собственностью. Старшее поколение в 20-х годах прошлого века мигрировало по Европе и Америке, работая в шахтах или же других сложных условиях, накопили состояние; вернувшись на родину, покупали огромные поля, на которых выращивали пшеницу и рожь. Конечно, потом их земли отобрали и они стали общенародным состоянием, но их потомки сейчас владеют ими, это *dedičstvo mojich predkov* (наследство моих предков). В словацком языке есть много текстов с концептом *ЗЕМЛЯ, ПОЛЯ, ДОЛИНЫ, ЛЕСА*, например в текстах песен:

1. *Na Kráľovej holi stojí strom zelený* (Na holi - на горе)

vrch má naklonený, vrch má naklonený

k tej slovenskej zemi

2. *Ej dolina, dolina na doline súd vina...* (súd vina- бочка вина)

3. *A od Prešova, a od Prešova, a od Prešova, v tým poľu...* (диалект)

4. *Horička, horička, hora, zelená hora* (Horička, horečka - горочка)

Kto že ma, kto že ma do tej horečky vola

5. *Dolina, dolina aká si mi dlhá*

Ako že ťa prejde, keď ma nôžky bolia

6. *A na hure, a na hure oves pokošený*

A do stožka, a do stožka šumne uložený (диалект), (*na hure* - на горе, *šumne* – красиво)

7. *Za lisom, za lisom, kvitne nové kudy podyvljusja, kudy podyvljusja, o, jak mi veselo* (диалект,) (silo-село)

В русском понимании это тексты с концептом **СТРАНА, ПОЛЯ**:

Широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек,

Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек.

В строках песни отражается любовь и уважение к Родине, однако известно, что столетия власти татаро-монгольской орды, крепостное право и строительство после 1917 г. государства неимущих привели русских к безразличному отношению к собственности.

Рассмотрим в рамках нашей темы разницу в эмоционально-психических качествах двух народов.

По мнению словацких студентов, словаки эмоционально сдержаннее, чем русские:

Я подтверждаю факт, что словаки весьма сдержаны в выражении своих эмоций. Это просто правда. Раньше я думал, что это проблема не наша, а западноевропейцев, в основном, англичан, немцев, шведов. Но, по сравнению с жителями и восточных стран, Азии и Африки мы истинно закрыты, особенно к незнакомым и иностранцам. К счастью, мы довольно быстро открываемся после достаточного знакомства. Мы просто слишком подозрительны к новым людям.

С другой стороны, можно встретиться в словацких аудиториях и с таким взглядом:

Характерной чертой для обоих народов является эмоциональность, но особого рода. И русские, и словаки во время первого контакта с незнакомым ведут себя сдержанно, закрыто. В отличие от словаков, для которых характерна скромность, вежливость, русские своим поведением представляются более холодными, гордыми, патриотами, что связано с их историей и бесконечными просторами государства.

Внешнюю холодность, закрытость, недоверие словаков можно аргументировать влиянием неславянского мира, прежде всего венгерского и австро-венгерского давления. Одна студентка о том «Как мы воспринимаем себя» сказала:

Словак – я такой скромный, тихий, мало уверенный в себе.

Русский – я русский и я горжусь этим.

Швейцарец – не надо слов, все знают, все видят, все чувствуют, что я не такой как они...

Причину «эмоционального холода» студенты видят в том, что:

Эта проблема связана в большей мере и с воспитанием. Думаю, что нас, словаков, часто с раннего детства строго ведут к чрезмерной скромности, тихости и не сопротивления. Мы как бы чувствуем, что проявлением своих эмоций повредим, помешаем, побеспокоим кого-то.

С точки зрения словаков для русского характера типичен «эмоциональный гиперболизм». Пример студентки, побывавшей в России:

Письмо, которое мне написала подруга из России, было эмоциональнее, чем мое, причем мера дружеского отношения у нас с одинакова...

«Моя дорогая и незабываемая Сильвия! Зайчик, солнышко! От всего сердца хочу поздравить Тебя с прекрасным праздником – с Твоим Днем рождения! Желаю тебе из тысячи звезд – одну самую яркую!»

В праздничных поздравлениях, открытках четко видна эмоциональность того или иного народа: *С Новым годом! С новым счастьем!* Словацкий язык более строгий: *PF 2006*, что из французского означает *pour feliciter – pri želaní šťastia na Nový rok*, т.е. пожелание счастья.

Эмоциональность чувствуется и в речи. Используя коррелятивное описание фонетических систем близкородственных русского и словацкого языков, можно выявить сходства и несоответствия. Если скажем по-русски: *принеси-ка мне воды, принеси мне водички попить* – за счет частицы – КА, и суффикса – ИЧК, повелительная окраска теряется и звучит как милая просьба. Далее прибавляется интонация, которая в русском языке очень разнообразная, живая и мелодичная. На словацком языке: *dones mi vodu dones sa mi napit'* – звучит как приказ, поэтому в словацком языке очень часто, и гораздо чаще по сравнению с русским употребляются вставки со значением – пожалуйста: *prosím, nech sa ti páči. Prosím si pohár vodu*, что переведем как *дайте мне, пожалуйста, стакан воды*. При подаче воды снова форма *пожалуйста – prosím*, или *nech sa ti páči*, зависит так же и от формы ответа: *d'akujem za vodu – prosím*; или *nech sa ti páči, tvoj pohár vodu*. Словаки ведут разговор потише, чем русские, словацкая речь монотоннее.

Хотя в Словакии зарегистрировано 15 религиозных конфессий, большая часть населения римско-католического вероисповедания. В стране празднуются католические праздники, они не просто церковные, но и государственные. Но такой преданности идеям православия, соборности, конечно, не чувствуется. Россия же дышит этим, на соборности строятся общественные, народные принципы национального менталитета. Стихийность, а не рациональная западноевропейская логика – русское традиционное мышление. У России мессианское послание, это избранная земля, поэтому отсюда и фатализм.

Словацкая студентка заметила, что лучше с русскими на тему *религии* не говорить:

Религиозная тема бывает чувствительная, даже щекотливая. Верования обеих народов настолько различные, что очень трудно находить совместную тему. Рекомендую с русским о религии не говорить. Религия пронизывает целого человека. Несколько раз я говорила с русскими на подобную тему, но положительного результата не было.

Религиозные темы, как правило очень чувствительные, здесь необходимо вспомнить, что первоначальный православный церковный обряд, принесенный Кириллом и Мефодием, был позже латинизирован и в конце концов вероисповедание основной части словаков – это римско-католическая вера. Эта вера делит мир на три удела: рай, ад и чистилище. Русская же духовность делит бытие на двое: удел света и тьмы. Русь всегда была страной пласта христианства с определенным духовным своеобразием. Церковный обряд звучал на церковнославянском языке. В Словакии богослужение проводилось на латинском, а проповедь на диалекте. Поэтому и Л.Штур, Й. Шафарик, Й. Коллар – как представители словацкой интеллигенции пытались возродить словацкий дух и славянство. Может быть, и по этим причинам словаки ищут золотую середину, не впадая в крайности, как русские. Сдержанность в выражении своих чувств, сдержанность в языке и в жизни, так можно обозначить национальный характер словаков.

В России часто видно ориентацию на решение огромных, принципиальных проблем (утопия о перспективе человечества, полеты в космос, глобализация) с одной стороны, и отсутствие интереса к решению бытовых проблем простого человека.

Студентка 5-го курса отметила:

Русские очень часто переходят на философские темы. В Словакии это бывает редко, но любят говорить о политике. Во время стажировки ни одного разговора не было на политическую тему, но в семейном круге всегда какое-то время отведено политике.

Итак, наше небольшое рассуждение не затронуло все отличительные черты русской и словацкой культур. Как словаки, так и русские должны продолжать в положительном ключе диалоге культур. Для этого надо отбросить груз прошлого и постараться сосредоточиться на коммуникации равных партнеров в настоящем времени.

Коммуникация для наших народов должна быть естественным делом, и только так мы продвинемся вперед. Отбросив идеологическо-специфическое, ориентируясь на национально-специфическое в контактирующих культурах, мы добьемся эффективности в процессе обучения и накопления опыта. Ведь для успешного межкультурного общения важен учет специфики национального характера коммуниканта.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - М., 1979.

Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. – М., 1990.

Вербицкая Л.А. Глобализация и интернационализация в образовании и важность изучения иностранных языков // Мир русского слова, 2001. № 2. - с. 15-18.

Людмила Попович
Белград

Дискурс публичных надписей в коммуникативном поведении русских и сербов²⁰

Когнитивный аспект

Коммуникативная личность целиком проявляет себя в ситуации, определяемой нормами поведения. Нормы поведения закрепляют и регулируют множество конкретных ситуаций и хранятся в эпизодической памяти говорящих в виде определенных фреймов, состоящих из набора типичных действий, ожидаемых ответных действий, оценочных реакций ситуации и ее атрибутов со стороны хранителя фрейма. Таким образом, норма поведения устроена одновременно прототипически и стереотипически, т.е. соотносима с прототипом и стереотипом реакции в определенной ситуации.

П р о т о т и п в данном случае рассматривается как самый яркий, запечатленный в эпизодической памяти говорящего пример соответствующей коммуникативной ситуации, в которой говорящий оказался перед выбором определенных наборов реакций и поступил в соответствии с нормой или же отступил от нее. Очень часто прототип связан с нарушением определенной нормы поведения, т.е. если говорящий однажды оказался в ситуации, когда нарушение нормы поведения с его стороны было каким-то образом повлекло за собой санкции (родителями, представителями институциональной власти и т.д.), в его памяти

²⁰ Статья содержит результаты исследовательского проекта «Публичные надписи в Сербии». Исследование провели студенты первого курса кафедры славистики филологического факультета Белградского университета (Белград 2003/2004). Проектом руководила автор данной статьи. Результаты исследования публикуются в данной форме впервые.

Автор пользуется возможностью поблагодарить проф. Предрага Пипера, которому принадлежит идея проведения проекта, а также руководителей исследовательских секций Мирьяну Миланович, Александру Петкович, Ану Божанич и Катарину Авагьян-Евтич за помощь в обработке собранного материала. Особую благодарность выражаем коллеге Елене Гинич за помощь в собирании надписей на русском языке.

хранится прототип данной ситуации в виде соответствующего фрейма. Например, если участника ситуации однажды оштрафовали за проезд на красный свет, то для него прототипом нормы поведения на перекрестке с движением, регулируемым светофором, будет именно эта, причем отмечена поведенческим табу, которое срабатывает намного сильнее, чем у водителя, не побывавшего в аналогичной ситуации.

Прототипичные поведенческие табу – самые жесткие прескрипторы правил поведения. По-видимому, именно на этом факте коммуникативного опыта основаны наказания детей. Наказания – это тоже норма поведения родителя или лица, отвечающего за воспитание ребенка в ситуации нарушения установленной им нормы поведения. Такая норма поведения, заметим, не только по отношению к детям, но и по отношению к женщинам, за крепость моральных норм которых „отвечают” мужья, закреплена в пословицах, которые в сжатом виде содержат предписания поведения людей: серб. *Батина је из раја изашла*, рус. *Люби как душу, тряси как грушу* и т.д. Пословица отражает стереотип – норму поведения, закреплённую в определенной культуре. Из приведенных примеров следует, что стереотип физического наказания как необходимого средства воспитания в одинаковой мере свойствен русским и сербам.

В отличие от прототипа поведения, который всегда соотносим с личным опытом, с т е р е о т и п нормы поведения насаживается в обществе, его прививают в процессе воспитания. Если у человека не существует прототипа, связанного с определенной нормой поведения – просто он никогда не побывал в ситуации, в которой она применяется, он прибегает к стереотипу. В то время как поведенческие прототипы всегда индивидуальные, стереотипы норм поведения бывают:

- *цивилизационные*: норме поведения, свойственной нашей цивилизации ‘помогать больным и слабым’ противостоит норма ‘убивать больных и слабых’, распространенная во многих племенах;

- *культурологические*: русский обычай присесть перед дорогой, сербский обычай стрелять из ружья во время гуляний;

- *общественные* – известное отсутствие в городах Египта светофоров, в целом Каире их всего 4, причем нормой поведения водителей является проезд на красный свет²¹; своеобразная сербская сиеста „кућни ред” – время, отведенное для дневного отдыха у сербов – с 15.00 до 17.00, в которое не принято посещать знакомых, звонить по телефону, шуметь во дворе и т.д.

- *гендерные* – „Девочки не дерутся”, „Мужчины не плачут”;

- *статусные*, сжатые в известной латинской сентенции *Quod licet Iovi, non licet bovi* – „Академические 15 минут”, „Ругается как извозчик”;

²¹ В подтверждение приводим диалог, записанный в туристическом автобусе в Каире. Местный экскурсовод: «Вот перед вами светофор, чтобы не подумали, что в Каире нет светофоров».

Турист: «И мы едем прямо на красный свет».

- *групповые*, примером которых могут быть популярные среди молодежи Сербии *градски блејачи* „городские бездельники” (от жаргонного *блејати* „бездельничать”), нормой поведения которых является просиживание в течение всего дня в любимом кафе или ресторане (коммуникативное поведение, шокирующее всегда занятых американцев).

Общественные стереотипы поведения основаны на моральных, этических, юридических нормах, выработанных в обществе и в большинстве случаев они направлены на сохранение порядка в нем. В связи с этим все общественные стереотипы, связанные с нормами поведения, в когнитивном аспекте можно рассматривать как *прохибиторы*: „можно” - „нельзя”, *прескрипторы*: „нужно” - „не нужно” и *информаторы*: „необходимо знать”.

Стереотипы поведения включают фактор совершения постоянного контроля над придердержанием предусмотренных в данном обществе норм поведения. Такой контроль выполняют *эзекуторы* - лица, обладающие статусными характеристиками институционального или родственного старшинства, в обязанности которых входит следить за соблюдением норм поведения. Различия между ними отражены в разнообразии и степени жесткости применяемых санкций. Представитель органов внутренних дел осуществляет контроль над нормами поведения, установленными высшим законодательным органом в государстве, поэтому санкции, применяемые им – самые жесткие. Представитель церковного братства наказывает за нарушение норм поведения, установленных в данном храме, он может укорить или же, в худшем случае, выдворить из церковного помещения нарушителя - например, женщину в брюках или без платка, такие санкции менее жесткие (в данном случае они зависят от либеральности взглядов, в коммуникативном поведении русских приведенные примеры – норма, у сербов – они являются исключением из нормы). Родители и воспитатели применяют санкции за нарушение норм поведения со стороны ребенка.

Таким образом, все нормы поведения можем рассматривать как *императивы* или *альтернативы*. Императивы, в основном, универсальны, они закреплены в юридических кодексах: «Нельзя нарушать правила, на которых зиждется порядок в обществе. Не подчиняясь им, ты ставишь под угрозу права членов общества, а это влечет применение санкций». Альтернативы предлагают выбор норм поведения. Их принцип состоит в следующем: «У нас приняты такие нормы поведения. У тебя есть выбор. Если ты не принимаешь наши нормы – не можешь рассчитывать на наше одобрение».

Кроме мер, принимаемых эзекуторами, общество всячески поддерживает постоянный самоконтроль над соблюдением установленных норм поведения. Самоконтроль встраивается в коммуникативное поведение в процессе воспитания, а функцию напоминания о необходимости прибегнуть к самоконтролю в определенной ситуации выполняют в обществе п у б л и ч н ы е н а д п и с и.

Публичные надписи - прохибиторы и прескрипторы в конденсированном виде отражают принятые в данном обществе нормы поведения, указывают на последствия их нарушения - предусмотренные обществом санкции или отрицательные эффекты, а информаторы помогают потенциальному адресату ориентироваться в ситуации дефицита определенной информации. Таким образом, в данной работе *публичные надписи рассматриваются как особый вид дискурса, функциональной направленностью которого является напоминание потенциальным адресатам о необходимости прибегнуть к самоконтролю в ситуации с предусмотренными сообществом нормами поведения или восполнение информационного пробела в знании адресата.*

Прагматический аспект

Наличие адресанта – составителя текста, адресата – потенциального участника коммуникативной ситуации и семиотического (речевого или визуального) воздействия дает основания рассматривать публичные надписи в качестве речевых актов. Все речевые акты с точки зрения фактора участников коммуникативной ситуации можем рассматривать как:

- *собственно иллокутивные*, иллокуция (речевое воздействие) которых направлена на конкретного адресата: *Помоги мне, пожалуйста!*
- *автоиллокутивные*, направленные на самого говорящего: *Будь я проклят!*
- *обобщенно-иллокутивные*, иллокуция которых направлена на адресата и адресанта одновременно: *Обещаю, что брошу курить.*
- *неопределенно-иллокутивные*, направленные на неопределенного потенциального адресата: *Покупайте батончики «Баунти»²²!*

По своему типу публичные надписи - прохибиторы и прескрипторы относятся к речевым актам с обобщенной иллокуцией, т.е. их иллокуция направлена на потенциального участника ситуации и самого адресанта одновременно. Разбивая речевой акт публичной надписи на элементарные семантические компоненты можем прийти к следующей формуле:

«Предупреждаю, в данной ситуации положено поступить X.

Думаю, что ты знаешь это правило.

Напоминаю тебе о нем.

Если ты не сделаешь X, я буду вынужден сделать Y.

Сделай X, это в твоих интересах”.

Из этой исходной архетипической формулы следует, что публичная надпись обязывает к определенному действию не только адресата, но и адресанта, в противном случае надпись теряет свою функцию. В качестве примера хотелось бы привести частые в Сербии парадоксальные ситуации, когда курят под знаком с перечеркнутой сигаретой или надписью *Забрањено пушење* «Не курить» (в аэропортах, общественных зданиях и

²² Конкретнее о данной типологии речевых актов см. Попович 2005.

т.д.). Таким образом, чтобы надпись была эквивалентна, адресант должен выполнить принятую на себя самим актом составления или вывешивания надписи функцию экзекютора.

С точки зрения реализованного типа иллокуции публичные надписи можем разделить на *директивы, ассертивы, пермиссивы и экспрессивы*. Среди директивов, иллокутивной функцией которых является побуждение адресата к акциональному или речевому акту, в свою очередь, можем выделить *категорические и некатегорические директивы*: запреты и требования, с одной стороны, инструкции и рекомендации, с другой. Очевидно, что между высказываниями *Под стрелой не стоять! Предъявлять паспорта в развернутом виде, Просьба входить по одному человеку, Ручку на себя, дверь от себя* значительная разница в степени категоричности адресанта. Мерой категоричности в прагматическом плане можем считать *иллокутивное напряжение высказывания*. Под иллокутивным напряжением подразумеваем *степень интенсивности развития иллокутивной функции между участниками коммуникативной ситуации*. Формальным показателем иллокутивного напряжения является эксплицитное средство реализации директива – перформатив, повелительное наклонение и т.д.

Например, в высказывании *Не высовываться!* употреблена форма повелительного наклонения, отличающаяся максимальным иллокутивным напряжением – инфинитив (сравните *Молчать! Встать!* и *Молчи! Встань!*). Такая форма является имплицитным речевым актом запрета – хотя сам перформатив *запрещаю* не употребляется, степень категоричности инфинитивной формы и наличие отрицания перед потенциальным действием указывает на иллокуцию запрета. В высказывании *За безбилетный проезд штраф 50 рублей* имплицитно реализована иллокуция предупреждения, перформатив *предупреждаю* переходит в пресуппозицию.

Запрет отличается большей степенью категоричности иллокуции от предупреждения. Однако, в реальности мы имеем дело с обратной ситуацией – надпись *За безбилетный проезд штраф 50 рублей* сильнее воздействует на адресата – билеты приобретают все, в то время как на надпись *Не высовываться!* иногда просто не обращают внимание. Чем объяснить такой парадокс?

Кроме эксплицитного показателя иллокутивного напряжения существует *имплицитный, состоящий в способе иллокутивного воздействия на адресата в форме соответствующей мотивации* – угрозы, предупреждения, обещания просьбы и т.д. Между угрозой и предупреждением существенная разница в том, что в случае угрозы адресант принимает обязательство принять меры за нарушение нормы, т.е. угроза отражает максимальную заинтересованность адресанта в соответствующем поступке адресата. Мотивация воздействия на адресата в форме угрозы может считаться с директивами разной степени категоричности – от запрета до просьбы, причем если мотивация угрозы

эксплицитно выражена, она переводит иллокуцию директива из одной тональности в другую, например:

просьба + мотивация угрозы = требование:

Просьба соблюдать тишину, в противном случае выдача книг будет прекращаться.

Косвенный акт предупреждения предполагает, что адресат сам заинтересован в том, чтобы поступить согласно инструкции или рекомендации, т.е. в этом случае степень заинтересованности адресанта в адекватной реакции адресата минимальна. Поэтому надпись *За безбилетный проезд штраф 50 рублей* отличается большим перлокутивным эффектом по сравнению с надписью *Не высовываться!*, так как в первом случае адресант обязуется принять меры за нарушение нормы, причем санкция эксплицитно выражена – штраф. В другом случае, адресат, нарушая норму, поступает под собственную ответственность – он может быть поврежден, но его поведение не приведет к санкциям со стороны адресанта. Таким образом, *иллокутивное напряжение выражается эксплицитно и имплицитно. В первом случае оно отражает степень категоричности адресанта, во втором – его заинтересованность в соответствующей реакции адресата.*

Как правило, имплицитный фактор отличается большей эффективностью от эксплицитного, в этом и состоит парадокс коммуникативного поведения. Например в надписи в городском транспорте в Сербии *Мислите на изненадна кочења* «Не забывайте о внезапном торможении» реализована иллокутивная функция требования – ‘держитесь за поручни’, поданная косвенным образом – посредством мотивации предупреждения ‘автобус может резко затормозить’. В данном случае мы согласны с Дементьевым, утверждающим, что непрямая коммуникация, объединяющая такие факторы как имплицитность, косвенные речевые акты, интуитивная интерпретация высказывания и другие коммуникативные единицы, намного эффективнее и экономнее «прямой» коммуникации (Дементьев 2000).

Вторым типом речевого акта, реализованного в дискурсе публичных надписей, являются а с с е р т и в ы – сообщения и информации. Основной иллокутивной функцией ассертивов является восполнение информационного пробела в знании адресата. Ассертивы обладают минимальным иллокутивным напряжением – адресант не категоричен и прямо не заинтересован в том, чтобы адресат ознакомился с надписью. В референциальном аспекте ассертивные публичные надписи моделируют денотативное пространство референта – определяют его координаты в пространстве: *Камера хранения, Зал ожидания*. Такие надписи имеют дейктический характер – в их семантическую структуру включен ситуативный локализатор «здесь», который переходит в пресуппозицию.

Номинативная фраза, как самый частый тип ассертивной публичной надписи, может быть конденсированной формой запрета: *Запретная зона*. В данной надписи реализован акт запрета с максимальным иллокутивным

напряжением. Эксплицитную иллокуцию запрета, сжатую в прилагательном *запретный*, усиливает фреймовый сценарий, который активизирует существительное *зона*, имеющее в русской лингвокультуре конкретные коннотации с репрессией, преследованием, наказанием. Тем самым имплицитное иллокутивное напряжение срабатывает сильнее от эксплицитного, у адресата возникает целый ассоциативный ряд связанный с возможными последствиями нарушения запрета.

Номинативная фраза может передавать и так называемую сценарную ассерцию - информировать потенциального адресата об определенном событии: *Штрајк глађу. Дан 21.* (надпись на здании банка, в котором служащие в течение 21 дня бастуют голодом против закрытия банка).

Иногда ассертивные публичные надписи содержат косвенное предупреждение или рекламу и тем самым их иллокуция передвигается в сферу директивной, даже при наличии эксплицитного перформатива с ассертивной иллокуцией *информируем*. В данном случае адресат имеет дело с гибридным речевым актом:

а) формальная иллокуция информации + имплицитное предупреждение

Уважаемые клиенты, информируем вас о том, что за операцию внутренней конвертации на сумму менее 100 долларов США (или эквивалент в другой валюте) банк взимает комиссию в размере 7 рублей;

б) формальное сообщение + имплицитная реклама

Уважаемые покупатели! В нашем супермаркете открыт ресторан.

Наличие перформатива с иллокуцией информации *информируем* типично для русского дискурса публичных надписей, в сербском дискурсе чаще ассертивные перформативы с функцией сообщения – *обавештавамо* или переход перформатива в пресуппозицию: *Поштовани потрошачи! Не примамо страну валуту* «Уважаемые покупатели! Не принимаем иностранную валюту».

Третий тип речевого акта в исследуемом дискурсе – п е р м и с с и в ы, иллокутивная функция которых парадоксально противоречит семантической структуре публичных надписей с директивной иллокуцией. Если основной функцией публичной надписи – директива является напоминание о необходимости соблюдения нормы поведения, то пермиссивы направлены на отклонение от установленной в данной ситуации нормы поведения в определенных условиях. Их целью является удовлетворение интенции адресата, вопреки принятым нормам.

Примером пермиссивных надписей могут быть таблички под знаком *Стоянка запрещена*, например: *Для автомобилей сотрудников Посольства*. В сербском дискурсе в данной ситуации пермиссивная иллокуция подчеркнута предлогом «кроме»: *Осим за возила са посебном дозволом и налепницом* «Кроме автомобилей со специальным разрешением и эмблемой» - надпись под знаком «Стоянка запрещена», *Осим за утовар и истовар* «Кроме выгрузки и погрузки» - под знаком «Остановка запрещена», имеется в виду исключенная из правила остановка транспортного средства для указанных целей.

Эксплицитным показателем пермиссивной иллокуции в публичных надписях является форма страдательного залога *разрешается*, серб. *дозвољено*:

Разрешается выносить книги и журналы из читальных залов на ксерокс в исключительных случаях, не более чем на 20 мин.

Дозвољено изношење суве вечере суботом и недељом «Разрешается выносить сухой паек по субботам и воскресеньям» (надпись в студенческом ресторане).

Обязательными компонентами семантической структуры пермиссивов являются: собственно разрешение, указание на норму из которой делается исключение, указание периода времени действия разрешения. В то время как разрешение выражено эксплицитно, указание на норму всегда имплицитно - содержится в пресуппозиции разрешения. Норма всегда противоположна поведению, указанному в пропозиции разрешения: разрешается выносить сухой паек в определенное время – норма поведения «запрещается выносить сухой паек из ресторана».

Э к с п р е с с и в ы реже встречаются в дискурсе публичных надписей. Чаще всего это извинения за неудобства в связи с какими-то ремонтными работами: *Уважаемые читатели! Просим извинить за временные неудобства в связи с проведением ремонтных работ в Библиотеке.* Если типовыми компонентами извинения в обычной коммуникации считаются: собственно извинение, объяснение причины, признание ответственности, предложение компенсировать ущерб, обещание исправиться, то в публичной надписи отсутствуют компоненты, указывающее на готовность адресанта принять на себя определенные обязанности, связанные с признанием вины, что делает иллокуцию извинения поверхностной, переводит ее в план неудачного коммуникативного акта.

Очень часто публичные надписи - экспрессивы, подобно ассертивам, являются гибридными речевыми актами. Экспрессивы благодарности типичны для сербского дискурса публичных надписей, в отличие от русского. В сербских публичных надписях они имплицитно передают иллокуцию запрета или требования: *Хвала што не пушите* „Спасибо, что не курите” – косвенный акт вежливого запрета. В русском дискурсе вежливый запрет в соответствующей ситуации выражается гибридным директивом – ‘формальная просьба + реальный запрет’: *Просьба не курить*. Интенсификаторы вежливости, в данном случае семантический перформатив *хвала* „спасибо”, уменьшают иллокутивное напряжение высказывания, *фокусируют перлокутивный эффект директива*, и тем самым *делают установку на личность адресата* в коммуникативной ситуации.

Заметим, что фокусирование личности адресата в дискурсе публичных надписей является отличительной чертой сербской лингвокультуры. В русском дискурсе гибридные экспрессивы типа ‘благодарность + просьба’ возможны только в ситуации с неотмеченным статусным неравенством, а иногда указывают на обратную, в сравнении с принятой в директивных

публичных надписях, статусную дихотомию «вышестоящий – нижестоящий»: *Спасибо, что убрали за собой*. Употребление гибридных экспрессивов в сербском дискурсе публичных надписей отличается сочетаемостью экспрессивной формулы с категорическими директивными актами:

‘благодарность + запрет’: *Хвала што не пушите*;

‘благодарность + требование’: *Хвала што уступате место старијим особама* «Спасибо, что уступаете место пожилым лицам».

Употребление вежливых категорических директивов, в отличие от принятых в русской лингвокультуре инфинитивных форм, которые как-бы нивелируют личность адресата, указывает на уважение к адресату, подчеркивает его личность в коммуникации.

Лингвокультурный аспект

Анализируя запреты в немецкой картине мира в плане норм поведения и подчеркивая их категоричность, А.Вежбицкая замечает: 1) немцы одобряют такую ситуацию, когда кто-либо говорит людям, что они должны делать; 2) это свидетельствует о «широком распространении идеи личной власти как источника ограничения и принуждения»; 3) знаки запретов фокусируют внимание прежде всего на негативной стороне вещей (Вежбицкая 1999, с. 695-696).

Сравнивая запреты в английской, немецкой и русской культурах, В.Карасик приходит к выводу, что немецкие запреты более категоричны, чем английские, а потом без комментариев приводит несколько примеров на русском и замечает, что институциональный дискурс – это голос государства, говорящего с людьми, а не мера этнокультурной и социокультурной специфики, но затем добавляет: «На наш взгляд, этнокультурная специфика в отношении запретов состоит в том, что одни народы не терпят чрезмерного и прямого вмешательства государства или общества в их личную жизнь, а другие считают это допустимым и правильным» (Карасик 2004, с. 148).

В какой же мере русские терпят чрезмерное вмешательство государства в их нормы поведения? Дискурс публичных надписей показывает – максимально. *Не курить, Не сорить, По газонам не ходить, Не высовываться, Курить в помещении запрещается, Входить в зрительный зал после начала спектакля не разрешается, Распивать спиртные напитки в общественном месте запрещается* – казалось бы нет такой ситуации, в какой государство не считало бы своим правом наложить запрет на поведение, отступающее от строго установленной нормы. Форма инфинитива являет собой пропозицию, располагающую иллокутивным потенциалом. Такой иллокутивный потенциал может конкретизироваться путем моделирования модусной части высказывания:

Просим не сорить!

Не сорить!

Требуем не сорить!

Приказываем не сорить!

Пропозиция актуализируется в коммуникативной ситуации, т.е. контекст коммуникативной ситуации указывает на иллокутивную функцию высказывания. Если надпись *Не курить!* вблизи знака *Огнеопасно!* воспринимается как запрет с максимальной иллокутивной напряженностью, то табличка *Не курить* в кабинете коллеги скорее представляет просьбу.

В ситуациях, дополнительно не отмеченных показателями коммуникативного контекста, наличие восклицательного знака и соотносимость формы инфинитива в сознании русских с формой команды и приказа (*Встать!*, *Молчать!*) указывает на максимальное иллокутивное напряжение таких надписей. Наличие отрицания и категоричная тональность возводит инфинитивные высказывания к иллокуции запрета, в которых перформатив *запрещаю* переходит в пресуппозицию. Поэтому инфинитивные надписи с отрицанием в русском дискурсе в прагматическом аспекте эквивалентны формам со страдательным залогом перформатива *запрещается*, фокусирующим содержание запрета. Употребление страдательного залога переносит фокус с говорящего на сообщаемое, сравним: *С нынешнего дня я запрещаю тебе приходить домой поздно!* *С нынешнего дня тебе запрещается приходить домой поздно!* С другой стороны, страдательный залог освобождает от необходимости самономинирования адресанта. Отсутствие самономинирования усиливает пресуппозицию, что адресант запрета – это всегда институциональное лицо, располагающее реальной властью. Отсутствие самономинирования адресанта подчеркивает отношения статусного неравенства между участниками коммуникативной ситуации. Адресант имеет право на запрет – это само общество в лице его уполномоченных представителей, адресат должен повиноваться воле сообщества.

В сербской лингвокультуре, как уже было отмечено, в публичных надписях фокусируется фактор адресата. Установка на адресата отражена принятыми формами 2-го лица повелительного наклонения, причем частыми являются формы 2-го лица единственного числа – форма обращения, очень редкая в русских публичных надписях *Не гази траву!* «По газонам не ходить» (в буквальном переводе «Не топчи траву!»), *Не узнемиравај возача у току возње* «Не отвлекайте водителя!» (букв. «Не отвлекай водителя во время езды»), *Не лупај вратима* «Дверью не хлопать» (букв. «Не хлопай дверью»), *Пази воз! Пази школа!* «Осторожно поезд!», «Осторожно школа!» (букв. «Смотри, поезд!», «Смотри, школа!»), *Гурај!* «От себя!» (букв. «Толкай!»), *Вуци!* «К себе!» (букв. «Тяни!»).

То, что в понимании русских представляет грубость в обращении, фамильярность и унижение в субординативной коммуникации, для сербов является показателем особого отношения к другому как к своему с точки зрения дихотомии «свой – чужой», это установление интимного контакта с

целью расположить к себе, сделать адресата равным себе, причем это не унижение собеседника, а как бы его возвышение до уровня говорящего.

Популярность обращения на «ты» к покупателям между продавцами на сербских рынках указывает на него как на руральную норму, т.е. публичные надписи в данном случае отражают концептуальную сферу местоимения «ты» в сербской лингвокультуре – равенство, интимность, уважение, восходящую к истокам ее формирования. С этой стороны обращение к потенциальному адресату в форме 2-го лица единственного числа может считаться „положительной вежливостью” в терминологии П.Браун и С.Левинсона (Brown, Levinson 1978).

С другой стороны, обращение в форме 2-го л. ед. ч. усиливает иллокутивное напряжение высказывания. Адресат воспринимает высказывание как непосредственное обращение именно к нему. Вспомним непревзойденную по максимальной иллокутивного напряжения надпись на известном советском плакате периода Гражданской войны: комиссар на фоне заводских труб, конкретизирующих потенциального адресата, с упертым в каждого пальцем - *ТЫ записался добровольцем?* Обращение *ты* в данном случае и семиотически подчеркнуто – позицией аппеллятива в верхнем левом углу плаката (остальная часть надписи расположена под изображением), размером шрифта – в два раза большим от остального текста и красным цветом букв местоимения. В русском дискурсе употребление обращения в форме 2-го л. ед. ч. крайне редко и свидетельствует именно о чрезвычайности коммуникативного контекста, требующего максимального внимания со стороны адресата: *Не подходи! Убьют!*

Кроме форм 2-го лица единственного числа, в сербских директивных публичных надписях употребляются и формы 2-го лица множественного числа и инфинитивные формы, но между ними существует разница в степени иллокутивной напряженности, которая, как уже было сказано, отражает уровень категоричности адресанта и его заинтересованность в ответной реакции адресата. В качестве примера приведем надписи из одного городского автобуса в Белграде:

- директивы с максимальным иллокутивным напряжением – запреты, выражены формой 2-го л. ед. ч. повелительного наклонения: *Не узнемиравај возача у току возње* «Не отвлекай водителя», *Не задржавај се у зони врата* «Не задерживайся в проходе». Категоричность запрета максимальна. ИмPLICITная мотивация - нарушение этих правил может привести к самым опасным последствиям;

- для требований, отличающихся меньшей степенью категоричности по сравнению с запретами, используется форма повелительного наклонения 2-го лица множественного числа: *Купите карту код возача* «Покупайте билеты у водителя», *Поништите вашу карту у аутомату* «Закомпостируйте билет в компостере», *Обавезно покажите маркице* «Обязательно предъявите проездной», *Мислите на изненадна кочења* «Не забывайте о внезапном торможении» ;

- директивная иллокуция инструкции и указания передана с помощью инфинитива: *У случају опасности разбити стакло* «В случае опасности разбить стекло», *У случају опасности отворити поклопац, притиснути црно дугме за отварање врата* «В случае опасности открыть крышку, нажать черную кнопку для открытия двери», *Овде поништити карту* «Здесь закомпостировать билет».

Таким образом, глагольная форма 2-го л. ед.ч. повелительного наклонения в директивных речевых актах сербского дискурса публичных надписей отличается максимальным иллокутивным напряжением, ей уступает по степени категоричности форма 2-го лица множественного числа повелительного наклонения, а минимальную иллокутивную нагрузку несет инфинитив, в отличие от русского дискурса, в котором именно форма инфинитива указывает на максимальную категоричность запрета.

В директивных надписях с функцией запрета в русском и сербском дискурсах публичных надписей одинаково часто встречаются страдательные формы *запређається, не разрешается, воспреицен, забрањено је, забрањен,-а,-о: Пользоваться телефонной связью запређається. Вход в библиотеку с сумками, в верхней одежде и с едой не разрешается. Проезд воспреицен. Забрањено пушење. Забрањена употреба мобилних телефона. Забрањено паркирање. Забрањено је причати са возачем када је трамвај у покрету*. Разница в данном случае состоит в фокусировании модусной части прохибитивных высказываний в сербском языке и ее инверсирование - в русском, что в соответствующем порядке отражает установку на адресата: „Не смей делать X” или на само сообщение: „X – делать не смей”. Фокусирование иллокутивной функции усиливает категоричность запрета, делает его более жестким. Кроме того, сербская страдательная конструкция с причастием от глагола совершенного вида *забрањено је*, в отличие от русских глаголов несовершенного вида *запређається, не разрешается*, усиливает иллокутивное напряжение прохибитивов. Поэтому прагматическим эквивалентом надписи со страдательной формой в сербском дискурсе можем считать форму инфинитива в русском, так как именно она отличается максимальной категоричностью: *Забрањено пушење. - Не курить*.

Особенностью лингвокультуры является не только способ передачи иллокутивной функции, но и учитывание фактора адресата. Другими словами, важно не только как сказать, но и как обратиться. В этом смысле привлекает внимание частый в русском дискурсе публичных надписей запрет *Посторонним вход воспреицен*. Заметим, что в сербском дискурсе в данной ситуации используется надпись *Само за особље* „Только для персонала». Если исходить из того, что сферу действия запрета определяет набор участников коммуникации, действие и его иллокутивная напряженность, то в коммуникативном поведении русских в данной

ситуации первый фактор остается до конца не выясненным. Вопрос состоит в том, кто в данном случае считается посторонним.

Представим себе дверь в служебные помещения какого-то магазина. Наблюдая за этой дверью, можно составить список лиц, не считающихся посторонними – продавец, заведующий магазином, складовщик, жена заведующего магазином, знакомая продавца и т.д. Так кто же считается посторонним? Тот, кто не принимает участия в каком-то деле, стоит в стороне. Такая маркированность унижает посетителей общественных учреждений, определяет их как чужих, присутствие которых отягощает. В сербском дискурсе вместо запрета в данной ситуации используется пермиссив – эксплицитная форма которого *дозвољено је* „разрешается” переходит в пресуппозицию. Очевидно, что оппозиция „свой – посторонний” уходит корнями в строительство коммунистического государства, в котором посторонним считался каждый, кто не принимал активного участия в строительстве светлого будущего.

Что и как запрещается - в этом не только установка государства, но и отражение самых частых форм нарушения норм поведения, уровня внимания, придаваемого нарушениям определенных норм поведения со стороны сообщества. Если надпись *Распивать спиртные напитки в общественном месте запрещается* свидетельствует о пристрастии русских к спиртному, а *Не сорить* о внимании, придаваемом чистоте улиц и заведений, то сербские надписи *Забрањено пушење* «Не курить» (в зале кинотеатра) и *Хвала што не пљујете по поду* «Спасибо, что не плюете на пол» (в ресторане) шокируют не столько своим содержанием, сколько выбором места, в котором они установлены.

Публичные надписи можем считать зеркалом не столько этнокультуры, сколько времени, объективно сложившихся условий, в которых они возникают. Перечеркнутый пистолет на входной двери сербского ресторана свидетельствует не столько о склонности сербов к насилию, сколько о недавно прошумевшей войне и ее последствиях. Такая публичная надпись служит для предотвращения драк с применением оружия, часто возникающих среди *подгулявших* «героев». С другой стороны, уже упомянутая норма стрельбы из ружья во время свадеб, крестин, проводов в армию, праздников (особенно в канун Нового года) свидетельствует о том, что концепт *веселье* «гуляние» у сербов подразумевает норму «стрелять». Такая этнокультурная специфика, по-видимому, связана с частыми войнами на Балканах, в которых сербам приходилось принимать самое активное участие.

Возникновение новых норм поведения, связанных с развитием прогресса или специфическими условиями новой жизни, требует введения новых публичных надписей. Массовое пользование сотовой телефонной и пейджинговой связью привело к необходимости наложения запрета на использование соответствующих аппаратов в определенных местах. Необходимо заметить, что в сербском дискурсе такие запреты отличаются особой разнообразностью формы и иллокутивного напряжения:

Строго забрањено уношење мобилних телефона у судницу.

Забрањена употреба мобилних телефона.

Искључите ваше мобилне телефоне.

У ову просторију никако не са укљученим телефоном.

Упозорење! Молимо вас да пре уласка у читаоницу искључите мобилни телефон!

Молимо студенте и пацијенте да пре уласка у салу искључе своје мобилне телефоне. Хвала.

В русском дискурсе соответствующие надписи менее разнообразны, но отличаются более сильным иллокутивным напряжением, имплицитно содержащим в мотивации открытой угрозы – за нарушение этой нормы могут последовать определенные санкции:

Читателям запрещается:пользоваться телефонной и пейджинговой связью в читательных залах и помещениях, прилегающих к ним. За нарушение данного пункта администрация лишает права пользования Библиотекой сроком на 1 месяц.

Ситуативный аспект

С точки зрения местонахождения публичных надписей четко выделяются три группы: а) прохибиторы, прескрипторы и информаторы в средствах общественного транспорта; б) надписи в институциональных учреждениях и общественных заведениях; в) указатели на улице (включая дорожные знаки).

Указанные типы надписей очень различны между собой, хотя все вместе составляют один дискурс, функцией которого, как уже было сказано, является напоминание о необходимости самоконтроля над соблюдением предусмотренных в данной ситуации норм поведения или восполнение информационного пробела в знании адресата.

Надписи в общественном транспорте по своему содержанию универсальны - их целью является предотвращение несчастных случаев, связанных с передвижением пассажиров и регулированием правил пользования транспортным средством в качестве пассажира. Интересным является тот факт, что надписи в общественном транспорте – единственные из указанных типов, предусматривают регулирование не только правил, основанных на прагматическом принципе кооперации в обществе, но и норм поведения, проистекающих из моральных устоев цивилизованного человека.

Напоминания о необходимости уступить место пассажирам с детьми, пожилым и инвалидам свидетельствуют о цивилизационной норме поведения, включающей заботу о слабых в обществе. Как уже было сказано, в сербском дискурсе такие надписи содержат экспрессивные формулы, целью которых является дополнительная мотивация адресата. В этом контексте необходимо заметить, что сербы намного охотнее уступают места детям, чем пожилым, а уступание места женщинам со стороны представителей „сильного пола” может считаться исключением из нормы.

Ситуации, в которых бабушка усаживает в трамвае своего внучонка школьного возраста, а сама стоит рядом или мужчина сидя разговаривает с коллегой по работе, склоненной над ним (в лучшем случае он может предложить поддержать ее сумку) - это норма поведения в общественном транспорте у сербов. Культ ребенка и культ мужчины абсолютно доминируют в сербской культуре, в то время как женщине отведено не столь завидное место.

Надписи в общественном транспорте в своем большинстве реализуют директивную функцию, даже формальные ассертивы несут в себе имплицитное побуждение к действию: *Проезд 6 руб.* - имплицитное требование: 'для того, чтобы пользоваться услугами транспортного средства, уплатите контролеру 6 руб.'; *6 мест предусмотрено для пассажиров с детьми* - имплицитная просьба: 'уступайте место пассажирам с детьми'; *У ovom возилу важи само карта купљена код возача* „В этом транспортном средстве действителен только билет, приобретенный у водителя” - имплицитное требование: 'покупайте билеты только у водителя'; *Излаз у случају опасности* „Аварийный выход” - имплицитная инструкция: 'в случае аварии выходите в указанном месте' и т.д.

Степень категоричности директива, как уже было сказано, эксплицитно выражен формой высказывания: в русском дискурсе для запретов и требований используется инфинитив и формы страдательного залога, в сербском - повелительное наклонение и формы страдательного залога (см. „Лингвокультурологический аспект”).

В общественном транспорте у сербов институциональные надписи отличаются дополнительным семиотическим оформлением - подобно дорожным знакам они сопровождаются пиктографическими изображениями, поданными на фоне определенного цвета: красного, желтого и зеленого. В прагматическом аспекте такой цветовой подбор дополняет иллокуцию высказывания, усиливает или ослабляет его исходную иллокутивную напряженность.

Как уже было отмечено, форма инфинитива в сербском дискурсе указывает на иллокуцию инструктирования и предупреждения, не отличающихся высокой степенью категоричности. Однако, такая надпись, поданная на красном фоне, привлекает к себе внимание, указывает на *важность пропозициональной части инструкции*, усиливает иллокутивную нагрузку надписи: *У случају опасности разбиџи стакло* «В случае опасности разбить стекло», *Опасно је наслањати се на врата* „Опасно опираться на дверь”..

На желтом фоне подаются ассертивы с имплицитным требованием - эксплицитно оформленное требование подается на красном фоне. В качестве примера можно привести надписи одинакового прагматического содержания с разной иллокутивной напряженностью: *Купите карту код возача* „Купите билет у водителя” и *Продаја карата код возача* „Продажа билетов у водителя”. Обе надписи сопровождает пиктографическое

изображение водителя, выдающего через окошко билеты. Надпись в форме повелительного наклонения подана на красном фоне, а формальный ассертив с имплицитной директивной иллокуцией „покупайте” - на желтом. В данном случае интенсивность цвета (исходя из цветового спектра - от красного, самого насыщенного, к желтому и зеленому) соответствует интенсивности иллокутивного напряжения. В соответствии с этим формальные ассертивы - имплицитные просьбы о вежливости поданы на зеленом фоне: *Резервисано за инвалиде* „Предусмотрено для инвалидов” – просьба уступать место инвалидам.

В связи с появлением частных средств общественного транспорта надписи в них перестают быть средством общения государства с людьми. Каждый водитель или владелец транспортного средства имеет право регулировать нормы поведения по своему усмотрению. У сербов надписи в частном общественном транспорте по своему содержанию не отличаются от институциональных государственных, но замечается наличие в них экспрессивных формул вежливости и дополнительной мотивации в форме объяснения причины требования или просьбы:

Поштовани путници!

Куповином карте за превоз доприносите да превоз буде квалитетнији и безбеднији, стичете право на основу осигурања за накнаду евентуалне штете коју сте имали у току возње.

Непоседовањем карте за превоз док сте у возилу користите услуге на штету других, доводите себе у непријатну ситуацију приликом контроле.

Захваљујемо.

„Уважаемые пассажиры!

Покупая билет, вы способствуете качеству и безопасности транспорта, приобретаете право на страховое возмещение убытков в случае аварии.

Пользуясь безбилетным проездом, злоупотребляете средствами других пассажиров, ставите себя в неприятное положение во время проверки билетов.

Спасибо.”

Такой директив с развернутой мотивацией и экспрессивной формулой благодарности по своему иллокутивному напряжению весьма уступает описанной надписи с пиктографическим изображением на красном фоне *Купите карту код возача*, принятой в общественном транспорте. Составитель данной надписи, по-видимому, руководствовался не столько стратегией убеждения, сколько желанием расположить к себе, создать приятную коммуникативную атмосферу, а тем самым – привлечь пассажиров. Таким образом, наряду с директивной, в данном примере имплицитно действует иллокуция рекламирования услуг.

„Вежливость привлекает клиентов” – логический принцип коммуникативной стратегии, к сожалению, не считается ведущим представителями всех лингвокультур. Убедительным примером такого пренебрежения цивилизованными нормами общения являются надписи в русских частных маршрутных такси. Необходимо заметить, что эти

надписи однотипны, отпечатаны на одинаковых наклейках и, пользуются большим спросом у водителей, так как встречаются во многих частных „маршрутках” – незаменимом современном средстве общественного транспорта в городах современной России.

Составители надписей, в одинаковой мере увеселяющих и раздражающих пассажиров, по-видимому, руководствовались не определенной коммуникативной стратегией, а отсутствием таковой: *Место для удара головой* – имплицитная иллокуция предупреждения о возможном повреждении. Такие надписи экспрессивно негативно окрашены по сравнению с общепринятыми институциональными, мотивация предупреждения в них обычно выражена не имплицитно, а эксплицитно, а нормой обращения к адресату является 2-е лицо единственного числа: *Хочешь жить – не отвлекай водителя, Хочешь выйти – кричи*. В данном случае такое обращение к адресату, в отличие от ранее рассмотренных сербских примеров, свидетельствует о своеобразной попытке прибегнуть к „положительной невежливости”, если таковая вообще возможна с точки зрения коммуникативной стратегии.

Подобное обращение создает статусный эффект в коммуникации без реальной статусной пресуппозиции, т.е. автор присваивает себе статус вышестоящего в ситуации, в которой это просто неуместно, а в аспекте коммуникативной стратегии – нежелательно. В этом смысле надписи в русском частном общественном транспорте резко отличаются от сербских. Сравним некоторые из них: *Остановок ТУТА и ЗДЕСЯ на маршруте нет – Не можете изаћи изван станице; Водитель глухой – Не узнемиравај возача*, а уж сравнительно с иллокутивным напряжением надписи *Хлопнешь дверью – получишь монтировкой* сербская надпись *Не лупај вратима* может считаться просто детским лепетом. Желание оскорбить и унижить клиента, по-видимому, является наследием социалистического общества, в котором представители сферы обслуживания пользовались определенными выгодами своего служебного положения.

В прагматическом аспекте такие высказывания могут свидетельствовать о пародировании самого дискурса публичных надписей. Приведенные надписи построены на парадоксах, на нейтрализации и высмеивании прохибиторов и прескрипторов. Такое переосмысление публичных надписей можно сравнить с пародированием пословиц, содержащихся в их измененных формах и в комментариях к ним: *Не имей сто друзей, а имей сто рублей* вместо противоположного *Не имей сто рублей, а имей сто друзей*, *Ко рано рани – физички је радник* вместо *Ко рано рани – две среће граби* (русским эквивалентом может считаться *Кто рано встает – тому спать хочется* вместо *Кто рано встает – тому Бог дает*).

В случае публичных надписей можем рассматривать фольклор в русских маршрутных такси как отражение их прагматической несостоятельности, несоответствия роли поучающего и экзекутора, которую в общественном транспорте выполняет институциональный орган, с ролью водителя или частного владельца маршрутного такси. Наличие среди упомянутых

надписей измененных в прагматическом смысле пословиц подтверждает данное предположение: *Тише едешь – дальше будешь* (директивная иллокуция побуждения с эксплицитной мотивацией предупреждения „для того, того, чтобы не проехать остановку, обращайтесь к водителю громко”).

Таким образом, надписи в русском частном общественном транспорте противоречат коммуникативной стратегии надписей в сербских частных городских автобусах, но прагматическая установка в обоих случаях соответствует общей функциональной направленности дискурса.

Надписи в общественных заведениях очень разнообразны и по своей прагматической функции, и по содержанию. Лица обладающие реальной статусной ролью вышестоящего – руководители организаций и лица не обладающие таковой, но считающие своим правом устанавливать нормы поведения на своем рабочем месте, диктуют правила посетителям, пользователям услуг и членам рабочего коллектива. Роль экзекутора в данном случае создает впечатление статусного преимущества даже в том случае, когда оно в реальности отсутствует. Видимо, поэтому швейцары и вышибалы особенно ревностно выполняют свои обязанности.

Если раньше в России логично было ожидать присутствие вышибал в ресторанах и клубах, то теперь они появились даже в монастырях. В Святогорском монастыре у входа и на территории патрулируют казаки, весьма рьяно выполняющие свои обязанности. Их заданием, прежде всего, является недопускание в храм женщин без платков и в брюках – нарушители этой нормы расцениваются почти как преступники, к ним представители казачества обращаются весьма грубо, попирая все нормы христианской этики.

У входа в сербские монастыри охраны, как правило, нет. На двери храма висит надпись, пиктографически запрещающая входить в шортах мужчинам и женщинам. Если вспомнить, что такое же изображение вывешено у входа в здание суда и других учреждений, то данная норма может считаться общим правилом поведения, требующем уважения к институту.

Надписи в общественных заведениях России в основном категоричнее, часто содержат мотивацию угрозы в качестве пропозиции высказывания: *Посетители в верхней одежде не обслуживаются*. Сербские надписи с иллокуцией просьбы или требования, в отличие от русских, как правило, начинаются и заканчиваются экспрессивными формулами выражения просьбы и благодарности: *МОЛИМО ВАС, овде сачекајте слободну кабину*. Хвала „Просим подождать здесь, пока освободится свободная кабина. Спасибо”. Директивные надписи в сербском дискурсе содержат перформативный глагол *молим/молимо*, который одинаково часто употребляется в страдательном залоге *моле се* – в русском их заменяет отглагольное существительное *просьба*: *Молимо за тишину, Моле се сви запослени на Факултету..., Просьба соблюдать тишину, Просьба ко всем сотрудникам Института...* В сербских надписях-ассертивах часто

употребляется перформатив *обавештавам*, в русских – *информируем*, в обоих дискурсах чаще надписи без перформатива: *Кључ од просторије се налази у лаб.401; Бюро справок находится в 1-ом подъезде, комната А-107.*

В данной группе надписей обращает на себя разнообразие формул обращения. Так как адресат в данном случае классифицируется по типу услуг, получающих в определенном учреждении, обращение к нему отмечено соответствующим указанием на определенный функциональный статус: *уважаемые читатели, уважаемые родители, уважаемые покупатели, уважаемые пациенты, уважаемые пассажиры, уважаемые клиенты, уважаемые посетители* – *поштоване колеге, поштовани родители, поштовани потрошачи, поштовани пацијенти, поштовани путници, поштовани корисници, поштовани посетиоци* и даже *поштовани верници* „уважаемые верующие” (у русских в данном случае предусмотрено обращение *уважаемые посетители*).

Номинация адресата с указанием его функционального статуса присутствует и в типичных для сербского дискурса страдательных конструкциях: *Моле се корисници да употребљену амбалажу бацају у корпе* (в русском варианте *Использованные бумажные стаканы бросать в ящик* – без перформатива просьбы и номинации адресата). Отсутствие номинации адресата в сербском дискурсе указывает на неопределенность его функционального статуса, например обращение к потенциальным грабителям с целью предупреждения о надзоре за зданием: *Стоп! Овај објекат је под физичко-техничким обезбеђењем.*

Спецификой сербской этнокультуры может считаться особое пристрастие местного населения к ресторанам и кафе. Если русские идут в ресторан, чтобы повеселиться, сербская „кафана” – ресторанчик, в котором отводят душу с закадычными друзьями, ведут деловые разговоры и переговоры, обсуждают политические события и, конечно же, веселятся. Считается, что у каждого серба должна быть своя „кафана”, в которой он проводит большую часть своего свободного (а иногда и рабочего) времени. Поэтому надписи в сербских ресторанчиках отличаются особым колоритом, указывающим на некоторую специфику культуры:

Овде је своје дане потрошио глумац Милорад Гавриловић (1861-1931), редитељ и управник Народног позоришта „Здесь свою жизнь протранжирил артист Милорад Гаврилович, режиссер и директор Национального театра”;

Свака намерно разбијена чаша се плаћа педесет динара «За каждый специально разбитый стакан взимается по 50 динар» - имеется в виду сербский обычай разбивать посуду в знак особо радостного расположения, известный и у других балканских народов, например у греков;

Забрањено типати уметницу рукама «Запрещается щупать артистку руками» - речь идет о певицах в ресторанчиках, пользующихся особой популярностью у сербских мужчин.

Иногда надписи указывают на безкультурье посетителей:

Не шутирајте аутомате «Не пинать автоматы»,

Моле се цењени гости да не чисте ципеле завесама «Просьба к посетителям не чистить туфли шторами»,

Молимо вас да не бришете носеве столњацима! Зашта вам служе рукави!? «Просьба не вытирать нос скатертью. Для чего предназначены ваши рукава!?»

Случается, что публичные надписи, не вызывающие удивление у местного населения, противоречат здравому смыслу. Почему, например, на автомате с напитками вывешена надпись *Аутомат за топле напитке ради!* «Автомат работает!» Логично бы было ожидать подобное уведомление в противоположном случае - если бы он не работал. В оппозиции «исправный-неисправный» второй член перестал быть маркированным, что имплицитно указывает на обратное состояние дел в реальности - к сожалению, автоматы предназначенные для общественного пользования часто не работают.

Указатели на улице отличаются лаконичностью, логично проистекающей из предпосылки, что на улице адресату некогда задерживаться для ознакомления с содержанием сообщения. С целью усиления иллюкутивной функции надписи на улице почти всегда сопровождаются пиктографическими или идеографическими изображениями. Надписи поданы на фоне определенного цвета. Логика использования цветовой гаммы соответствует распределению иллюкуции, описанному в связи с надписями в сербском общественном транспорте: категоричная директивность запрета – на красном фоне, менее категоричная иллюкутивность предупреждения – на желтом, ассертивы – на синем или белом фоне.

Изображения на дорожных указателях у русских и сербов в основном совпадают. Их интенциональный характер проистекает из прагматической установки на всех адресатов, владеющих и не владеющих языком местного населения. В Сербии под дорожными знаками часто находятся надписи, дополнительно мотивирующие адресата: под знаком *STOP!* *Радови на путу* „Ремонт дороги”, под знаком с перечеркнутой трубкой „Не сигнализировать” – *Молимо за тишину. Деца се рађају* „Просьба соблюдать тишину. Дети рождаются” (знак расположен вблизи роддома), знак „Осторожно, дети!” сопровождается надписью, с номинацией адресата *Децо! Пређите опрезно* «Дети! Переходите внимательно» и т.д.

Большим разнообразием, по сравнению с русским дискурсом, отличается оформление надписей, предупреждающих о наличии собаки. Русской надписи *Во дворе злая собака* соответствуют сербские *Опасан нас!* „Опасная собака”; *Чувај се пса!* „Берегись собаки!”; *Пас уједа!* „Собака кусается!”; *Овде ја чувам!* „Здесь я сторожу!” рядом с изображением собаки и *Уједам!* „Кусаюсь!” под соответствующим изображением. Усиленная мотивация в форме экспликации прямой угрозы указывает в данном случае не столько на иллюкуцию предупреждения, сколько на желание отпугнуть потенциальных грабителей.

Гибридной иллокуцией ‘информация + реклама’ отличаются знаки, указывающие на объекты, предоставляющие определенный вид услуг и имеющие целью не только уведомить адресата о местонахождении объекта, но и привлечь его. Такие надписи особенно тщательно осмысливаются в семиотическом плане. У сербов их оформление дополнительно маркируется с точки зрения выбора определенного типа графики – кириллицы или латиницы. Как известно, обе графические системы одинаково допустимы в официальных употреблении в Сербии. В последнее время намечается тенденция к преобладанию латиницы, что вызвало определенную реакцию в кругах патриотически настроенных граждан, считающих кириллическую графику исконно сербской.

В этом плане надписи на улице отражают прагматическую установку их составителей: надписи на государственных учреждениях написаны кириллицей, что свидетельствует об определенной государственной политике в отношении выбора письма: *Школа, Библиотека града Београда, Етнографски музеј у Београду*; для надписей на объектах, предназначенных для молодежи или с ориентацией на „современных” потребителей используют латиницу *Diskoteka «Babilon»; Video klub «Žabac»; Kozmetički salon «Kairos»*; а вот надписи, отражающие обращенность к традиции, национально сознательный подход к данному вопросу, написаны кириллицей: *Манастир „Свети Стефан”, «Три шешира», Ресторан «Књаз», Коло српских сестара „Милица Српкиња», Канцеларија дежурног свештеника*; с данной точки зрения логично, что вывески на мастерских с традиционными ремеслами также написаны кириллицей: *Обућар «Сапожник»; Кројач «Портной»; Каменорезац «Резчик по камню»* и т.д.

Иногда вывески сопровождаются сообщениями с эксплицитно выраженной иллокутивной функцией приглашения, рекомендации и прочих актов, типичных для рекламного дискурса, некоторые из них свидетельствуют об определенной этнокультурной специфике: *Palačinkarnica «Ljubičica» (odmah iza ugla!) Dođite!* „Кондитерская „Фиалка” (сразу за углом!) Заходите!” – упомянутое пристрастие к кафе и ресторанам отражается в желании иметь подобное заведение в своем непосредственном окружении; *Овде можете поручити ЈАГЊЕТИНУ за Ускрс* „Здесь вы можете заказать баранину для Пасхи» - надпись под вывеской мясного магазина.

Особым видом уличных указателей как в русском, так и в сербском дискурсах являются вывески на иностранном (чаще всего английском) языке: *Second hand, ICE SERVIS; O.K. DOG; Fast food; Mondo de gambe* и пр. Нельзя не заметить, как в последнее время в России ларек превратился в «Шоп», а любой, даже самый невзрачный, магазинчик в „Маркет”. В Сербии - то же самое, только здесь предпочитают французское заимствование „Бутик”.

Рассматривая вопрос импорта концептов из других культур В.Карасик выделяет среди них: а) нулевые концепты (*фейсом об тейбл*) –

варваризмы, используемые в речи вместо русских слов без смысловой дифференциации; б) квази-концепты, обозначающие реалии, заимствуемые из других культур (*сканер, принтер*); в) «паразитарные концепты» - сходные с нулевыми, но с претензией на дополнительный смысл; г) чужие концепты в полном смысле слова, фиксирующие ценности другой культуры (*спонсор, менеджер, дилер*) (Карасик 2004, с. 213-214).

В соответствии с данной типологией упомянутые публичные надписи на иностранном языке, по-видимому, отражают присутствие в культуре «паразитарных концептов». «Бутик обуви» конечно же можно назвать обувным магазином, но при этом теряется подтекст, что товар в данном магазине имеет нечто особенное, отличающее его от обычной обуви. Иногда подобная интенция становится предметом пародирования в том же дискурсе надписи – примером может послужить кирилличная надпись на бутербродном киоске в Сербии: *Тхе бест клопа ин товн «Топли сендвич»*. Кирилличная транслитерация английской рекламы и жаргонное *клопа* «жратва» указывают на иронический подход к одному из таких «паразитарных концептов».

Выводы

Дискурс публичных надписей представляет собой набор текстов с функциональной установкой на необходимость постоянного самоконтроля со стороны адресата в ситуациях, учитывающих применение установленных сообществом норм поведения, а также на восполнение информационного пробела в знании адресата. Типология надписей внутри данного дискурса основана на трех ведущих параметрах:

- когнитивном;
- прагматическом;
- ситуативном.

В когнитивном аспекте все надписи могут рассматриваться как прохибиторы, прескрипторы и информаторы. Опираясь на нормы, которые, в свою очередь, устроены прототипически и стереотипически, надписи отражают стереотипическое устройство правил поведения. Они рассчитаны на полуавтоматическую рецепцию, основанную на выработанном в процессе воспитания и социализации личности соответствующем функциональном рефлексе.

С точки зрения прагматики в данном дискурсе выделяются: категорические директивы (запреты и требования), некатегорические директивы (предупреждения и инструкции), ассертивы, пермиссивы и экспрессивы. Мерой категоричности в прагматическом плане можем считать иллокутивное напряжение высказывания. Под иллокутивным напряжением подразумеваем степень интенсивности развития иллокутивной функции между участниками коммуникативной ситуации. Кроме эксплицитного показателя иллокутивного напряжения, существует имплицитный, состоящий в способе иллокутивного воздействия на

адресата в форме соответствующей мотивации – угрозы, предупреждения, обещания просьбы и т.д.

Эксплицитный показатель иллокутивного напряжения отражает степень категоричности адресанта, имплицитный – его заинтересованность в соответствующей реакции адресата.

Отличительной чертой сербских публичных надписей является установка на адресата, формально выраженная повелительным наклонением, номинацией адресата и экспрессивными формулами вежливости. Популярность инфинитивных конструкций в директивных надписях в русском дискурсе указывает на нивелирование фактора адресата, размывает апеллятивную функцию высказывания. Категоричной директивной иллокуцией русского инфинитива в сербском языке соответствует глагольная форма 2-го лица единственного числа повелительного наклонения.

В зависимости от места, в котором установлены, все надписи можно разделить на три группы: а) прохибиторы, прескрипторы и информаторы в средствах общественного транспорта; б) надписи в институциональных учреждениях и общественных заведениях; в) указатели на улице (включая дорожные знаки). Между надписями в соответствующих группах русского и сербского дискурсов существуют различия, проистекающие из этнокультурных особенностей обоих народов. Помимо этого публичные надписи отражают специфические обстоятельства времени, в котором они возникают и функционируют.

Рассмотрение надписей в указанных аспектах позволяет охарактеризовать свободу языкового знака и установить типы сообщений, характеризующиеся стандартностью, основанной на идентичности преследуемой иллокутивной функции, и нестандартностью, креативностью, с другой стороны. Индивидуальная креативность в противовес институциональной стандартности публичных надписей часто отличается тенденцией к пародированию самого дискурса.

Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. - Ростов-на-Дону, 1993.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М., 1999.

Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры. - Саратов, 2000.

Карасик В.И. Языковой круг. Личность, концепты, дискурс. – М., 2004.

Милановић М. Реализација говорних чинова у јавним натписима у српском језику, Славистика, IX, 2005.

Поповић Љ. Епистоларни дискурс украјинског и српског језика. - Београд, 2002.

Пипер П., Антонић И., Ружић В., Танасић С., Поповић Љ., Тошовић Б. Синтакса савременог српског језика. Проста реченица. - Београд, 2005. - с. 983-1057.

Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. - М., 1996.

Серль Дж. Р. Классификация речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.17, М., 1986. – с. 170-194.

Стернин И.А. Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования // Коммуникативное поведение русских и финнов. Вып.1. - Воронеж, 2000. - с.4-19

Brown P., Levinson S. Universals in Language Usage: Politeness Phenomena // Questions and Politeness: Strategies in Social Interaction. - Cambridge, 1978. - pp. 56-289.

И.А.Стернин
Воронеж

Национальные представления поляков о русском и польском коммуникативном поведении

Представляет большой интерес для межкультурной коммуникации исследование восприятия представителями разных национальных культур коммуникативного поведения друг друга.

С этой целью в мае 2004 г. в Варшавском университете нами был проведен направленный ассоциативный эксперимент для выявления национальных представлений польских студентов-русистов о русском и польском коммуникативном поведении. Ставилась задача выявить типовые, стереотипные представления польской молодежи об основных особенностях собственного коммуникативного поведения и коммуникативного поведения русских.

Эксперимент проводился со студентами 3-4 курсов Варшавского университета, изучающих русский язык. Общая численность принявших участие в эксперименте – 60 человек.

Испытуемым были розданы анкеты, в которых предлагалось ответить на следующие вопросы: **РУССКИЙ В ОБЩЕНИИ КАКОЙ? ПОЛЯК В ОБЩЕНИИ КАКОЙ?**

Предлагалось письменно ответить на предложенные ответы. Задание предъявлялись студентам на русском языке, а отвечать можно было как на русском, так и на польском языках (по выбору испытуемых). Ответы на польском языке в процессе обработки полученных ответов были переведены на русский.

Анкеты были заполнены преимущественно на польском языке, некоторая часть по-русски, двое испытуемых ответили на вопросы анкеты по-английски.

В обработке результатов эксперимента участвовали В.Ф.Аскоченская и М.С. Саломатина, которым авторы выражают глубокую признательность.

Результаты исследования

Русский в общении какой?

Открытый 13, общительный 9, милый 7, разговорчивый 7, приятный 6, доброжелательный, вежливый 5, спонтанный 4, непосредственный, контактный, откровенный, свободный 3, симпатичный, веселый, коммуникабельный, коммуникативный, искренний 2, быстро говорит, быстрый, воспитанный, всегда готов помочь, готов сочувствовать, громкий, громко говорит, заинтересован собеседником, замкнут в себе, красивый, культурный, любопытный, мелодический, много говорит, много говорящий, много жестикулирует, многословный, не стесняющийся, не умеет слушать, недоверчивый, опасный, осторожен, охотно завязывает новые знакомства, очень богатый, очень милый, очень общительный, пристаёт без повода, резкий, родной, сердечный, смелый, смотрящий прямо в глаза, теплый, убедительный, улыбается, улыбающийся, шумный, шутливый, эмоциональный 1.

Поляк в общении какой?

Вежливый – 13, открытый – 9, спонтанный, приятный, искренний – 5, откровенный, милый – 4. быстро навязывает контакт, общительный, свободный – 3, вульгарный, дружеский, застенчивый, культурный, легковёрный, доверчивый, открытый, помогает, эмоциональный, непосредственный – 2, не очень спонтанный, иногда грубоватый, приветливый, коммуникативный, внимательный, веселый, серьезный, говорит громко, доброжелательный, симпатичный, осторожный, несет помощь, очень милый, улыбается, разговорчивый, застенчивый, жизнерадостный, симпатичный, несмелый, недоверчивый, громкий, хочет помочь, культурный, можно его понять, снисходительный, коммуникабельный, шумный, доступный, часто искренний, консервативный, сдержанный, предупредительный, соблюдающий нормы, общественный, жизнерадостный, прямой, замкнутый 1.

Обсуждение результатов исследования

Результаты эксперимента могут быть представлены в следующей таблице (приводятся только неединичные реакции):

Признак коммуникативного поведения (по алфавиту)	Яркость признака (% выделивших признак испытуемых)	
	Русские	Поляки
1) <i>быстро навязывает контакт</i>	-	5

2) вежливый	8	22
3) веселый	3	-
4) вульгарный	-	3
5) доброжелательный	8	-
6) доверчивый	-	3
7) дружеский	-	3
8) застенчивый	-	3
9) искренний	3	5
10) коммуникабельный	3	-
11) коммуникативный	3	-
12) контактный	5	-
13) культурный	-	3
14) легковерный	-	3
15) милый	12	7
16) непосредственный	5	-
17) непосредственный	-	3
18) общительный	15	5
19) откровенный	5	7
20) открытый	22	15
21) помогает	-	3
22) приятный	10	5
23) разговорчивый	12	-
24) свободный	5	-
25) свободный.	5	5
26) симпатичный	3	-
27) спонтанный	7	5
28) эмоциональный	-	3

Как показывают результаты, 9 из 28, то есть примерно треть коммуникативных признаков, выделенных испытуемыми для коммуникативного поведения русских и поляков, совпадает, что свидетельствует о достаточной близости двух исследуемых коммуникативных культур.

Совпадают следующие признаки: *вежливый, искренний, милый, общительный, откровенный, открытый, приятный, свободный, спонтанный*.

При этом заметны различия в яркости отдельных сопадающих коммуникативных признаков: так, по яркости признаков русские выглядят намного *разговорчивее* поляков (у поляков этот признак совсем не отмечен, а у русских он имеет показатель 12%), русские более *открытые, общительные, милые и приятные* в общении, поляки же гораздо более *вежливые* (в три раза), несколько более искренние и откровенные.

Выявляются и признаки, характерные только для одной из коммуникативных культур. Так, только у русских выделены такие коммуникативные признаки как *веселый, доброжелательный, коммуникабельный, коммуникативный, контактный, непосредственный, разговорчивый, свободный, симпатичный*. Только у поляков выделены

признаки *быстро навязывает контакт, вульгарный, доверчивый, дружеский, застенчивый, культурный, легковёрный, непосредственный, помогает, эмоциональный.*

Обращает на себя внимание высокая самокритичность польских испытуемых и преимущественно позитивное восприятие ими в общении русского человека.

В. А. Федоров
Воронеж

Некоторые особенности польского менталитета и коммуникативного поведения (из опыта повседневного общения)

Данная статья предлагает читателю наблюдения и размышления над повседневной жизнью поляков, результат личных наблюдений автора.

Католическая вера является одним из монументальных столпов польской повседневной жизни. Она глубоко укоренилась в сознании каждого поляка; осознанно или неосознанно, но поляки тянутся к религии. В свое время избрание папой римским кардинала краковского Карола Войтылы (Karol Wojtyła) значительно способствовало усилению католицизма в Польше. Поляки охотно посещают свои католические храмы – костелы, где уединяются от проблем повседневной жизни в молитве и беседе с ксендзом.

История становления польского государства (Rzecz Pospolita) была далеко не простой, она постоянно испытывала давление со стороны окружающих государств. Это оказало влияние и на польское мышление и поведение. Эта также и одна из причин столь трепетного отношения к вере, она позволяла полякам объединяться и выживать, начиная с периода распространения христианства среди славян в 9-10-ом веках. Сложно понять, насколько сильна эта вера, в действительности, так как поляки редко ведут разговоры по вопросам веры, не выставляют свои религиозные убеждения напоказ перед другими, особенно иностранцами. В любом случае, вас обязательно пригласят сходить в костел, где, по сравнению с православными храмами, довольно комфортно: стоят скамейки, на экране высвечиваются слова молитвы, лежат религиозные тексты.

Желательно принять такое приглашение из уважения к сложившимся традициям. Вас никто не заставит в храме молиться или бить поклоны. Вы можете спокойно посидеть и понаблюдать за обрядом, что довольно интересно. Разного рода мессы (церковные службы) очень популярны. На праздники в храм попасть невозможно, если не придти заранее, много людей остается на улице перед храмом и слушают службу по громкоговорителю, установленному вне помещения перед храмом.

Почти все, в том числе и молодежь, носят крестики.

Католические храмы в Польше постоянно открыты для посещения верующими не только для служб, но можно приходить и просто так, помолиться самостоятельно. Иногда в костеле можно увидеть группы молодых людей с гитарами, которые собираются там для исполнения религиозных песен. Любой желающий может придти и послушать.

К религиозным праздникам уважительное отношение. Однако, следует знать, что посылать открытки с поздравлениями принято только на праздники рождества Христова (Wielkanoc) и Пасхи (Boże Narodzenie). Посылать поздравления на другие религиозные праздники не принято и будет воспринято с удивлением.

Запад или Восток?

Сильнейшая эмиграция поляков из своей страны способствовала появлению землячеств по всему миру. Молодежь охотно едет на заработки в страны Европы – Францию, Англию, Германию. Почти все побывали в западных странах, кто - работая, кто на учебе, кто на отдыхе. Однако, несмотря на влияние Европы и США, поляки сохраняют свои национальные особенности, уважительно относятся к своей культуре и языку. Несомненный фактор, влияющий на отношение к вам поляков – это ваше знание или, по крайней мере, стремление общаться на их родном языке. Вы, несомненно, почувствуете разницу в отношении к Вам, пытаясь общаться и спрашивать что-либо по-русски и делая то же самое по-польски. Причем, неважно, насколько Вы знаете язык; Ваше желание говорить по-польски рассматривается как знак уважения к польской нации.

Современная молодежь все меньше изучает русский язык. Все увлекаются английским и французским языками, что, естественно, связано также с возможностью поехать в эти страны заработать деньги и с интеграцией в Европейское Сообщество. Вполне возможно, что если вы обращаетесь к кому-нибудь на улице по-русски, Вам на неплохом русском ответят, что не владеют русским языком. Среди некоторой категории поляков Россия рассматривается как страна-оккупант, поэтому сохраняется некоторая неприязнь с их стороны.

В период социализма, особенно в 80-х годах большое количество поляков приезжало в СССР в качестве туристов. Но этот туризм носил явно коммерческий характер. Поляки привозили дефицитные товары, которых не было в продаже или было мало в СССР. Из-за этого в то время сложилось мнение о поляках как о «торгашах». Действительно, цель такой поездки для любого поляка – это было окупить стоимость туристической путевки и получить прибыль, реализуя дефицитный товар, что осуждалось в бывшем Советском Союзе и называлось спекуляций. Этот негативный момент по-прежнему не в пользу поляков. Только бывая в Польше, начинаешь понимать, что поляки за рубежом и у себя в стране чем-то отличаются. Их поведение у себя дома близко поведению славянских народов (гостеприимство, дружелюбие, душевность), что значительно меняет Ваше мнение о поляках, если Вы имеете опыт общения с ними только за рубежом. Хотя, несомненно, поляки обладают качествами,

позволяющими им хорошо ориентироваться в области коммерции. Можно сказать, что польская народность очень многое впитала с Западной Европы и США, но сохранила свои славянские корни и является «буфером» между Русским Востоком и Западом, что и подтверждается в настоящее время отношениями Польши с другими странами.

Встреча, прощание

При встрече поляки не проявляют особой доброжелательности и стремления к общению. Не принято улыбаться незнакомым людям, заговаривать с кем-либо без особых на то причин. Налаживание контакта требует определенного времени. Поляки легко сходятся, если у них есть к Вам какой-либо интерес: деловой, коммерческий и т.п. Тогда они сами выходят на контакт, используя для этого все возможности, находящиеся в их распоряжении. Робкими тогда их не назовешь.

Не рекомендуется хлопать по плечу, обнимать и вести себя фамильярно с кем бы то ни было. Это возможно с хорошо знакомыми людьми, друзьями; такое проявление чувств не свойственно полякам. Принято приветствовать друг друга классическим (*Dzień dobry* - Здравствуйте, пан (пани); (*Do widzenia* - До свидания, пан (пани).

Молодые люди постоянно употребляют (*Cześć* - привет, пока), как при встрече, так и прощании, хотя при прощании можно часто услышать итальянское *Ciao* - пока, привет.

Обязательно употребление форм *пан, пани*. Пан – к лицам мужского пола, в том числе и детям. Пани – к лицам женского пола, также независимо от возраста.

Рукопожатие довольно распространено среди мужчин, иногда здороваются за руки и женщины с мужчинами. Возможно поцеловать женщине руку, что считается старомодным, но очень галантным. Не следует злоупотреблять рукопожатием, лучше здороваться за руку с хорошо знакомыми людьми.

Слова *Pan (Pani)* являются выработанными годами ограничителями, создающими дистанцию даже между друзьями. В этом плане поляки сближаются с европейцами (ср. французское *Monsieur (Madame)*; английское *Mister/Mrs/Miss*). Хотя все же польское *пан, пани* менее «дистанцируют» людей между собой, чем их западные эквиваленты. В остальном, слова приветствия и прощания употребляются также часто, как и в русском. Допустимо умеренное употребление жестов (например, кивок головой), можно слегка слегка приобнять, возможен поцелуй. Но лучше проявлять сдержанность в общении - вы сами почувствуете, когда можно расслабиться и допустить некоторые вольности.

В гостях

Поляки любят проводить время с хорошими друзьями, уделять им внимание. Однако не следует самому «вламываться» в гости, заходить к знакомым и друзьям домой, а следует дожидаться приглашения в гости.

Отправляясь в гости, не забудьте купить подарок. Допускается дарить самые разнообразные вещи: напитки, конфеты, торты, цветы и т.п. Если вы не хотите почувствовать себя не по себе в гостях, определитесь с подарком.

Получив приглашение в гости, будьте уверены, что вам придется много пить и есть. Прием перед едой крепких напитков, как на Западе (аперитивы, виски, джин) не является обязательным. Хотя это модно и довольно распространено. На столе присутствуют самые разнообразные блюда, насколько хозяйке хватит времени, желания, фантазии их приготовить. Из напитков, водка на столе будет обязательно. Пиво есть, но оно не так популярно, как, например, в Германии, Чехии, Словакии.

Шампанское, коньяк, вина пьют обычно по праздникам или в честь какого-либо торжественного события или мероприятия.

Часто присутствуют мясные блюда. Чай потребляется чаще, чем кофе. Иногда пьют различные настои из трав (в пакетиках).

За столом принято много пить, есть и разговаривать. Кто курит, можно курить. Интересно, что среди польских женщин курение очень распространено. Создается впечатление, что мужчины курят меньше, они больше склонны выпить. «Коэффициент теплоты общения» увеличивается с количеством выпитого и съеденного. Поляки, особенно женщины, любят пооткровенничать на самые разные темы. Лучше избегать обсуждать политику, религию, вопросы польской истории, что болезненно воспринимается поляками. Лучше всего беседовать на бытовые темы: «Где, что, почему?»

Обед может затянуться надолго, так как водка потребляется в значительных количествах, но «стаканами» пить не принято. Пьют небольшими дозами, но много. Вам могут предложить отведать польской самодельной водки – самогона (bimber).

На протяжении всей своей истории поляки изготавливали самогон и продолжают это делать и сейчас. Как правило, качество самогона не очень высокое, но стоит он дешевле, чем водка. В сельской местности самогон потребляют чаще.

Следует отметить, что увлечение поляков крепкими напитками, в частности, водкой, не создает неудобств для окружающих. Лишь в редких случаях услышишь грубые слова и выражения, тем более драк и каких-либо разборок почти не происходит.

В конце обеда вам предложат чай или кофе, иногда мороженое.

После окончания обеда, скорее всего вас проводят домой или же вызовут такси.

Стражи порядка (полицейские) попадаются редко и не мешают гражданам проводить свободное время, если это не упирается в какие-либо эксцессы, где их вмешательство вполне уместно. Не принято сквернословить, употреблять мат, особенно, в присутствии женщин. Несмотря на обилие в польском языке нецензурных слов и выражений, его

можно услышать только в среде определенной категории граждан. Интеллигентные поляки мат не употребляют.

Свободное время

Поляки редко ходят в ресторан, что считается дорогим удовольствием, у молодежи очень популярны всякого рода вечеринки на дому. Довольно часто молодые люди посещают кафе, кафетерии, различные появившиеся в последнее время клубы. Отправляясь на Запад зарабатывать деньги, молодежь возвращается назад и, естественно, испытывает потребность потратить заработанное не только на материальные вещи. Полякам нравится танцевать, петь; любят как современную, так и классическую музыку.

Одно из любимых времяпрепровождений – на природе. Обычно сбрасываются «вскладчину», покупают еду и напитки и отправляются на целый день на природу или на субботу, воскресенье (уик-энд-конец недели) в лагерь отдыха.

У кого позволяют средства, покупают путевки в дома отдыха. Очень популярен отдых в горах – Карпатах. Города Крыница (на юге), Сопот (на севере) – международные центры отдыха, куда приезжает много иностранцев. Большой популярностью пользуется отдых за рубежом, где иногда можно отдохнуть дешевле и комфортнее, чем в Польше: Греция, Кипр, Турция.

Более пожилое поколение проводит свободное время на дачах. Дача в Польше – это не огород, это место отдыха, а не работы; родственники любят посещать друг друга. Многие собираются на праздники вместе, рождество считается семейным праздником. Новый год принято отмечать не только дома, но в ресторанах и других общественных местах.

В транспорте, общественных местах

Характерно, что в общественных местах, очереди (если такая возникает) поляки ведут себя по-разному. Строго соблюдается порядок очередности. Иногда можно наблюдать, как кто-то подходит к знакомому в очереди и остается. Однако, в данном случае, может возникнуть конфликтная ситуация, если это не понравится кому-то в очереди – вплоть до скандала. Такая ситуация считается приемлемой, но не желательной.

Поведение поляков в общественных местах прагматично, даже эгоистично.

Поляки не хотят быть ущемленными по линии личного комфорта.

В транспорте не принято громко разговаривать, жестикулировать. Наиболее шумно ведет себя молодежь. Чтобы пройти или выйти из автобуса, достаточно сказать – *Przepraszam, pan (pani)- извините, разрешите*. Курить в общественном транспорте запрещено. В поездах имеются вагоны для курящих и некурящих. В такси можно курить с разрешения водителя.

Заканчивая этот небольшой обзор впечатлений польской повседневной действительности, хочется отметить, что, несмотря на сильное влияние католицизма, западного влияния, американской культуры, Польша

сохранила глубокие славянские корни и как следствие, много общего с Россией. По крайней мере, когда вы общаетесь с французами, немцами или другими европейцами и поляками, Вы чувствуете, что поляки ближе Вам по духу, по состоянию души.

В.К. Харченко
Белгород

Спонтанная русская коммуникация: в поисках языкового позитива

Термин «языковой позитив» традиционно понимается в аспекте так называемых мелиоративно окрашенных слов (*солнышко, воспеть, колыбель* и т.п.). Вместе с тем существуют не только готовые блоки позитива, но также и другой уровень возможного его изучения. Это целые ситуации, формы и темы общения, стимулирующие наиболее достойное речевое поведение и становящиеся участками отслеживания языкового позитива: рассказы об истории семьи, внутрисемейное общение, частная переписка, любительское стихотворчество, общение с животными.

На таких участках проще отыскивается положительная экспрессия метафор, гипербол, оценок, интонации. Парадокс проблемы – в соединении «репликовых» и текстовых материалов. Письмо, сочинение об истории семьи, любительское стихотворение – тексты, тогда как «спонтанная коммуникация» – это по преимуществу некоторая совокупность зафиксированных реплик. И по текстам, и по репликам дефицит материала для исследования ощущается весьма и весьма остро.

Казалось бы, вооружись диктофоном и записывай «спонтанную коммуникацию» в первородном ее состоянии, так же, как получи разрешение исследовать чью-либо переписку, или тетрадку с неопубликованными стихами. При таком комплексном подходе потенциальный исследователь рискует оказаться заваленным материалом в лучшем случае нейтрального характера, но чаще далеко не нейтрального, негативного, отрицательного.

Мы применяем иной подход, методику, разработанную для собственных писательских нужд современным прозаиком Н.В. Горлановой. Суть методики – фиксировать практически сразу все сколько-нибудь достойное последующей проработки. Точность фиксации наиболее уязвимая деталь в работе, ее отлетающий ангел. Малейшая задержка записи чревата подключением, вторжением языковой памяти исследователя. Языковая личность фиксирующего по старому следу памяти незаметно начинает, чем дальше, тем больше переструктурировать услышанное: «человек полон слов» (М.М. Бахтин). Таким образом, суть методики отслеживания

языкового позитива сводится к двум условиям: максимальная точность, а значит свежесть записи и поисковый отбор наиболее выразительного материала. Как художественные тексты мы представляем и исследуем по образцам, в таком же сборе, фиксации образцов еще острее нуждается спонтанная коммуникация.

Какие предварительные выводы можно сделать на основе уже собранного материала современной устной разговорной коммуникации? Большую часть выводов мы будем аргументировать сразу же соответствующим «знаковым» материалом из картотеки собранных реплик (запись услышанного на улице, телефонных реплик, обсуждения проблем на совещании, частных бесед и пр.).

Языкового позитива в спонтанной коммуникации оказалось больше ожидаемого. Интересные гиперболы, неожиданные метафоры, широкое использование потенциального глаголообразования – все это работает на игровую стихию речи, создающую эффект театрализации и релаксации:

а) Главная наша переработка должна заключаться в переработке нашего творческого сознания. Студент идет мой по улице. С животиком уже, с ребенком. И говорит: какое Вам спасибо за ту лекцию и примеры деловых игр. У меня малое предприятие, и я это все использую. Это лично для меня, как критерий моей оценки, – космос! Выше я не могу сделать.

*б) Но материал по психологии я все же **присобрала**.*

*в) Профессор в столовой пансионата: То, что на завтрак мы ели, мы давно **выкупали, расплавали...***

Если не учитывать реплики незнакомых людей, то среди регулярно наблюдаемых испытуемых выделяются лица особо талантливые, продвинутые в языковом отношении.

Гарольд Блум писал о strong poets – сильных поэтах, создающих словарь, и всех остальных, пользующихся устоявшимся, традиционным словарем. Эта классификация хорошо ложится на «рядовых носителей» языка, среди которых встречаются далеко не рядовые, точнее не столько носители, сколько «создатели», творцы языка, поддерживающие языковой потенциал личным примером собственного языкотворчества. Приведем реплики, принадлежащие одному человеку:

*а) По телефону: **Пока делаешь – звезда какая-то светит**: знаешь, ради чего!*

*б) [О Майе Плисецкой] Это не человек, а природа! Причем **природа в самом лучшем своем варианте!***

*в) У [Евгения] Носова есть дивные диалектизмы! Я люблю эти **красные ниточки** в произведениях.*

г) Я не жалею! Не деньги нас зарабатывают, а мы их зарабатываем <..> Деньги тишину любят;

*д) У нас, что ни год, ни день – **социальные ураганы!***

*е) Ну, не приняла – и не приняла. Я ушла, **целую двери!***

*ж) С 4-го сентября и по декабрь – хлопок, безвыездно! В баню возили раз в месяц, поэтому «баня» для меня, что называется, **«концепт»!***

*з) Сегодня Успенье, работать нельзя. – Да, с возрастом **трепетно относишься** к этому. Это настолько **обточено временем**, какие-то изменения происходят в природе и в организме...*

и) О соседе: Он все время машины меняет. Купит, поедит, что-то не понравится – и на рынок. И всегда с **прикупом** продаст!

Спонтанная коммуникация открывает солидный фонд смыслов и форм, которые могут быть «рекомендованы к расширенному внедрению», лексикографически отмечены, то есть схвачены словарями, и которые могут повлиять в ситуациях снижения престижа русского языка на само представление о русском языке, оптимизируя такое представление на уровне «коллективного бессознательного»:

а) Водитель видит следы недавнего ДТП: О! Опять **красные стеклышки!**

б) Женщина-реализатор на рынке подруге, помогающей открыть модуль: Нет-нет, так не надо! Он хорошо! Только притронешься к нему – он сразу шел! Он **заболел!**

в) В троллейбусе о денежной компенсации: Там надо 140 рублей платить, а я ж нигде не езжу! Я ж их не **выезжу!** А люди берут, каждый день на дачу ездят, там куры у них.

г) Мы сидим **молчишкой**, а как взглянешь...

д) Пожилой мужчина на рынке: Петрушка, сельдерей, базилик, **ассорти**. Петрушка, сельдерей...

е) Продавец покупателю: Мелочи два пятьдесят **ищем?**

ж) Только закопали – и дождик начался. Говорят, **дорожку обмывает**. Значит, хороший человек умер.

з) Женщина-профессор поднимает тост в честь организатора конференции: Спасибо! Огромное **низкопоклонное** спасибо Вам!

и) Молодой профессор: Это голословно! Я этим так и не занялся. Это... это **брошенные удочки!**

Точные записи повседневных реплик заставляют по-новому взглянуть на проблему лакуарности, поскольку говорящие широко используют языковую «компенсаторику», например при восполнении дефицита обращений, языкового оформления повторных встреч и пр.:

а) Отец с сыном лет девяти идут с хоккейной тренировки, отец торопится успеть на зеленый свет: Ваньк, пойдём! Пойдем-пойдем-пойдем-пойдем, **зая!**

б) Здравствуйте, Михаил Владимирович! – Здравствуйте, Вера Константиновна! Нам с Вами сегодня **на встречи везет!**

в) Бабушка аспирантки по телефону научному руководителю: Ничего-ничего, **дочура**, звони!

г) Преподавательница спускается утром с верхней полке, здоровается с подругой: **«Доброе утро, страна!»**.

д) Разговор двух встретившихся на конференции женщин-профессоров: Я же у Вас училась. Красивые Вы были! А щеголиха! – **Была, есть и пребуду!**

Изучение спонтанной коммуникации дает возможность подойти к проблеме социализирующих свойств языка, национально значимых приоритетов поддержки личности через обогащение активного ее словаря:

а) Пожилая женщина демонстрантам: Спелайте песни! Ну что ж вы **идете, как ограбленные люди!**

б) В семь утра на рынке диалог женщин реализаторов: Ты была? – Нет, не была. Только о работе и думаю. – **Вышла замуж за базар!**

в) Попутчица слишком быстро вернулась в душный вагон, хотя поезду стоять еще долго. Мужчина-преподаватель: **Город не утомил?**

г) Во время похорон диалог пожилых женщин: Я пойду проведу! – Не ходи! Не надо ходить! Они – здесь! **Все покойники сейчас здесь...**

д) *Разговор двух женщин в автобусе: - Начальство у меня всю жизнь хорошее! Как начальство нервы не выматывает, то и ты хорошо сохранилась! – Так домашние выматывают? – То другое! То – у всех!*

Среди спонтанного общения наблюдаются пласты не только будничного, профанного речеповедения (*Женщина у поезда с упреком мужчине: Я думала вы пивка и рачка возьмете!*). Встречается немало примеров инкрустаций общения сакральными, священными, национально значимыми смыслами. Приведем записанный на диктофон разговор с доцентом Белгородского гос.ун-та Л.П. Пожигановой чья племянница, переехав в Грецию, быстро избавилась от фрикативного [γ] [1]:

А она говорит: ты понимаешь, язык выстраивает то, что на уровне звука, не на уровне только слов, но на уровне звука! И если ты его опустил, позволил себе, ты уже человек другого качества. – Это в том смысле, что она более достойно стала жить? – Нет, она более достойно себя чувствует! Это ответственность перед звуком! <...> А теперь у нее телевизор, она очень внимательно слушала. Она уехала из России – поняла, что такое язык! «Ты знаешь, у нас в отделе появился русский, и я поймала себя на мысли, что я хожу, слушаю эту речь, как музыку! Вы представляете, она настолько серьезно стала относиться!

Более того, происходит в спонтанном общении подчас обучение сакральному восприятию. Из тех же диктофонных записей:

Я по десять раз каждую строчку перечитываю у Мопассана. Я после Горького вообще все так читаю!

В ходе исследования внутрисемейной коммуникации мы пришли к выводу, что внутрисемейный язык как язык каждой относительно закрытой системы (молодежный жаргон, арг, профессиональные языки, солдатский жаргон и пр.) формируется и развивается в направлении заведомого обособления и отсоединения от общеупотребительного языка, в сторону кодовой (кодируемой) уникальности определенных групп языковых фактов.

Шутки, прозвища, закрепившиеся свидетельства языковой игры, цитаты и крылатые слова составляют «первоначальный капитал» внутрисемейной коммуникации, то, что лежит на поверхности общения:

а) *Саша первый, Света, у нее уже ребенок, потом Лена, потом Вован, так и звали, Вова, то есть, а потом уже Виталик;*

б) *[О фотографии] Приятно улыбаешься, только не спи за рулем!*

в) *Ты очень красиво говоришь, когда по телефону накрашенными губами. Губы под телефон...*

г) *Когда ты есть не хочешь, я тоже не хочу, потому что в еде больше социального!*

д) *В черной жарко! Поезжай в толстовке. Где она у тебя? – Ты профессиональный костюмер!*

е) *Матери, собирающейся в администрацию: Не вздыхай! Не к зубному идешь!*

ж) *[За столом, только что сдал экзамен по методике] Томатной пастой полей! – Давай методику забудем!*

з) *Не объясняй, я [в Москве] у людей спрошу. – Ты людей не эксплуатируй! «Щади сограждан!»*

и) *С такой поспоришь – потом пожалеешь. Так и ты. Ну, не будем спорить. С ядерными державами не спорят!*

Приведенные примеры показывают своеобразие внутрисемейного механизма создания комического. Это иронический комплимент (*губы под телефон*), ироническая гипербола.

Формами внутрисемейной коммуникации являются реплики диалога (устная форма), монологи-повествования (фрагменты рассказов о происходящем), а также частные письма, записки членов семьи друг другу (*Лапик! Кушай! Всего тебе хорошего, хорошо поработать! Лап, я приезжал, но без ключа. Лапичек! Всего тебе самого хорошего! Не грусти об О.Н. Лапичек! Не скучай б. меня Я*).

Внутрисемейная коммуникация охватывает далеко не только стихию устной разговорной речи, но и некоторые формы письменного общения. В последнее время к ним добавляются «SMS-ски» – SMS-сообщения:

Лап, два смс получил. Работаем, цветы поливаю. Живем.

К письменным, фиксированным формам внутрисемейной коммуникации относятся также любительские стихи-посвящения. Приведем (с любезного разрешения автора) стихотворение И.Г. Дегтярь, написанное ко дню рождения старшей сестры, Марии Григорьевны:

Муся – солнышко мое, / Я подсолнушек ее. / Муся – яркий мой цветочек, / Я при ней всего листочек. Муся – розочки цветы, / Я ж от розочки шипы. / Муся – белая ромашка, / На ромашке я – букашка, / Муся словно незабудка, Я ж забудь-через-минутку. / Муся – колокольчик синий, / Я ж на нем роса иль иней. / В общем, я совсем не цветик, / Но мы вместе с ней – букетик (14 апреля 1990 г.).

Внутрисемейная коммуникация создает богатую почву для сохранения и развития диминутивных форм речи, обращений, лексики утешения, лексики воздействия, комплиментов, то есть единиц и лексических групп, отражающих феномен языкового позитива. Язык в недрах семьи поддерживается в таких своих пластах и таких формах, которые не видны на поверхности языкового восприятия и по своим коннотативным параметрам противоположны объединяющему социуму языку СМИ:

а) По мобильнику: Олчик, ты где?

б) Лапичек! Хороший! До предела хороший!

в) Дорожок! Дорогочек!

г) Бедник, бедничек! д) Добрый, добричек, доберман, ну что...

е) Хорошик! Добрик! Целый словарь лапонимов.

ж) Мой добрый, мой хороший Лап, просто Лап!

з) Молодец. Любимик.

и) Лапочечек, цветочечек, до-брый...

и) Молодой мужчина под Туапсе по мобильному телефону, говорит, по-видимому, супруге: Масик? Масик! Я, знаешь, откуда звоню? (ребенок лет трех отходит в сторону) Захар, иди сюда! Я из Новомихайловки звоню! Вагончики просто супер!

Увеличение семьи (переезд лиц преклонного возраста, рождение ребенка) вносит свою лепту в расширение горизонтов внутрисемейного общения. Добавляется так называемый «язык нянь», временно задействованный в семье, пока дитя не станет на ноги. Особенностью этого языка, языка нянь, как верно заметил в 1949 году Н.В. Касаткин, является терционность и педагогизм. Обращаясь к ребенку (*питеньки,*

спатеньки), взрослый учитывает, что к его словам прислушиваются другие члены семьи [2].

И в предыдущем перечне выводов, и сейчас мы намеренно отождествляли «основополагающие» понятия: «речь» и «язык». В силу постулируемых основополагающих свойств этих понятий в русском языке укрепились жесткая дифференциация языка и речи, возникли «блок-посты» на пути лексикографической регистрации лучшего, что встречается в речи. Делегирование речи «языкотворческих» полномочий без анализа постоянно происходящей речевой эвристики привело к искаженному представлению о реальных богатствах русского языка, раскрывающихся в «спонтанной сфере» его возможностей.

Наконец, еще один вывод, равно относящийся и к «уличному», и к «производственному», и к «семейному» общению. Языковой позитив в неподготовленном общении на улице, на службе, по телефону, в кругу семьи теоретически, «по идее» должен исследоваться в естественной дистрибуции с языковым негативом, «не слабо» представленном в той же стихии диалоговых реплик повседневности, однако хорошее в языке и речи весьма нуждается еще и в отдельном исследовательском внимании, без чего невозможно создание в перспективе общей теории языкового позитива.

Касаткин Н.В. О лингвистическом своеобразии языка, употребляемого в речевом общении с младенцем // Ученые записки Томского гос. пед. ин-та. Т. VII (Серия гуманитар. наук). – Томск, 1949. – с. 108 – 115.

Ксения Кончаревич
Белград

О некоторых аспектах коммуникативной культуры старообрядцев

О старообрядчестве написано очень много... и очень мало. Обширную библиотеку составляют богословские сочинения, направленные на каноническое, догматическое, церковно-историческое обличение или оправдание старообрядческой доктрины, богослужебной практики, культуры, быта. Довольно велика библиография культурологических научных работ о старообрядчестве – труды археографов, историков, работы, посвященные изучению философского содержания старообрядческой мысли (ее онтологических, гносеологических, историософских, эстетических концепций).

Но изучение лингвистических аспектов старообрядчества, за исключением вопроса о «Никоновой справе», преимущественно в ее историческом и текстологическом аспектах, практически не вышло из

зачаточного состояния, несмотря на то, что, по сути дела, раскол в Русской Православной Церкви был вызван именно филологическими соображениями - разным пониманием природы сакрального языка и языкового знака на всех уровнях его организации, будь то графия, орфография, лексика, морфология, синтаксис, просодия: «ревнители древнего благочестия» были склонны к неконвенциональной, безусловной трактовке языкового знака, в то время как «никониане» в своем подходе к изменению церковнославянской нормы и переработке текста богослужебных книг исходили из условности языковых знаков и, следовательно, их произвольности и вариативности.

По справедливому замечанию Н.И. Толстого, «исправление книжное было возведено на Руси в дело первейшего государственного значения, волновавшее впоследствии все социальные слои русского народа и послужившее поводом глубоких расслоений и борьбы официальных «никонианцев» и старообрядцев – «ревнителей святой старины». Едва ли еще когда-нибудь на Руси филологические вопросы осознавались столь значительными и ставились столь остро» (Толстой 1988, с.148). В качестве убедительного примера приведем крик души одного старообрядческого идеолога XVII столетия: «Самого Христа Иисуса в Иисуса превратили. Даже *аминь* на *амин* переменили, того не ведая, что и *малое бо се слово велику ересь содевает*» (курсив наш – К. К.) (Бороздин 1900, с.32).

Лингвистический анализ старообрядчества, однако, можно провести и с качественно новых позиций, под принципиально иным углом зрения и в ином контексте, нежели это делается в археографических и текстологических работах: ведь это явление не только исторического прошлого, но и современной русской духовности.

С одной стороны, старообрядчество требует описания с точки зрения *лингвокультурологии*, в русле которой возможен двоякий подход: (а) системно-структурный (системно-категориальный), уделяющий внимание отдельным, иерархически организованным классам лингвокультурем (безэквивалентная и фоновая лексика, обслуживающая старообрядческую культуру, ономастика, паремиология, особенности просодии и ритмической организации сакрального текста) и (б) функциональный, рассматривающий старообрядчество как единое лингвокультурологическое поле, включающее разноуровневые средства, объединенные общей семантической принадлежностью и отражением явлений и элементов старообрядческой культуры как фундамента данного поля (подробнее см. Кончаревич 1996).

С другой стороны, и *коммуникативная культура* старообрядцев требует систематического описания, которое может быть осуществлено на базе определенной теоретической модели (так, И.А. Стерниным и коллективом сотрудников Межрегионального центра коммуникативных исследований ВГУ разработаны ситуативная, аспектная и параметрическая модели анализа коммуникативного поведения - см. Стернин 2000, каждая из которых вполне применима к объекту нашего исследования).

Данная задача связана с определенными трудностями – наблюдения показывают, что среди старообрядцев, принадлежащих к разным толкам и согласиям, имеются большие различия не только в доктринарном, но и в поведенческом плане, и к тому же, многие старообрядческие общины представляют весьма закрытый мир, в котором в силу устоявшихся обычаев не любят делиться информацией. Поэтому нами была поставлена задача описать коммуникативное поведение членов лишь одного старообрядческого толка - старообрядцев-поповцев, принадлежащих к крупнейшей старообрядческой церковной организации – Русской Православной Старообрядческой Церкви (Белокриницкой иерархии).

Описание мы проведем по ситуативной модели, подчеркивая те особенности коммуникативного поведения старообрядцев, по которым они отличаются от верующих Русской Православной Церкви (Московского Патриархата). В качестве источников нам послужили предписания старообрядческого типикона, содержащиеся в богослужебных, церковно-канонических книгах, молитвословах²³, данные современной старообрядческой периодики²⁴, научной, справочной²⁵ и художественной литературы²⁶, личные наблюдения²⁷, а также сведения гетерокультурных информантов²⁸.

Старообрядчество (или староверие) – общее название русского православного духовенства и мирян, отказавшихся присоединиться к реформе, предпринятой в XVII веке патриархом Никоном и стремящихся сохранить церковные установления и традиции древнего русского православия. Среди старообрядцев сложилось несколько различных церковных организаций (иногда называемых толками или согласиями), каждая из которых именует себя Древлеправославной (Православной) Церковью, а своих последователей – православными христианами.

Дадим прежде всего статистические оценки старообрядчества, позволяющие осознать его масштаб как социального явления.

В конце XVII – начале XVIII в. общее число староверов достигало нескольких сотен тысяч, если не миллиона человек. В середине XIX в.

²³ См., напр., Молитвенник 1988; Малый домашний устав 1997; Сынъ церковный 1995-96.

²⁴ Материалы журналов «Духовные ответы» (Москва) «Церковь» (Москва), ежегодных календарей «Древлеправославный календарь», «Старообрядческий церковный календарь».

²⁵ См. Литературу в конце статьи.

²⁶ П. И. Мельников-Печерский, *Полное собрание сочинений*. В 7 томах. Санкт-Петербург, 1909.

²⁷ Имеются в виду многократные посещения автором предлагаемой статьи приходских общин РПСЦ (Покровского кафедрального храма на Рогожском кладбище и некоторых других старообрядческих храмов г. Москвы) в 2002-2003 гг.

²⁸ Автор статьи выражает искреннюю признательность священноиерею Русской Православной Старообрядческой Церкви, кандидату богословия о. Сергию Мацневу и его супруге, кандидату филологических наук Лидии Гаврюшиной (Москва), любезно сообщивших немало ценных сведений.

число старообрядцев достигало 8,5-9,3 млн. человек, т. е. 10% всего населения России или 1/6 тогдашнего православного ее населения. По отчету обер-прокурора Синода за 1894-1895 гг., общее число староверов достигало 13 млн. человек (Булгаков 1997, с.147). Отметим, что весь трехсотлетний период с начала никоновской реформы (1652), за исключением последних лет перед революцией 1917 года, принадлежность человека к старообрядчеству была основанием для преследований (Смирнов 1971, с.173-176; Булгаков 1997, с.146-147), и поэтому достоверная статистика весьма скудна.

Следует учесть и тот факт, что государственная статистика отражала только учтенных официально, так называемых «записных» староверов, плативших за свое вероисповедание удвоенный оклад (налог), которых было значительно меньше, чем «незаписных», скрывавшихся. По оценкам некоторых современных старообрядческих авторов, число староверов в дореволюционной России составляло от четверти до трети великороссов (среди украинцев и белорусов старообрядчество распространения не имело) (Шахов 1998, с. 16).

После революции была подрублена социальная база староверия, так как уничтожались целые классы, традиционно служившие его опорой: купечество и промышленники, кустари, мелкие предприниматели, казачество, крепкое крестьянство. О преследованиях даже отдаленных, затерянных в тайге старообрядческих поселений упоминается в книге «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына.

Достоверных статистических данных о численности старообрядцев в настоящее время тоже нет. Имеются главным образом данные о числе приходов и общин в рамках крупнейших церковных организаций старообрядцев, каковыми являются: (а) *Русская Православная Старообрядческая Церковь (Белокриницкая иерархия)*, возглавляемая митрополитом Московским и всея Руси, которая насчитывает более 250 приходов в России, Украине, Белоруссии, Казахстане; (б) *Древлеправославная Церковь («беглопоповцы»)*, возглавляемая архиепископом Новозыбковским, Московским и всея Руси, имеет более 50 приходов в России, СНГ и в Румынии; (в) *Древлеправославная Поморская церковь («брачные беспоповцы»)*, имеются самостоятельные структуры в России (Российский Совет ДПЦ, более 100 приходов), Литве, Латвии и (г) *Христиане древлеправославно-кафолического вероисповедания и благочестия старопоморского федосеевского согласия («федосеевцы»)*, центром которых считается Московская Преображенская община, не имеют единой организации, связывающей отдельные церковные общины (Вургафт – Ушаков 1996, с.244; Шахов 1998, с.43).

Старообрядческие общины имеются в Румынии (в том числе автокефальная митрополия белокриницкой иерархии), в Польше, в странах

Северной и Южной Америки и других²⁹. В последние годы возрождается деятельность старообрядцев по изданию религиозной литературы, по богословскому образованию церковнослужителей и мирян, создаются воскресные школы для детей.

В рамках старообрядчества возникли и развивались очень отличные друг от друга доктрины. Это, прежде всего, консервативное поповщинское «подлинно старообрядческое движение», первыми вождями которого были старые «боголюбцы», члены *Кружка ревнителей благочестия* – юрьевский протопоп Аввакум Петрович Кондратьев, Иван Неронов, костромской протопоп Даниил и др., оставшиеся и после раскола в Церкви верными основным канонам и догматам Православия. Затем наиболее важным из этих течений являлось отличное от традиционного Православия, эсхатологическое, с некоторым дуалистическим привкусом беспоповство, в рамках которого впоследствии определились многие менее значительные течения – от экзальтированных и мистических учений (филипповцы, самосожигатели), до, скажем, весьма безразличной к духовным и обрядовым проблемам, почти что грешившей агностицизмом и нигилизмом нетовщины (ср. Зеньковский 1995, с. 486). Поэтому и оценки старообрядчества в богословской и церковно-исторической литературе неодинаковы, но большинство исследователей подчеркивает лишь каноническую его отделенность от полноты Православной Церкви (именно на этой почве возникает в начале XIX в. *единоверие*, задуманное наподобие римско-католической унии: при сохранении старого богослужебного чина и древних обычаев единоверцы обязываются принимать священство от Московского Патриархата, находясь в его юрисдикции, и поминать за литургией Патриарха Московского и всея Руси).

Как феномен культурологический, старообрядчество привлекало внимание многих религиозных философов, историков, писателей, публицистов. Для И. В. Киреевского старообрядчество есть не что иное, как явление духовного упадка, уклонения в формализм, утраты духовного единства российского общества (Киреевский 1861, с.278-279). А. С. Хомяков считал, что причиной старообрядческого раскола явилась чрезмерная привязанность русского человека к церковному обряду (Шахов 1998, с.177). Ту же мысль развивает и С. М. Соловьев, утверждая, что отсутствие просвещения, не дававшее возможности различать «существенное» от «несущественного», изменения обряда от «изменения религии», даже «измены отеческой вере», соединившись с психологией, не приемлющей никаких перемен в устоявшемся укладе и с апокалипсическими ожиданиями, составили причину возникновения старообрядческого движения (Соловьев 1991, с.103).

²⁹ Отметим, что в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. - Югославия), несмотря на значительное число русских эмигрантов (по подсчетам исследователей, на территории Королевства СХС после Октябрьской революции поселилось примерно 41-44 тыс. беженцев) и их колоний (215), старообрядческих храмов и общин, хотя бы по официальным данным, не было (ср. Јовановић 1993, с.27-32).

Для В. О. Ключевского феномен старообрядчества «есть явление народной психологии – и только», с тремя составляющими элементами: превращение Православия на Руси в национальную монополию, т. е. своего рода «национализация» вселенской Церкви, косность и робость богословской мысли, не умевшей усвоить духа нового чуждого знания и испугавшегося его как нечистого латинского наваждения («латинобоязнь») и инерция религиозного чувства, не умевшего отрешиться от привычных способов и форм своего возбуждения и проявления («языческая обрядность») (Ключевский 1988, с. 293).

Совсем иное видение староверия у В. В. Розанова. По его мнению, староверие ощущает древнюю Церковь как совершенно живую, единственно истинную реальность и стремится к целостному воспроизведению этой реальности (Розанов 1990, с. 53-54). Некоторые публицисты видели в старообрядчестве «самое выдающееся, самое яркое явление умственной и нравственной жизни нашего народа», считая, что «в раскол идут люди, наиболее одаренные духовными талантами, наиболее способные и даровитые» (обзор идеализаторских взглядов на старообрядчество в дореволюционной публицистике см. Смирнов 1971, с. 242-243). Исследователи старообрядчества единодушно признают, что уровень грамотности и религиозной образованности в среде староверческого населения был несравненно выше, чем в той части простого народа, что принадлежала к Синодальной Церкви. В старообрядческой среде, даже в отдаленных глухих деревнях неграмотных почти не было, даже среди женщин. Религиозные убеждения отличались осознанностью и глубиной. Н.И. Костомаров об этом писал: «Русский мужик в расколе (т. е. в старообрядчестве – К. К.) получал своего рода образование, выработал своего рода культуру, охотнее учился грамоте; кругозор его расширялся настолько, насколько этому могло содействовать чтение Священного Писания и разных церковных сочинений... Как ни нелепы могут казаться нам споры о сугубой *аллилуиа* или о восьмиконечном кресте, но они изоощряли способность русского простолюдина: он мыслил, достигал того, что мог обобщать понятия» (Костомаров 1905, с. 231).

Никто не станет отрицать факта, что до наших дней старообрядчество сохранило древнее знаменное пение, искусство иконописания и книгописания. В то же время, среди старообрядцев, строго придерживающихся православной догматики, каноники, аскетики, христианской этики, древнего богослужебного устава («поповцев»), практически не сохранилось никаких народных суеверий, пережитков язычества. Старообрядческие духовные стихи, одни из которых посвящены событиям древней и новой церковной истории, тогда как другие в поэтической форме отражают мировоззренческие проблемы бытия человека, его отношений к Богу и к миру, навсегда вошли в золотой фонд русского народного творчества.

Исследователями единодушно отмечается и факт, что в домашнем быту старообрядцев и на совместных богослужениях царит образцовый порядок. И поскольку старообрядчество есть совершенно своеобразный мир, со своим бережно хранимым наследием, со своей самобытной культурой, не удивительно, что его отличает ряд эндемичных и лакунарных коммуникативных фактов и явлений по сравнению с коммуникативной культурой членов Русской Православной Церкви, а отличия заметны также в степени проявления отдельных коммуникативных признаков (здесь имеются в виду вербальное коммуникативное поведение членов Русской Православной Старообрядческой Церкви в некоторых стандартных коммуникативных ситуациях и коммуникативных сферах, их невербальное коммуникативное поведение и социальный символизм). Приведем некоторые примеры.

Домашнее молитвенное правило

Для старообрядцев характерен религиозный максимализм и особенный ригоризм в исполнении ежедневного соборного (церковного) и домашнего (келейного) «молитвенного правила», что решающим образом влияет на структурирование их времени (на домашнюю молитву и посещение церковных служб уходит по несколько часов в день, практически, все свободное от работы время), а это, в свою очередь, содействует крайней минимизации социальных контактов, культурных и эстетических занятий и других способов рационального, но вместе с тем и благочестивого времяпрепровождения (отметим, что явление аскетического отрицания культуры в Православной Церкви, в том числе и в русской монашеской духовности³⁰, издавна квалифицировалось как соблазн, мешающий гармоничному развитию душевных, духовных и умственных сил).

Старообрядцы обязаны не только посещать все церковные службы дневного богослужебного круга, особенно по воскресным и праздничным дням (за любую пропущенную воскресную или праздничную службу полагается класть дома множество (поясных)³¹ поклонов – 700 поклонов за пропущенную Утреню и за Литургию, за Вечерню – 600, или читать Псалтырь (пять кафизм за Утреню, по двум кафизмам за Литургию и Вечерню), или творить молитву Иисусову – полторы тысячи за пропущенную Утреню, 700 за Литургию, 600 за Вечерню)³², но и строго придерживаться домашнего (т. наз. келейного) молитвенного правила.

³⁰ Ср. примеры основоположника русского общежительного монашества, преп. Феодосия Печерского, великого подвижника XV в., «русского Агиорита» Нила Сорского, преп. Паисия Величковского и других подвижников благочестия, просиявших до раскола в Русской Церкви и, следовательно, чтимых и старообрядцами, которые занимались литературной и переводческой деятельностью, привлекая к ней и монахов во вверенных им обителях.

³¹ В Великий пост необходимо на лестовке, т. е. на каждые 109 молитв Иисусовых, полагать по 17 земных поклонов.

³² В старообрядческом Типиконе предусматривается такая «поблажка»: «Аще ли кто нужды ради некия, а не за леность, не возможет по вышеписанному исправляти, то

Келейная молитва должна быть ежедневной и совершаться в строго установленное время, «отвергше вся житейская попечения». Согласно Уставу, она совершается вечером – за вечерню и за павечерницу, утром – за полунощницу, за утреню и за первый час и днем – за часы: 3-й, 6-й и 9-й, а также перед принятием пищи и после, перед началом и после окончания всякого дела, всей семьей (что считается очень важным) или одним человеком. При этом следует подчеркнуть, что домашнее молитвенное правило исполняется поклонами (по лестовке), кафизмами, 12-ю псалмами или по Уставу церковному (полный текст любой из этих служб приводится в молитвословах для домашнего употребления - см. Молитвенник 1988, Малый домашний устав 1997) - судя по возможности, усердию и состоянию здоровья каждого; однако, никто и никогда не смеет оставаться без регулярной келейной молитвы. Если у члена Старообрядческой Церкви нет возможности помолиться в установленное время, он должен помолиться, когда возможно и сколько возможно, придерживаясь исполнения Устава о церковной жизни.

Для совершения келейного молитвенного правила женщина непременно должна быть с покрытой головой (в платке). И мужчины, и женщины к домашней молитве должны приступать в «благоприличной» (желательно в особо предназначенной для молитвы) одежде, с лестовкой (однако, утром, вставая от сна, еще на постели, значит, без головного убора и лестовки, в одной ночной рубашке, следует перекреститься и произнести молитву Иисусову). Перед началом молитвенного правила по возможности следует зажечь лампаду перед образами.

В начале каждой домашней службы и по окончании ее необходимо сотворить т. н. семипоклонный начал. Однако, если совершаются две или три службы кряду, в начале первой службы принято положить приходные поклоны, а в конце последней исходные. Семипоклонный начал совершается так: три поясных или земных (в зависимости от дня) поклона с молитвой мытаря (*Боже, милостив буди мне грешному; Создавши мя Господи, и помилуй мя; Без числа согреших, Господи, помилуй и прости мя грешнаго*), всегда земной поклон после молитвы *Достойно есть...*, после этого *Слава Отцу и Сыну и Святому Духу* (поклон), *И ныне и присно и во веки веком, аминь*³³ (поклон), *Господи помилуй* (дважды), *Господи благослови* (поклон) (последние три поклона, как и первые три, бывают земными или поясными, в зависимости от дня: поясные поклоны положено совершать по субботам, воскресеньям, в дни праздников, а также на протяжении всей Пятидесятницы и 12 дней после Рождества Христова). Завершается начал отпустом: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божии, молитв ради Пречистыя Твоея Матере, Силою Честнаго и Животворящего*

сиде да творит: за Вечерню: сто поклонов; за Утреню: двести поклонов» (Малый домашний устав 1997, 34-35).

³³ Стандартные молитвенные формулы приводим в орфографии, принятой в старообрядческой среде.

Креста, и святого Ангела моего хранителя, и всех ради святых, помилуй и спаси мя грешного, яко Благ и Человеколюбец и земным поклоном без крестного знамения.

Текст утреннего и вечернего старообрядческого молитвенного правила заметно отличается от соответствующих правил, помещенных в молитвословах РПЦ³⁴ (различия касаются выбора молитв, порядка их чтения, лексико-грамматических, орфографических и особенностей ударения в церковнославянском тексте, а также предписаний о поклонах). Молитвенное правило за павечерницу, 9-й, 1-й, 3-й и 6-й часы в православных молитвенниках (даже для иноческого келейного правила) отсутствуют, тогда как правило за полунощницу (причем только воскресную) помещается лишь в немногочисленных изданиях РПЦ (только в канонниках и часословах – последние предназначены лишь для соборной молитвы). Обязательной частью домашнего правила является *Помянник* стандартизированной структуры (поминаются живые и умершие члены Церкви, но и «отступившие от православия веры и погибельными ересьми ослепленные»).

В случае смерти родственника или знакомого одноверца принято читать *Канон за единоумершаго*, в случае же преставления родственника или знакомого, который не принадлежал к старообрядческой Церкви, читают *Канон преподобному Паисию Великому*, «иже благодать имать от Бога избавляти от муки умерших без покаяния» (оба канона отсутствуют в молитвенниках РПЦ). Из акафистов, очень популярных среди членов РПЦ (в православных молитвенниках, канонниках и акафистниках содержится немало произведений данного жанра в честь различных Святых и праздников), старообрядцы за домашним молитвенным правилом читают, но не обязательно, лишь Акафисто³⁵ Пресвятой Богородице («*Взбранной Воеводе*»).

При домашней молитве принято кадить иконы. Каждение совершается при помощи специальной металлической кадила - кацеи в виде купола-«луковицы» с восьмиконечным крестом наверху и складной деревянной ручкой (кацея – реалия, характерная лишь для старообрядческой культуры). Молящийся (или глава семьи, если молятся вместе) становится напротив той иконы, которую он собирается кадить, читает соответствующую молитву, крестообразно проводит в воздухе кацеей и кланяется в пояс. После этого переходит к следующему образу.

Однако известны и другие способы каждения ручным кадиллом: подносный, когда кацея устанавливается под образом, как бы подносится к нему, или каждение кружком (у некоторых старообрядцев бытует мнение,

³⁴ См., напр., Краткий православный молитвослов 1990; Канонник 2001; Псалтирь следованная 1998; Акафистник 1997; Иноческое келейное правило 1997; Часослов 2001.

³⁵ В старообрядческой среде словообразовательная и грамматическая адаптация данного грецизма отличается от общепринятой в современном русском литературном языке (*акафист*).

что крестообразно кадить иконы позволительно лишь священникам). Каждение икон при домашней молитве практикуется и среди членов РПЦ, причем применяются вся три вышеописанных способа каждения, только без поклонов. Кроме того, у православных принято кадить и дом, вещи в нем (особенно постель, окна, дверь), двор, ворота, с чтением установленной молитвы («*Да воскреснет Бог и расточатся врази его...*»); смысл каждения дома и двора – отгнание бесов и призывание благодатной помощи Божией.

Поведение за столом

И при начале трапезы, и при ее конце следует совершить соответствующее молитвенное правило, ибо «стол, начинающийся и оканчивающийся молитвою, никогда не оскудеет» (Молитвенникъ 1988, с.34). По приготовлении трапезы полагается правило, отличное по числу и составу входящих в него молитв от православного. Молитвы произносят стоя перед святыми иконами, и только потом занимают места за столом. Если обедают несколько человек, то, сев за стол, старший вслух говорит молитву Иисусову, а присутствующие отвечают: *Аминь*. И потом говорят: *Благословите покушать*. Старший должен ответить: *Бог благословит*, после чего приступают к трапезе.

Если прилучится кому-либо войти в столовую во время трапезы, то он должен сказать: *Ангел за трапезой*, а сидящие за трапезой отвечают: *Невидимо престоит*.

По окончании трапезы следует оградить себя крестным знаменiem и выйти из-за стола, а потом, встав перед иконами, сотворить семипоклонный начал и двенадцать поклонов с Иисусовой молитвой. Потом, если трапеза произошла в гостях, обязательно следует помолиться о здравии и спасении «милующих и питающих» хозяев следующим образом: «Милостиве Господи, спаси и помилуй раб Своих, милующих и питающих нас (имя рек, поклон). Избави их от всякия скорби, гнева и нужды (поклон), от всякия болезни, душевныя и телесныя (поклон), и прости им всякое согрешение, вольное и невольное (поклон), и душам нашим полезная сотвори (поклон)» и сделать еще три поклона с молитвой мытаря. Гость должен поблагодарить хозяев за трапезу и сказать: *Спаси вас Христос и сохрани на многая лета!* В некоторых местах имеется обычай: после молитвы о здравии и спасении хозяев поют три раза *И сохрани их на многая лета*, а после этого совершают три поклона с молитвой мытаря и благодарят за трапезу.

Общение в гостях

Придя в дом одноверца, старообрядец обязан остановиться у входа и сотворить молитву Иисусову вслух (*Господи Иисусе Христе, Сыне Божии, помилуй мя грешного*), чтобы находящиеся в доме услышали и ответили *Аминь* (отсюда выражение: *Есть ли кому аминь отдать?* в смысле: *Дома ли хозяева?*).

Войдя в дом, старообрядец сначала должен сотворить перед иконами молитву мытаря *Боже, милостив буди мне грешному*, сотворить поклон, затем произнести еще две короткие молитвы: *Создавши мя Господи, и помилуй мя* (поклон) и *Без числа согреших, Господи, помилуй и прости мя грешного* (поклон).

Потом гость обращается к хозяевам евангельскими словами: *Мир дому сему*, а они отвечают: *С миром принимаем* (или, реже: *Милости просим*). Затем уже можно начать беседу или сесть за стол. Смысл данного коммуникативного правила – отдание почтения «домашней церкви», поклонение святым иконам, исповедание одной с хозяевами веры и призывание благословения Божия.

Уходя из дому, также сначала надо произнести вышеприведенные молитвы с тремя поклонами, и затем уже попрощаться с остающимися в доме, выражая желание о всегдашнем пребывании с ними в мире и любви и воссылая славу Богу. Данные правила в общении с лицами, не принадлежащими к старообрядчеству, не применяются; ходить в гости к «новообрядцам» или светским людям без особой нужды не рекомендуется.

Общение с инославными

Для старообрядцев характерен религиозный, культурный и социальный изоляционизм, который изначально представлял и сегодня представляет собой реакцию косного традиционалистского сознания на естественные изменения в жизни Церкви, на новые нормы, принятые гражданским обществом, на новшества, вызванные интеграцией России в культурную жизнь Европы, и основывается на собранных в «Кормчей книге» правилах и законах, требующих «несообщения» православных с еретиками.

Сближение с иноверными или с атеистами для старообрядца недопустимо даже под предлогом «внешней миссии», т. е. распространения среди них учения своей Церкви. Не удивительно поэтому, что все социальные контакты, помимо неизбежных поверхностных бытовых и контактов на работе, осуществляются в среде «своих». Один старообрядческий автор по этому поводу, не без чувства гордости за верность «древлему благочестию» в мире «воцарившегося антихриста», замечает: «Приезжает старообрядец из университетской лаборатории..., у себя дома надевает косоворотку, кафтан и читает часы на клиросе своей родной моленной, поет по старинным крюкам; он чувствует себя своим в кругу своих попов, наставников, разных уставщиков, с гордостью примет на себя обязанности попечителя моленной, не побрезгует сделаться общественным деятелем среди своих родных бородатых кафтанников и двуперстников» (Сенатов 1995, с.11).

Контакты с лицами, не принадлежащими к старообрядчеству (помимо необходимых, деловых), квалифицируются как «мирщение», которое может произойти не только вследствие общения или совместной молитвы, но и через продукты, произведенные инославными или недозволенные к употреблению (чай, кофе, водка и пр.), через посуду, если ею пользовались или хотя бы трогали «не христиане» (т. е. не старообрядцы), через

общественные заведения (бани, столовые и т. д.), чтение светской литературы (газеты, журналы, художественная литература), и т. п.

Существует также понятие «замирщенный» - впадший в грех или даже в ересь в результате совместной молитвы или трапезы с инославными, использования «поганой» посуды, т. е. такой, которую употребляли люди, не принадлежащие к старообрядчеству.

В зависимости от природы общения с инославными, условий, в которых произошли контакты, а также социального положения «замирщенного» (священник, монах, мирянин) различаются и меры ответственности – от епитимьи, накладываемой священником или архиереем, до временного или полного отлучения от общения не только церковного, но и бытового (строгие меры принимаются в случае совместной молитвы с «никонианами», принятия Святых Таин в «новообрядческом» храме, исповеди у священника РПЦ, крещения члена семьи или бракосочетания в РПЦ или в лоне какой-нибудь другой христианской конфессии).

Посещение «иноверческих» храмов (даже православных) квалифицируется в старообрядческих типиконах как отступление от чистоты веры. Однако существуют правила, позволяющие старообрядцу сохранить верность своей вере в случае, если все-таки необходимо войти в «никонианский» храм. Так, еще протопоп Аввакум советовал: «Если тебя в церковь свою никониане затащат, ты молитву Иисусову воздыхая говори, а пения их не слушай».

Иконам, написанным «искусно» и по правилам (т. е. в традиционном древнерусском или византийском стиле, но не, скажем, в стиле барокко), можно поклониться в православном храме, только не во время «никонианской» службы, а после; впрочем, иконе, на которой изображено именословное благословение, не следует поклоняться (вследствие неприятия крестного знамения «новообрядцев»), хотя не должно и «ругать» ее.

Если по необходимости случится прийти на исповедь к православному священнику, протопоп Аввакум дает такое казуистическое правило: «Ты с ним в церкви той сказки сказывай, как лисица у крестьянина кур крала: прости-де, батюшко, я-де не отгнал; и как собаки на волков лают: прости-де, батюшко, я-де в конуру собаки той не запер. Он сидя исповедает, а ты ляг перед ним, да и ноги вверх подыми, да слюны пусти, так он и сам от тебя побежит: черная-де немочь ударила» (цит. по: Смирнов 1971, с.78). Старообрядцы также не допускают в свои храмы «знаменующих себя тремя перстами»³⁶, бреющих бороды и имеющих другие отличные от них обычаи.

³⁶ Данное правило соблюдается только по отношению к русским; остальным же православным старообрядцы допускают вход в свои храмы и присутствие на службах (так, например, во время паломнического путешествия по святым местам России в 2002 году студентов Православного богословского факультета Белградского государственного университета в сопровождении двух преподавателей очень радушно приняли, по благословению настоятеля храма, члены одной старообрядческой общины

*Нормы, относящиеся к принятию пищи, изготовленной не
старообрядцами*

Продукты питания, изготовленные не старообрядцами (купленные на рынке, в магазине и т. п.) как «замирщенные», необходимо перед употреблением освятить молитвой, иначе есть их не подобает. Над такими продуктами (т. н. «торжишно брашно») вычитывается обыкновенно большой начал (семипоклонный с прибавлением Господней молитвы, 50 псалма, Символа веры и некоторых других молитв) или отмаливают его молитвой Иисусовой по лестовке. Однако, в больших городах, где «чистого» провианта, произведенного одноверцами, не найдешь, обычая отмаливать купленную пищу иногда не придерживаются. В таких случаях считается, что по апостольскому слову «торжишно брашно» очищается уже тем, что за него платят деньги, и особенно молитвой перед принятием пищи, что которого обязательно и для священников, и для мирян.

Нормы поведения в посты

Важность и необходимость поста для христианской жизни признается и Православной и Православной Старообрядческой Церковью. Обе Церкви установили для подвига поста определенное время, посты многодневные и однодневные, полностью совпадающие по календарю. Отличия наблюдаются в строгости постов, в степени обязательности их исполнения для членов двух церковных организаций (на практике священнослужители Православной Церкви снисходительно относятся к нарушению постов мирянами, требуя неукоснительного их соблюдения только перед принятием Святых Таин Тела и Крови Христовой) и в понимании необходимости соблюдения поста перед причащением (так, Православная Церковь допускает причащение и без предварительного поста тем своим членам, которые соблюдают все Уставом предусмотренные однодневные и многодневные посты и регулярно участвуют в литургической жизни, в то время как в Старообрядческой Церкви взрослым допускается приступать к Святой Чаше лишь в многодневные посты).

Акривия старообрядцев, в отличие от икономии Православной Церкви, особенно заметна в нормах поста, которые должны быть неукоснительно соблюдаемы всеми ее членами (в Православной же Церкви только монашествующими). Так, у старообрядцев в течение Великого поста, кроме субботних и воскресных дней, разрешается только однократное

г. Москвы; как и автор данной статьи нормально общался со старообрядцами и посещал их службы, не услышав ни одного замечания в свой или в адрес Сербской Православной Церкви с их стороны). Старообрядцы, побывавшие в Сербии, Черногории, Македонии посещали службы в храмах СПЦ и МПЦ (отдавая предпочтение монастырям), а известны и случаи сослужения священноиереев РСПЦ с сербским клиром, с ведома и по благословению священноначальства СПЦ.

«сухоядение» (хлеб, вода и сырые овощи, без прибавления растительного масла) в продолжение дня (к вечеру), по субботам же и воскресным дням разрешается горячая пища из двух-трех блюд (овощных и теста), с растительным маслом и посластием; употребление в пищу рыбы и рыбной икры разрешается лишь в дни Благовещения и Вербного воскресения, дважды в день: после Литургии и вечером. В эти дни дозволяется и употребление (если это необходимо для здоровья) натурального виноградного вина, но отнюдь не «сикера» (водки).

С особенной строгостью принято соблюдать первую (Чистую) и Страстную седмицы Великого поста: в понедельник и вторник первой седмицы, пятницу и субботу Страстной установлена высшая степень воздержания - «ни хлеба ясти, ни воды пити». Или: в Петров пост, отличающийся наименьшей строгостью, старообрядческий Устав повелевает следующее: «в понедельник – пища горячая без масла и вино; в среду и пяток – сухоядение без вина; во вторник и четверток – пища с рыбой единожды в день; по субботам и воскресеньям – пища с рыбой (дважды днем)».

Помимо четырех многодневных, обязательными, как и у православных, являются также пост среды и пятка и некоторых особо чтимых праздников (Богоявленский сочельник, Усекновение главы св. Иоанна Предтечи, Воздвижение Животворящего Креста Господня), причем старообрядческие правила поста отличаются большей строгостью, чем правила Православной Церкви. Старообрядческие иноки обязаны поститься и по понедельникам (в Православной Церкви – в зависимости от устава каждого конкретного монастыря, т. е. не обязательно), причем и миряне, «желающие усилить подвиг покаяния и сокрушения о грехах своих», с благословения духовного отца дают обет «понеделничать» и соблюдать этот день (посвященный прославлению бесплотных сил - ангельских чинов) наравне со средой и пятницей во все времена года.

Подготовка к принятию Святых Таин (причащению)

Для того, чтобы приступить к евхаристической Чаше, члены Старообрядческой Церкви должны усилить свой постный и молитвенный подвиг. Причащение взрослым допускается лишь во время многодневных постов, причем не больше 1-2 раза в течение поста. Правила поста и молитвы во время говения значительно строже тех, которые применяются Православной Церковью, даже в монастырских обителях.

Все готовящиеся ко святому Причастию должны соблюсти всю седмицу сухоядением и пребыть в молитве в церкви (на всех службах суточного богослужебного круга), или, за каждую пропущенную службу, помолиться дома поклонами (по лестовке) или кафизмами (по Псалтыри): например, в течение Великого поста за пропущенную Вечерню надо положить 300 поклонов, за Нефимон 300, за Павечерницу 200, за Полунощницу 300, за Утреню 700, за Первый час 150, за остальные Часы (Третий, Шестой, Девятый) 500 поклонов, за Часы с Почасием 750 поклонов, причем на

каждые 109 поклонов (за лестовку) надо положить 17 земных поклонов, а по всякой лестовке прочитать Честнейшую Херувим и Молитву св. Ефрема Сирина (Господи и Владыко Живота моего...) с 17 земными поклонами – итого 2450 поклонов за день, из этого 750 земных (в практике Православной Церкви никаких подобных правил нет, даже для монастырских великосхимников или анахоретов).

Кто хочет заменить данное правило чтением Псалтыри, должен прочитать: за пропущенную Вечерню – две кафизмы, за Нефимон – две, за Павечерницу – одну, за Полунощницу – две, за Утреню – пять, за Первый час – одну и за Часы – три кафизмы (практически это значит, что в течение дня надо прочитать почти весь Псалтырь – 16 из 20 кафизм)³⁷. Наивысшая ступень «снисхождения», которая применяется к больным и престарелым людям, состоит в замене поклонов или кафизм Чином, како подобает пети двенадцать псалмов, совершаемым дважды в день, после обыкновенных утренних и вечерних молитв. Данный чин, «яже принесе от Святыя Горы (Афонския) преподобный Досифей, архимандрит Киево-Печерский», в старину применяли «преподобные отцы пустынные, во дни и в нощи, о нем же воспоминается в книгах отеческих, и в житиях и мучениях святых многих» (Молитвенникъ 1988, с.55), а состоит он, помимо 12 избранных псалмов, из 10 начальных молитв, множества тропарей и коротких молитв на каждые три псалма, финальных молитв Манассии, царя иудейского, Евстратия Великого, тропарей, отпуста и помянника.

Помимо данных правил, все говеющие должны семь раз в течение недели перед принятием Святых Христовых Таин прочитать Правильные каноны (на каждый день недели предусмотрен особый канон), или же заменить их поклонами (десять лестовок - три земных и семь поясных). Если кто по каким-либо обстоятельствам не успеет исполнить все семь Правил до принятия Святых Таин, то оставшееся неисполненным следует неукоснительно исполнить после принятия Пречистых Даров (в Православной Церкви перед принятием Тела и Крови Христовой тоже читается особый канон, но только вечером в день до причащения и утром того дня, когда человек собирается приступить к евхаристической Чаше). Исповедь перед причащением обязательна (в Православной Церкви эти два Таинства не столь ригористически связаны между собой, т. е. исповедь не считается *conditio sine qua non* принятия Святых Даров).

Специфические жесты и молитвенные позы

Крестное знамение, которое составляет важнейший элемент всех православных молитвословий и священнодействий, у старообрядцев, в отличие от членов РПЦ, двуперстное. Согласно указаниям старообрядческого типикона, члены РСПЦ должны слагать персты

³⁷ В Православной Церкви ежедневное чтение Псалтыри рекомендуется особо благочестивым мирянам (не более трех кафизм в день, так, чтобы за неделю прочитать весь текст этой ветхозаветной книги). В монастырях применяется такое же правило, за исключением т. н. акимитов (неусыпающих), взявших на себя подвиг непрестанной молитвы.

следующим образом: большой, безымянный и мизинец совокупаются во исповедание догмата о Триипостасном Божестве (Святой Троице), указательный и великосредний протягивают вместе, исповедуя тем самым догмат о двуединстве Божеской и человеческой природы Господа Иисуса Христа, совершенного Бога и совершенного человека. Немного наклоненное положение великосреднего перста относительно указательного изображает «преклонение небес» - тайну снисхождения и вочеловечения Божия. Этими двумя перстами старообрядцы должны истово, не спеша и с особым благоговением, осенять себя, полагая их на чело (лоб), на живот (на уровне пояса), на правое плечо и на левое. И только после осенения себя крестным знамением можно совершить поклон, поясной или земной.

Вопрос о перемене формы сложения перстов для крестного знамения явился одной из основной тем старообрядческой полемики еще в начале проведения Никоновых реформ. Идеологи «древлего благочестия» отстаивали двуперстное знамение как один из основных признаков верности «вере, юже предаша нам отцы наши», теряя из вида факт, что трехперстное знамение имеет совершенно одинаковую символику (его неприятие было вызвано непримиримостью к любому «греческому влиянию»).

Старообрядцы с самого начала расхождений с никонианами не разделяли, и по сей день не разделяют мнения о равнозначности и равноспасительности этих двух видов перстосложения при крестном знамении, полагая, что перемена формы жеста влечет за собой и изменения в словесном исповедании важнейших элементов христианского учения. Непримируемости среди старообрядцев к трехперстому знамению решающим образом содействовало решение патриарха Никона и Собора архиереев Русской Православной Церкви проклясть двуперстное знамение (1656 г.)³⁸; в народе со временем произошло переосмысление семантики данного жеста – трехперстное знамение стало восприниматься как следование Иуде Искаротскому, предателю Христа, ибо «Иуда брал соль щепотью – поэтому креститься щепотью грех». Более того, идеологи старообрядцев утверждали, что «лучше человеку не родиться, нежели тремя перстами знаменаться», ибо та «щепоть – печать антихриста», в ней - «тайна тайнам сокровенная: змий, зверь и лжепророк» (см. Смирнов 1971, с.77). Кто перекрестится тремя перстами, «по неведению ли, или в смех, или страха ради иудейского», по уставным предписаниям, должен принести покаяние, «горько оплакивая свой грех». Поэтому не

³⁸ Однако со временем отношение священноначалия РПЦ к данному жесту стало гораздо более терпимым (ср., например, компромиссную позицию московского митрополита св. Филарета (Дроздова, †1867), выраженную в его «Беседах к глаголемому старообрядцу»). Решением Синода РПЦ от 23 (10) апреля 1929 года двуперстие объявлено благодатным и спасительным, что получило подтверждение и на Соборе РПЦ в 1971 году, когда все Никоновы анафемы были окончательно объявлены недействительными. Подобных шагов со стороны старообрядцев не последовало.

удивительно, что, желая показать как крестятся «никониане», старообрядцы употребляют для этого левую руку, чтобы не «осквернить» правой.

Старообрядцы молятся главным образом стоя, несмотря на продолжительность служб³⁹. Сидеть на молитве здоровым людям позволено в крайне редких случаях, предусмотренных типиконом (при пении седальнов, чтении Апостола, псалмов – но не «шестипсалмия» на Утрени). Обыкновенная молитвенная поза – стояние с руками, сложенными возле пояса, с лестовкой о левую руку. Во время молитвы, и соборной и келейной, всем следует стоять чинно, не оглядываясь по сторонам, не разговаривая, и в определенное время класть поклоны, предписанные уставом (малые, великие, средние).

Одной из поз, сопровождающей молитву, или даже полностью заменяющей ее, является поклон. Смысл поклона – выражение любви к Богу, Пресвятой Богородице, всем Святым, но вместе с тем и своего смирения, покаяния, сознания греховности перед Богом и людьми, всецелой преданности воле Божией.

В старообрядческой молитвенной практике, в отличие от практики РПЦ, поклоны бывают четырех видов: «обычный» - поклон до персей или до пупа, «средний» - в пояс, малый земной поклон - «метание» и большой земной поклон (в РПЦ и для священнослужителей, и для монашествующих, и для мирян предписывается класть поклоны лишь двух видов – поясные и метания). «Обычный» поклон сопровождает каждение, возжигание свечей и лампад, остальные же применяются при молитве соборной и домашней, по строго определенным правилам, в ряде случаев отличных от правил Православной Церкви (так, например, у православных класть земные поклоны на Литургии, за исключением Литургии Преждеосвященных Даров, совершаемой в течение Великого поста, не полагается, в то время как у старообрядцев великие земные поклоны являются обязательным и даже высокочастотным составным элементом любой службы, включая и все типы Литургий, причем не только во время постов). При поясном поклоне голова наклоняется так, чтобы она находилась на одной линии с тем местом, где находится пояс. При великом земном поклоне колени и голову нужно преклонить до земли (пола). По совершении крестного знамения, простертые ладони обеих рук кладутся на подручник, обе рядом, а потом голову наклоняют до земли столько, чтобы головой коснуться рук на подручнике: колени также преклоняют до земли вместе, не растопыривая их.

В Сыне церковном, авторитетном сборнике правил домашней молитвы и бытовых обрядов староверов, находим такое предписание относительно данной позы: «Егда же прилучится класти земные поклоны, то не бей главою своею в землю, и не стучай ею в мост (пол – К. К.) церковный, или

³⁹ Многократное совершение поклонов, по-видимому, продиктовано и физиологическими причинами (необходимость стимулировать кровообращение).

в дому такожде, но точию колени преклоняй и главу свою низко допущай, а в землю ея не притыкай, но на подручник полагай. А руки обе от сердца своего поведи вместе и клади их на подручник вежливо, а локтей своих не растопорщивай... такожде и поклоны творим, равно и купно вси поклоняемся, такожде и восстаем, зряще на настоятеля» (Сын церковный 1995, с.27). Метания выполняются быстро, одно за другим, что снимает требование о приклонении головы до самого подручника.

Символика одежды

Старообрядцы всегда серьезно относились к вопросу об одежде, достойной христианина. Данный вопрос в Православии имеет богатую каноническую и литературную традицию. Многие святые Отцы и Учители Церкви, писавшие о том, как должен выглядеть благочестивый христианин, считали этот, казалось бы, частный вопрос, делом, имеющим общецерковное значение.

Так, преподобный Ефрем Сирий учит не одеваться во многоцветные ризы, а носить одежду скромную, ибо нам необходим только покров, а не пестрота. Избегать роскоши следует и затем, чтобы не соблазнять малодушных братьев.

Однако эти принципиальные положения иногда вызвали конкретный вопрос: какой именно род одежды Церковь считает благочестивым и допустимым? Старообрядчество в этом отношении выработало свои специфические правила, отличные от правил РПЦ и опирающиеся на национальные традиции: «достойной» провозгласили как раз русскую одежду традиционного покроя, давно вышедшую из употребления. В храмы мужчины приходят одетыми в кафтаны, с рубашкой навывпуск, подпоясанной тканым или плетеным поясом с орнаментом, вышитой молитвой (обыкновенно стих из Псалма) или памятной надписью, в сапогах. Женщины, особенно на клиросе, одеты в сарафаны и платки, заколотые под подбородком, при этом цвет платка может меняться в зависимости от праздника (например, на Пасху по желанию надевают красный, а на Троицын день - зеленый).

Старообрядцы, которые по тем или иным причинам не имеют подобного одеяния, носят одежду благоприличную, ни в коем случае не обнажающую ни плеч, ни рук (войти в старообрядческий храм в рубашке или блузке с коротким рукавом не допускается). Для молитвы домашней тоже желательно иметь особую одежду, по возможности традиционного покроя. Следует отметить, что некоторые зилоты (строгие ревнители) призывают современных старообрядцев не только на богослужение, но и на работу, в магазин и т. д. ходить одетыми в озямы, зипуны, кафтаны, сарафаны и т. п.

И в храме, и за домашним молитвенным правилом женщины обязательно должны покрывать голову платком, по предписанию апостола Павла, которое, правда, относится лишь к замужним женщинам, выражая

их преданность воле мужа⁴⁰, но у старообрядцев она применяется к женскому полу независимо от возраста и брачного состояния (интересно отметить, что по тому, как надет платок, можно отличить незамужних женщин и девственников – они носят платок так, что на спине он лежит кромкой, а прочие женщины надевают платок «на уголок»). Еще одной особенностью старообрядческих прихожанок является обычай закалывать платок под подбородком булавкой, в отличие от прихожанок РПЦ, завязывающих платок на узел. Осмысливая это различие, некоторые старообрядцы трактуют обычай завязывать платок на узел как знак иудиной удавки, символ христоотступничества, что, естественно, не имеет никакого основания в церковных преданиях.

Старообрядцы обычно избегают носить галстук. И здесь встречаемся с необыкновенным народным толкованием, будто «галстухи никонианские» (sic!) несовместимы с предписанием «Деяний апостольских» о том, что «подобает христианам огребатися от требъ идольскихъ, и отъ блуда, и отъ удавленины» (зач. 36), а «удавленина» есть не что иное, как «галстухи никонианские» (Смирнов 1971, с.5).

Вообще для старообрядцев характерен крайний ригоризм в отношении любой нетрадиционной одежды. Так, один старообрядческий идеолог с негодованием писал: «россияне дворяне и прочие... платье, обувь, колоши немецкие носят, и галстухи около шеи, и парики», «женщины лица вапами мажут и белят, брови же начерневают, и власы вонями умащают» (Смирнов 1971, с.5-6). Использование косметических средств и сегодня считается недопустимым для благочестивых девушек и женщин, в любой ситуации (не только в храме и на домашней молитве).

Чрезмерно строгое отношение к внешнему виду христианина, к его одежде, породило даже разделение в филипповском (беспоповском) согласии, когда из-за новшеств в одежде (ношение картузов с кожаными козырьками, модных шапок, больших воротников у тулупов и смазных сапог) отделились от остальных собратий «филипповцы орловские».

У каждого старообрядца всегда на шее должен быть нательный крест, получаемый при крещении. Его непозволительно снимать даже в бане, у врача и т. п., но если по тем или иным причинам такое все-таки произойдет, необходимо произнести специальную молитву: «Господи Исусе Христе Сыне Божии, благослови и освяти и сохрани мя силою Креста Живоноснаго Ти».

Нательный крест всегда имеет восьмиконечную форму, четырехконечный же традиционно воспринимается у старообрядцев как латинский. Символика «трисоставного» (восьмиконечного) креста такова: два перекрещенных дерева и подножие символизируют исполнение ветхозаветного пророчества Исаии (Ис. 60, 13) о трех деревьях, от которых произойдет слава Иерусалима. В РПЦ этот крест до XIX века именовали

⁴⁰ Однако в народе имеются и другие толкования данного правила: «родившая девка должна покрывать голову – покрыть грех».

«раскольническим», но потом все-таки вернулись к его почитанию (наряду с «от двою древ сложенным крестом»).

Необходимой принадлежностью любого старообрядца являются также лестовка и подручник. Лестовка – это тип четок, плетеная кожаная лента, сшитая в виде петли, которая употребляется для облегчения подсчета молитв и поклонов, но в то же время она имеет и символическое значение, прообразуя лестницу духовного восхождения от земли на небо, и замкнутый круг, образ вечной и непрестанной молитвы.

На ленте имеется 100 простых ступеней, называемых бобочками; кроме того, имеются еще три ступени в начале, три в конце и три «великих» ступени в середине, которые обозначают девять чинов ангельских. «Великими» ступенями лестовка разделена на четыре неравных участка: от начала («земли») до первой великой ступени – 12 бобочек, что обозначает 12 апостолов; с первой великой ступени по вторую включительно – 40 бобочек (символика 40-дневного поста Господа Иисуса Христа в пустыне); до третьей великой ступени – 33 бобочки (33 года земной жизни Господа); после третьей великой ступени и до конца («неба») идут 17 простых ступеней, обозначающих 17 ветхозаветных пророчеств о Христе. В месте соединения концов ленты пришиваются четыре окантованных треугольных «лапостка», которые часто украшают бисером и вышивкой. Они символизируют четырех евангелистов, а окантовка – евангельское учение. Каждый благочестивый старообрядец должен в течение дня отмолиться как минимум семь полных 109-ступенчатых лестовок (см. Вургафт – Ушаков 1996, с.158-159).

В РПЦ вместо лестовки употребляются четки (цсл. вервица) как принадлежность монашествующих, главным образом с 33 шариками (символизирующими 33 года земной жизни Спасителя); их функция – напоминать иноку о всегдашней молитве и служить при подсчете молитв Иисусовых. О числе этих молитв и поклонов в типиконе прямых указаний нет – оно определяется для каждого в отдельности монастырским духовником в соответствии с его духовным состоянием, возрастом, состоянием здоровья, послушаниями, которые он выполняет, а также образом жизни (общежитие, идиоритмия, отшельничество).

Молиться по четкам позволительно и особо благочестивым мирянам, по благословению духовника.

Подручник – реалия, сохранившаяся лишь в старообрядческой культуре (в РПЦ после отмены земных поклонов при патриархе Никоне потребность в подручниках утратилась). Это молитвенный коврик, особым образом сшитый из лоскутов материи квадрат, простеганный и набитый конским волосом или иным материалом, используемый для того, чтобы полагать на него руки при земных поклонах, поскольку во время молитвы руки должны сохраниться чистыми.

Рисунок, по которому сшиваются лоскуты, символизирует девять ангельских чинов. Подручники могут снабжаться ручкой, для того, чтобы было удобнее поднимать подручники с пола, не прикасаясь к полу или к

грязной стороне подручника (Вургафт – Ушаков 1996, с.226-227). Члены любой приходской общины РПСЦ приходят на молитву каждый со своим подручником.

У старообрядческого монашества, как ни странным это может показаться на первый взгляд, также имелись свои специфические особенности в связи с одеждой (старообрядческих монастырей на настоящее время не существует). Так, сохранились подробные сведения об устройстве Иргизских монастырей, располагавшихся в степном левобережье Волги, близ реки Большой Иргиз (ныне Саратовская область), где, по данным на 1828 год, было примерно три тысячи монахов и монахинь (Иргиз был знаменит и богатыми ризницами, библиотеками).

Иночествующие (мужчины) носили особую одежду, совершенно отличную от монашеских одеяний, принятых в РПСЦ: длинная, почти до пят, рубашка, поверх нее черный шерстяной кафтан, ничем не опоясанный; вокруг шеи, сверху кафтана, круглая перелинка с красной оторочкой, на голове круглая, в виде скуфьи, черная суконная шапочка, на которую надевался еще род чехла с очень длинным воротником, от которого шли длинные четырехугольные полы с отделкой по краям из красного снурка – т. н. «кафтырь».

Схимники надевали еще, когда причащались и перед смертью, «подсхимник» – круглую шишоватую шапочку, на которой вышивались кресты с обычными инициалами и по херувиму спереди и сзади, и «схиму» – род священнической епитрахили из грубой белой или бледно-красной волосной ткани.

Одежду инокинь составляли: сарафан, халат, перелинка, как у монахов, черная шапочка без околыша, которая сзади соединялась с круглым воротником с черной оторочкой, а к нему в свою очередь прикреплялся «надгрудник» – своего рода апостольник, без которого ни за трудами, ни во время покоя ни одна монахиня быть не могла; кроме того, на головах у них были черные платки, а на лице черное покрывало, своего рода «наметка» (подр. см. Смирнов 1971, с.136-137).

Очевидно, помимо символики черного цвета (отречение от мира, добровольное принятие на себя скорбей), никаких общих элементов с общепринятой монашеской одеждой тут не было, помимо функционального сходства весьма различных реалий (аналаву, как мы видим, соответствует «схима», власянице – длинная рубашка, рясе – кафтан, камилавке – кафтырь, кукули – подсхимник, апостольнику – надгрудник).

На наш взгляд, своеобразие монашеской одежды старообрядцев также явилось формой протеста, сопротивления «никонианам» в равной мере как и грекам и другим православным того времени, ибо считалось, что лишь одна из Церквей (старообрядческая) сохранила истину, а другие исказили ее: безразличного многообразия «равно-истинных» форм богочитания для старообрядцев быть не могло – они считали, что истина должна быть здесь или там, но не и там, и здесь, и не все равно, где. А внешние

материальные формы священнодействий, так же, как и внешний вид священно-церковно-служителей и иночествующих, считался символическим выражением внутреннего богословского, мистического, даже историософского содержания старообрядческой доктрины. Поскольку основным элементом старообрядческой доктрины являлась верность национальным православным традициям, то и одежда иночествующих изменилась в соответствии с традиционным покроем русской одежды.

Символика внешности (бороды)

Брадобритие у старообрядцев считается серьезным грехом, законно-преступным и даже еретическим проступком. Правда, это не их изобретение – ведь о бритье бороды еще по постановлению знаменитого Стоглавого собора (1551) утверждалось, что оно «не православных предание, но латинская ересь» (Милюков 1994, с.46).

Суть данной квалификации в том, что в брадобритии видели «поругание образа Божия», недовольство внешним обликом, который Творец дал человеку, желание «поправить» Бога. Один из идеологов старообрядчества разъясняет такую позицию следующим образом: «Брадобрийцы губят доброту Богом созданного им образа: при воскресении мертвых и море, и земля, и огонь, и звери, и птицы отдадут всякую плоть человека и жив будет человек, но сбритые волосы с бороды и усов не отдадутся, а без них человек не войдет в Царство небесное» (Смирнов 1971, с.6).

Не удивительно потому, что старообрядцы оказывались сбривать бороды даже под нажимом правительства Петра Великого, предпочитая платить специальную пошлину за бороду и нести тяготы двойного налогообложения (отсюда в раскольничьей среде появились такие пословицы, зафиксированные В. И. Далем: Образ Божий в бороде, а подобие в усах; Без бороды и в рай не пустят; Брить бороду – портить образ Христов; Режь наши головы, не тронь наши бороды, на что «новообрядцы» ответили своими пословицами: Образ Божий не в бороде, а подобие не в усах; Борода – трава, скосить можно – см. Даль 1984, I, с31,33).

Когда брадобритие все-таки стало распространяться среди староверов в XX веке, на Освященных соборах Древлеправославной Церкви Христовой (ныне РСПЦ) по этому поводу высказывались различные суждения: часть духовенства и мирян выступали за самые жесткие меры против, вплоть до изгнания брадобритцев из Церкви, тогда как другие предлагали меры более удобоисполнимые – убеждение, недопущение к целованию креста и икон, строгие епитимии. Сегодня, по официальным оценкам, брадобритие, хотя и «не приняло вида повального увлечения», все же «угрожает возникновением соблазна и нестроения в приходах» (Вургафт – Ушаков 1996, с.55).

Предложенное нами описание старообрядческой коммуникативной культуры, сделанное на нормативном и эмпирическом материале,

показывает, что по ряду параметров вербального, невербального коммуникативного поведения и социального символизма она отличается от норм и традиций, принятых к коммуникативному поведению верующих Русской Православной Церкви. Отличия проявляются в первую очередь в наличии некоторых специфических эндемичных и лакунарных явлений и элементов коммуникативного поведения, характерных исключительно для старообрядческой среды, а затем и в неодинаковой степени интенсивности отдельных коммуникативных признаков по сравнению с православной средой.

Более того, коммуникативная культура и традиция в среде верующих РПЦ по ряду параметров (особенно в области невербального поведения и социального символизма) в целом ближе к традициям и нормам, общепринятым среди верующих в других православных странах, чем к коммуникативной культуре старообрядцев в той же русской речевой и социокультурной среде. Специфические признаки старообрядческой коммуникативной культуры в наибольшей степени проявляются в области системы правил вербального и невербального поведения в сферах семейного общения, общения с одноверцами, общения с инославными, где старообрядцами выработана особая система правил, альтернативных по отношению к правилам, общепринятым как среди православных, так и в секулярном общении России и Европы.

Традиционализм и социальный изоляционизм старообрядческой коммуникативной культуры исходят, с одной стороны, из представления о Древлеправославной Церкви Христовой как единственной хранительнице православной духовности и преемнице святоотеческого наследия, и с другой, из почти три с половиной века назад поставленного староверами «эсхатологического диагноза» о наступлении последнего этапа мировой истории, утрате благодати и воцарении антихриста, что, в свою очередь, имплицитно подразумевает существование гражданского и церковного идеала лишь в невозвратимом прошлом.

Акафистник. – М., 1997.

Бороздин А.К. Протопоп Аввакум. Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII веке. – СПб., 1900.

Булгаков М. История Русской Церкви. Кн. 7-я. – М., 1996.

Булгаков М. История Русской Церкви. Кн. 8-я, ч. 2-я. – М., 1997.

Бургафт С.Г., Ушаков И.А. Русское старообрядчество. Энциклопедический словарь. – М., 1996.

Даль В.И. Пословицы русского народа. В 2-х т. – М., 1984.

Зеньковский С. Русское старообрядчество. Духовные движения XVII в. – М., 1995.

Иноческое келейное правило. – Сергиев Посад, 1997.

Јовановић М. Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС. Магистарски рад. – Београд, 1993.

- Канонникъ. – М., 2001.
- Кончаревић К. Руско старообредништво кроз призму лингвокултурологије (оглед функционалне анализе). - Црквене студије, Ниш, 2006 (у штампии).
- Ключевский В.О. Курс русской истории. Сочинения, т. 3. – М., 1988.
- Костомаров Н.И. История раскола у раскольников. Собр. соч., т. 12. - СПб, 1905.
- Краткий православный молитвослов. – М., 1990.
- Малый домашний уставъ. – М., 1997.
- Милюков П. И. Очерки по истории русской культуры. В 3-х т. Т. 2, ч. 1: Церковь. Религия. Литература. – М., 1994.
- Молитвенникъ. – М., 1988.
- Никольский Н.М. История Русской Церкви. – М., 1988.
- Псалтирь следованная. - Козельск, 1998.
- Розанов В.В. Сочинения. Т. 1. – М., 1990.
- Сенатов В. Философия истории старообрядчества. – М., 1995.
- Смирнов П.С. История русского раскола старообрядчества. - Westmead, 1971.
- Соловьев С.М. История России с древнейших времен. - М., 1991.
- Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения. - Воронеж, 2000.
- Сынъ церковный. В 2-х т. – М., 1995-96.
- Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. - М., 1988.
- Флоровский Г. Пути русского богословия. - Вильнюс, 1991.
- Часословъ. - Черновцы, 2001.
- Шахов М.О. Философские аспекты староверия. – М., 1998.

Коммуникативные жанры

В.В. Дементьев
Саратов

О структуре фатического поля языка

0. Язык не располагает средствами для непосредственного выражения и осуществления фатической коммуникации.

Однако существуют средства организации / упорядочения фатической коммуникации нескольких типов, которые, по-видимому, и составляют фатическое поле, или ауру, языка (Мурзин 1998). В настоящей статье представлен опыт начального структурирования фатического поля языка.

Как известно, противопоставляются два типа фатической коммуникации: первый тип (phatic communion) выделил Б. Малиновский

как такую разновидность речи, которая отражает заложенное в самой природе человека стремление к созданию “уз общности” между людьми и часто выглядит как простой обмен словами (Malinowski 1972).

Р. Якобсон, опираясь на термин Малиновского “фатическая функция”, выделил “сообщения, которые предназначаются для того, чтобы установить, а затем либо продлить, либо прервать общение, т.е. проверить, работает ли канал связи, а также для того, чтобы привлечь внимание собеседника и удержать его в случае надобности” (Якобсон 1975, с. 201). Фатические реплики, сигналы, с функциональной точки зрения, обеспечивают успешность “основной” — нефатической — коммуникации.

Эта оппозиция выступает первым членением средств организации фатической коммуникации. В качестве более частных типов можно выделить следующие:

1. Языковые средства организации фатики.

1.1. Лексические средства: сюда относятся наименования всех компонентов ситуации общения — говорящего, слушающего, коммуникативных отношений и ролей — социальных и межличностных; наименования ситуаций (сфер, стилей) и жанров фатической коммуникации;

1.2. Грамматические средства: это категория направленности речи и вокативы, коммуникативные частицы, местоимения вежливости: русские *ты* и *вы*, французские *je* и *vous* и т. д., составляющие так называемую грамматику вежливости.

Как известно, замена местоимением множественного числа местоимения единственного числа того же лица в Европе впервые зарегистрирована в III в. нашей эры в документах римского государства, возглавляемого одновременно двумя или тремя правителями. Для романских и частично германских языков образцом для применения специальных местоимений вежливого обращения послужил испанский язык; ср.: исп. *Usted* ‘Вы’ (единственное число, от *vuestra merced* ‘Ваша милость’), *Ustedes* ‘Вы’ (множественное число). По этой модели строится и русская система местоименной вежливости.

Использование местоимения 3-го лица вместо местоимения 2-го лица возникло, по-видимому, в результате стремления говорящего из скромности подчеркнуть расстояние, отделяющее его (говорящего) от собеседника. Подготовкой для введения в оборот местоимения 3-го лица послужили косвенные обращения типа *сударь*, *сударыня*, которые в ряде языков использовались без местоимения 2-го лица, например в немецком *Was will der Herr?* (буквально: ‘Что хочет сударь?’) (Майтинская 1969). В некоторых языках система “местоименной вежливости” гораздо более сложно организована, чем в индоевропейских языках, например, в японском и корейском языках. Так, в японском языке простые императивные формы считаются самыми грубыми и используются в речи по отношению к низшим, обычно при большой разнице в общественном

положении между говорящим и собеседником: *Соко-э суварэ!* ‘Садись здесь!’ (офицер солдату). Более вежливое обращение к собеседнику требует более сложной формы, должно быть выражено отношение говорящего к собеседнику и к лицам, о которых идет речь: *Саё: дэ годзаимасу* ‘Да’ (горничная гостиницы постояльцу) (Алпатов 1973).

Хотим обратить внимание на одно интересное явление.

Интерференция стилистических систем двух контактирующих языков (подобно интерференции грамматических структур) состоит в том, что, хотя общая система из двух элементов *ты* ~ *вы* заимствуется, конкретные стилистические значения в разных языках могут различаться. В художественной литературе XIX в. часто отмечается, что французское *вы* звучит менее официально и холодно, чем русское, а русское *ты* более интимно и фамильярно, чем французское. Так, в письме Каренина своей жене (Л. Толстой. Анна Каренина) он нарочно называет ее на *вы* по-французски, чтобы не подчеркивать возникшего между ними отчуждения. В разговорах же с нелюбимым мужем Анна болезненно воспринимает обращение к ней мужа по-русски на *ты*.

Подобные стилистические различия становятся особенно заметны при сравнении переводов на разные языки произведений, содержащих обращения разной степени вежливости. В современном английском языке обращение *you* является недифференцированным, тогда как во французском, русском и польском языках обращения требуют выбора *ты* или *вы*. В этом отношении интересно рассмотреть переводы английских детективных романов, в которых выступает “классическая” пара “сыщик ~ помощник”: Шерлок Холмс ~ доктор Ватсон (А. Конан Дойль), Эркюль Пуаро ~ капитан Гастингс (А. Кристи). По-русски эти персонажи обращаются друг к другу на *вы*, по-французски, естественно, тоже, на польском же языке, где такое же двойное противопоставление форм обращения по вежливости, как во французском и русском (*ty / pan*), они обращаются друг к другу на *ты*, но при этом употребляют формы звательного падежа от фамилий (*Watsonie*), что создает эффект социальной дистанции.

О коммуникативных значениях частиц в разных славянских языках см. (Николаева 1985); в русской диалектной речи и просторечии (Уздинская 1996). Ярким примером модуляции тональности общения может служить японская иллокутивная частица *ne*, которую, по мнению А. Вежбицкой, можно перевести ‘я думаю, вы бы сказали то же самое’ (Вежбицкая 1999, с. 117). Ср. исследование типологии языкового существования в системе японского языка (Алпатов 1990).

Следует обратить внимание на разнородность названных явлений, а также отсутствие четких границ между ними и переходность одного в другое (например, в работе (Huszcza 1980) рассматривается переход польского слова *pan* из существительного в местоимение).

Ни один человеческий язык не выражает и, по-видимому, не может выражать всего разнообразия фатических коммуникативных смыслов

(система языка может концептуализировать лишь отдельные фатические смыслы — ср. метафору как “правила нарушения правил” (Мурзин 1998, с. 14)). В результате этой неопределенности класса фатических средств языка в лингвистической литературе они либо вообще исключаются из системы языка, либо относятся к разряду периферийных, маргинальных, воспринимаются, по образному выражению Е.В. Падучевой, как “ошметки языка и прочая «мелкая сволочь»” (Падучева 1996, с. 224).

2. Речевые средства организации фатической коммуникации. Сюда относятся различные фатические речевые жанры (Дементьев 1999), речевые стереотипы (Норман 1988), формулы речевого этикета, специальные типы иллокутивных актов — перформативы (Henne, Rehbock 1995).

Очевидно, что разным культурам присущи разные речевые жанры. По справедливому утверждению А. Вежбицкой, “Речевые жанры, выделенные данным языком, являются <...> одним из лучших ключей к культуре данного общества” (1997, с. 111). Однако в лингвистике практически не рассмотрен такой важный источник стилистической экспрессии, как нормы речевых жанров и отклонения от этих норм (тем более взаимодействие жанровых норм в разных языках и речевых культурах).

Разные культуры требуют в определенных коммуникативных ситуациях использования средств разной степени эксплицитности, жесткости / формализованности, накладывают ограничения на те или иные темы, слова, идиомы и даже ассоциации, прямые номинации чего-либо. Ср. манеру светского поведения княгини Мягкой в “Анне Карениной” Л. Толстого: нарушения жанровых правил придают особую прелесть и оригинальность такой речи с точки зрения изощренных светских львов и львиц:

– *Как, вы были у Шюцбург?* – *спросила хозяйка от самовара.*

– Были, та chere. Они нас звали с мужем обедать, и мне сказывали, что соус на этом обеде стоил тысячу рублей,— громко говорила княгиня Мягкая, чувствуя, что все ее слушают,— и очень гадкий соус, что-то зеленое. Надо было их позвать, и я сделала соус на восемьдесят пять копеек, и все были очень довольны. Я не могу делать тысячерублевых соусов.

– *Она единственна!* – *сказала жена посланника.*

– *Удивительна!* – *сказал кто-то.*

Эффект, производимый речами княгини Мягкой, всегда был одинаков, и секрет производимого ею эффекта состоял в том, что она говорила хотя и не совсем кстати, как теперь, но простые вещи, имеющие смысл. В обществе, где она жила, такие слова производили действие самой остроумной шутки. Княгиня Мягкая не могла понять, отчего это так действовало, но знала, что это так действовало, и пользовалась этим.

Часто трудно провести четкую границу между средствами языковой и речевой системности, например, гоноративы в японском языке

представляют собой грамматические средства (Алпатов 1973), тогда как в польском языке отнесение их к таковым спорно (ср.: Nuszca 1980; Мишланов 2001). Вопросу о языковом статусе различных коммуникативных явлений посвящена довольно большая литература — см., например, (Булыгина, Шмелев 1997; Карасик 1992; Кравченко 2001; Макаров 1998).

Итак, выделяются две группы средств упорядочения фатического поля языка: языковые и речевые (жанровые) фатические аттракторы, при этом только последние имеют непосредственное отношение к выражению фатической коммуникации.

До сих пор речь шла о прямых языковых / речевых единицах, или использовании их “по назначению”. Однако есть еще два типа:

3. Часто для выражения фатической коммуникации используются языковые / речевые средства в переносном значении (в случае *шутки*, *иронии* и мн. др.). Думается, нет смысла делить их на лексические и грамматические по причине еще большей неопределенности этого класса: источником фатических смыслов может стать как нарушение лексической, так и нарушение грамматической нормы.

Следует отметить, что речевые жанры могут быть как прямым средством осуществления фатической коммуникации (в случае использования жанровых средств “по назначению”, в том числе — в случае использования “по назначению” средств косвенных речевых жанров типа *флирта* или *розыгрыша*), так и непрямым средством (в случае использования прямых и косвенных жанров “не по назначению”).

А. Вежбицкая и К. Годдард выделяют ряд “правил” подшучивания в культуре янкунитьятъяра (аборигены Австралии): использование императивных конструкций, вокативов, возражений, восклицаний и лексических единиц, передающих обиду, обыгрывание родственноролевых ожиданий. Следующий пример — обычный обмен репликами между двумя кузенами (старшим и младшим): *Wati, nyangangi-na-nta! Wati, nyaa manti-n yanu? Kulakula-mra, kungka-kutu-mra*. ‘Я за тобой наблюдал. За чем это ты ходил? Что, захотелось? Ты встречался с женщиной, ведь так?’ (Вежбицкая, Годдард 2002, с. 142).

Многие речевые жанры регулятивны, например, могут выступать показателем близких, доверительных отношений.

А. Вежбицка отмечает, что польский речевой жанр *kawał* (тип “конспиративной шутки”) ценят не за искусность или утонченность (как *dowcipy* “остроумные шутки”), а за чувство корпоративного единения, которое он дает. В семантику речевого жанра *kawał* входит: я могу рассказать это тебе, но есть люди, которым я не могу это рассказать. Большинство таких шуток носит политический характер, выражая национальную солидарность *vis-à-vis* против вмешательства в дела страны извне: против нацистской оккупации во время Второй Мировой войны, просоветского коммунистического режима в послевоенной Польше, раздела страны в XIX веке. Ср. следующий *kawał* 1981 года, когда было

введено военное положение как попытка подавить движение Солидарности. Любую демонстрацию, забастовку или акцию протеста приписывали “экстремистам Солидарности”: “Телесловарь”: 2 поляка – незаконное собрание, 3 поляка – незаконная демонстрация, 10 миллионов поляков – горстка экстремистов (Вежбицкая, Годдард 2002, с. 150-151).

Пример, когда используется не по назначению, со скрытой, однако достаточно легко устанавливаемой целью косвенный речевой жанр: в рассказе “Сапожки” В. Шукшина Сергей ссорится с продавщицей, в качестве оскорбления используя флирт:

– Да не гляди ты на меня так, милая, женатый я! Я понимаю, что в меня сразу можно влюбиться, но... что я сделаю? Терпи уж, что сделаешь? Так где, говоришь, контроль-то?

В связи с этим скажем несколько слов о национальной обусловленности русского и польского флирта. Рассмотренный материал показывает их значительное сходство. Практически все отмеченные свойства флирта являются универсальными для обеих культур. Но говорить о полном тождестве было бы преувеличением. В этой связи нам представляются показательными некоторые отличия польских переводов рассказов В. Шукшина от текста оригиналов. Так, приведенный пример из рассказа “Сапожки” в переводе выглядит так:

– *He? No, przestańże, kochana, tak wlepiąć we mnie ślepka, ja już mam żonę. Wiem, że baby z miejsca tracą dla mnie głowę, ale cóż na to poradzę? Jakoś to przeżyjesz, trudno. Więc gdzie...*

Указывают на то, что в ситуации ссоры используется флирт, фамильярное *baby* и ласковое *ślepka*. Интересно, что в русском варианте Сергей оправдывается перед собой: *Нардо же (было) так уесть бабу. А вот не будешь психовать зря*. В польском варианте — *Trzeba było od razu utrzyć babie nosa, przestałaby pokazywać swoje humory...* — Сергей и не думает оправдываться, наоборот, жалеет, что сразу не применил этот прием.

Рассмотрение флирта в категориях речевых жанров оказывается весьма эффективным как во внутрикультурном аспекте, так и в рамках кросс-культурного анализа. Отметим, что флирт как речевой жанр является производным от флирта как жанра поведенческого. Показательно существование невербального флирта:

Nowa pacjentka... do połowy obnażona leżała na sofce... Bezpośrednio przyłożyłem ucho do jej kształtnych piersi. Dalibóg i tym razem usłyszałem mało. Nasze serca – jej i moje – tłukły wesołego galopada, a ja coraz śmieiej wędrowałem uchem po aksamitnej, przytulnej powierzchni. Z całą pewnością przerwałbym tą beczelną nieco wędrówkę, gdybym wyczuł ze strony pacjentki najmniejszy chociaż protest. Ale wręcz przeciwnie, jej rozkoszne drżenie i kocie, pieszczotliwie dyskretne ruchy przyprowadzały mnie o zawrót głowy. Niedwuznacznie przy tym podstawiała mi to jedną, to znów drugą pierą... (W. Korabiewicz, “Złowiłem życie”).

4. До сих пор речь шла о прямых и непрямых языковых / речевых средствах, которые в принципе можно использовать и “по назначению”, то есть о конвенциональных средствах. Однако конвенциональные средства

могут выражать лишь незначительную часть фатического поля языка. Очень многочисленная, хотя и неопределенная группа средств вообще не может быть использована “по назначению”, то есть эти единицы не имеют прямых значений. Эти-то лингвистически неопределенные средства и составляют ядро фатического поля языка (см.: Дементьев 2000).

По замечанию М.М. Бахтина, диалогические отношения не поддаются грамматикализации (Бахтин 1996, с. 174). Например, пропозиция сообщения Нас в купе пока всего двое вступает в противоречие со смыслом данного высказывания — заполнителя паузы в ситуации вынужденного общения, когда молчать неловко (как, впрочем, и пропозиция любого другого высказывания в подобной ситуации). В фатической коммуникации на любом человеческом языке основная часть коммуникативных смыслов передается невербально (см. Горелов 1980; Карасик 1992, с. 50). Взаимодействие вербальных и невербальных элементов коммуникации имеет сложный характер: вербальный и невербальный каналы коммуникации используются одновременно, при этом за невербальным каналом закреплена функция регулирования межличностных отношений участников общения. В случае же вербализации этой функции происходит накладка двух способов регулирования межличностных отношений.

Исследования (Гольдин 2001; Дементьев 2002) показали, что средства организации игровой коммуникации делятся на в большей степени жесткие для соревновательных игр (например, игры в “Прятки” или в “Войну”) и менее жесткие для несоревновательных игр (например, игры девочек в “Магазин” или в “Дочки-матери”). Только в случае соревновательных игр можно говорить о собственно правилах (для разрешения конфликтов, постоянно возникающих в процессе соревновательных игр, привлекаются судьи). В случае несоревновательных игр “правила” представляют собой требование правдоподобия, соответствия некоей сфере жизни.

Правила соревновательных игр легче сформулировать, поэтому эти игры значительно более полно описаны. Однако описание и систематизация правил еще не является осмыслением креативной сущности этих игр. К сожалению, систематизация игровой коммуникации обычно осуществляется не на основе свойств собственно игры, а на основе чего-то другого. Собственно креативная формализация речи практически не рассматривалась отдельно от формализаций совершенно иного рода, прежде всего языковых. Так, большинство исследований языковой игры касается только ее языковой стороны, которая наиболее доступна описанию в традиционной лингвистической терминологии (см., например Гридина 1996; Санников 1999). Однако языковая формализация не имеет непосредственного отношения к игре, передаче и приему игровых коммуникативных смыслов, поскольку игровая коммуникация (языковая игра, ирония, различные речевые жанры комического) основывается на не прямой коммуникации.

Очень сложно исчислить действие всех механизмов комического и определить, в чем сущность комического вообще. Как известно, это не удалось сделать Аристотелю. Наверное, это вообще невозможно, поскольку фатическое поле языка не выражается средствами формализованных аттракторов в целом.

Итак, фатическое поле языка составляют средства организации фатической коммуникации разных типов. Среди них есть высоко формализованные (стандартные, конвенциональные, однозначные) средства, к которым относятся все языковые средства, а также те речевые средства (в том числе косвенные), где высока степень ригидности (жесткости). Однако среди средств организации фатической коммуникации есть и плохо формализуемые, неконвенциональные средства, причем именно они составляют ядро фатического поля языка.

Алпатов В.М. Категории вежливости в современном японском языке. - М., 1973.

Алпатов В.М. Вариативность японского языка в связи с типами языкового существования // Типология и грамматика. - М., 1990.

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе "Проблема речевых жанров". Проблема текста // Бахтин М.М. Собрание сочинений в пяти томах. Том 5. Работы 1940-х — начала 1960-х годов. - М., 1996.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). - М., 1997.

Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи. - Саратов, 1997. - Вып. 1.

Вежбицкая А. Культурно-обусловленные сценарии: новый подход к изучению межкультурной коммуникации // Жанры речи. - Саратов, 1999. - Вып. 2.

Вежбицкая А., Годдард К. Дискурс и культура // Жанры речи. - Саратов, 2002. - Вып. 3.

Гольдин В.Е. Ассоциативный эксперимент как речевая игра // Жизнь языка: Сб. статей к 80-летию Михаила Викторовича Панова. - М., 2001.

Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. - М., 1980.

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. - Екатеринбург, 1996.

Дементьев В.В. Фатические речевые жанры // Вопросы языкознания. 1999. № 1.

Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры. - Саратов, 2000.

Дементьев В.В. Креативная формализация речи // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое. - Волгоград, 2002.

Карасик В.И. Язык социального статуса. - М.; Волгоград, 1992.

Кравченко А.В. Знак, значение, знание. Очерки когнитивной философии языка. - Иркутск, 2001.

Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. - М., 1969.

Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. - Тверь, 1998.

Мишланов В.А. «Грамматика вежливости», или речеведение польски // Речеведение. - Н. Новгород, 2001. - Вып. 2.

Мурзин Л.Н. Полевая структура языка: фатическое поле // Фатическое поле языка (памяти профессора Л.Н. Мурзина). - Пермь, 1998.

Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании на материале славянских языков. - М., 1985.

Норман Б.Ю. К социо- и психолингвистической интерпретации некоторых стереотипных реплик в стандартных ситуациях // Русский язык / Межвед. сб. БГУ. - Минск, 1988. - Вып. 8.

Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). - М., 1996.

Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. - М., 1999.

Уздинская Е.В. Частица “-то” в русских диалектах и в разговорной речи (функциональный аспект). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1996.

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: “за” и “против”. - М., 1975.

Henne H., Rehbock H. Einführung in die Gesprächsanalyse. 3., durchg. und erw. Aufl. Berlin; New York, 1995.

Huszcza R. O gramatyce grzeczności // Pamiętnik literacki. Wrocław etc. 1980. Rocz. 71. Z. 1

Malinowski B. Phatic Communion // Communication in Face-to-Face Interaction. Harmondsworth, 1972.

Милина Иванович-Баришич
Белград

Общение живых с мертвыми в посмертном ритуале

Самыми важными моментами, связанными с существованием каждого отдельного человека, а тем самым и социального коллектива, в котором он проживает, являются рождение, свадьба (т.е. бракосочетание) и смерть. Эти события в большей или меньшей степени нарушают установившийся уклад жизни в рамках одного социального коллектива. Это, одновременно, дает возможность всем членам социального коллектива выполнять соответствующим способом ритуальные действия, установленные традицией. Цель совершения ритуалов, предусмотренных для данного случая, состоит в том, чтобы помочь в преодолении наступившего временного общественного неравновесия. Понимаемые таким образом ритуалы становятся своего рода регуляторами общественного поведения.

Сам термин общение подразумевает, что коммуникативные события нуждаются в нескольких видов участников, прежде всего – адресантов и

адресатов посланий.⁴¹ Принято считать, а это на практике самое частое явление, что общение разворачивается вербальным путем. Однако в некоторых случаях общение может выражаться и другими способами (специфическими жестами или определенными обрядовыми действиями). Общение дает возможность участникам ритуала иметь совместное коммуникативное переживание, устанавливаемое путем множества различных чувственных каналов.⁴²

В данной работе речь пойдет только о некоторых видах общения в посмертном ритуале, которые в прошлом у сербов играли большую роль. Это общение, которое живые «совершают» с мертвыми. Оно состоит из двух этапов: 1) в год траура это *поминки* (заупокойные молитвы) и *субботы* как обязательные дни для «посещения» покойника (т.е. могилы – места его погребения); 2) в определенные дни в течении календарного года – так называемые *задушнице*.

Смерть неотвратима и она, как неизбежность, противостоит понятию жизни. Она означает переход человека из здешнего в потусторонний или, как это определил народ – иной мир. Итак, смерть в нашем народе понималась как отделение души от тела. Это означает, что смерть не является полным концом, смерть лишь повод, открывающий возможность подхода к иному пространству – к пространству вечности и сохранности.

Соответственно общенародному пониманию, в каждом человеке существует одно нематериальное, т.е. невидимое «существо», являющееся его сущностью и делающее его живым и активным. Это «эфирное» существо имеет название *душа*. Разумеется, такое понимание человеческой жизни подразумевало и соответствующее понимание смерти. Человек жив потому, что у него есть душа. Если душа покинет его тело, он должен умереть. Указанное понимание должно было бы означать, что после смерти остается тело, которое разлагается, и душа, которая продолжает существовать самостоятельно.⁴³ К данному выводу направляют и выражения, которые можно услышать, когда говорят, что кто-нибудь не может «легко» умереть, а именно: «тяжело расстается с душой».

Данный факт является одной из важнейших причин того, что в традиционной культуре сербского народа поддерживалось специфическое отношение к мертвым. В частично измененной форме этот «специфический» прием общения с мертвыми сохранился вплоть до нашего времени.

У всех народов мира смерть является событием, приводящим не только семью, но и более широкий социальный коллектив, в своего рода «чрезвычайное положение». Имея в виду сербское народное поверие о том,

⁴¹ Del Hajmz, *Etnografija komunikacije*, XX vek, Beograd 1980, 27-28.

⁴² Edmund Lič, *Kultura i komunikacija*, XX vek, Beograd 1983, 64; Dušan Bandić, *Komunikacijski koncept religije*, Carstvo zemaljsko i carstvo nebesko, XX vek, Beograd 1977, 7-31.

⁴³ Душан Бандић, *Народна религија Срба у 100 појмова*. – Београд, 1991, с. 246-247.

что человек, отчасти в измененной форме, переживает свою смерть, то и обрядовое поведение живых приспособлено к данным обстоятельствам.⁴⁴

Почитание покойника было в прошлом очень развитым у сербов, а проявлялось оно в памяти о предках, высказыванием внимания к близким и далеким умершим родственникам, особенно к тем, которые рано умерли. По этим причинам, со смертью взрослой особы связаны установившиеся ритуалы, цель которых не только определение поведения живых, но и облегчение «нового» вида существования покойнику.

В прошлом широко верили, что не только души покойников, но и души предков влияют на существование живых. Считали, что их фиктивная причастность к жизни социального коллектива настолько велика, что любое более значимое событие немыслимо без них, т.е. без их кажущегося присутствия. «Поэтому естественно, что в рамках традиции формируется специфическое отношение между социальным коллективом и духами его предков. Это отношение проявляется в магическо-религиозной практике, где живые стараются заставить духов предков совершать действия, полезные для социального коллектива. Как и в культе покойников, данная практика регулируется системой указаний, рекомендующих исполнение одних и избежание других поступков»⁴⁵.

Смерть человека всегда сопровождается определенными, традицией установленными правилами, с помощью которых в данной ситуации регулировалось поведение членов семьи, а также более широкого социального коллектива. Соблюдением заранее назначенных ритуальных правил, члены социального коллектива старались создать умершему как можно более благоприятные условия для его дальнейшего «существования». Обряды, проводимые живыми, должны были действовать на судьбу мертвых, показывая одновременно, как живые видят эту их «новую» судьбу. Данное понимание можем определить как символический язык, с помощью которого соответствующее общество выражает свою «беседу» о смерти, причем, одновременно, это является и представлением о загробной жизни.

Согласно эмпирическому материалу, имеющемуся в наличии, а также личным исследованиям автора, в сербском народе преобладает понятие о постепенном переходе покойника из сферы жизни в сферу смерти. Этот переход, как это показывает обрядовая практика, продолжается с момента смерти до окончания первой годовщины. Это период, в котором живые

⁴⁴ В соответствии с более ранними исследованиями, древняя религия основывается на анимистическом понимании мира, следовательно и смерти. См.: Шпиро Кулишић, *Стара српска религија и митологија*, Српски митолошки речник. – Београд, 1998, XIII-XX; Dušan Bandić, *Posmrtno umirawe u religiji Srba*, Carstvo zemaljsko i carstvo nebesko, XX vek, Beograd 1997, 67-84; Бојан Јовановић, *Магија српских обреда*, Просвета, Ниш 2001, 7-12, 34-37.

⁴⁵ D. Bandić, *Tabu u tradicionalnoj kulturi Srba*, XX vek, Beograd 1980.

разными способами пытаются установить общение с мертвым членом семьи, а также помочь ему обрести на веки покой на одном месте.⁴⁶

Период перехода души из «старого» в «новый» вид существования состоял из двух этапов: первый - период первых сорока дней после смерти, в течение которого душа все еще не отделилась полностью от тела и, тем самым, от мира в котором проживала до тех пор; второй - период после сорока дней до окончания первой годовщины со дня смерти; это период, в течение которого покойник полностью переходит в мир мертвых.

На основании сказанного выходит, что покойник в течении первого года после своей биологической кончины не находится ни здесь ни там. Он, в сущности, где-то между жизнью и смертью. В соответствии не только с народным поверьем, но и обрядовым поведением, в течение первого года после смерти, покойник одновременно и живой и мертвый.⁴⁷

После этого периода наступает третий этап, когда, соответственно народному пониманию, душа окончательно находит свое место⁴⁸, в связи с чем прекращается потребность в прежнем виде общения (справление поминок, посещение могилы по субботам и т.п.). После этого периода общение продолжается в особые дни в течение календарного года – задушниці, а также в дату смерти в течение последующих десять лет.

Как уже было сказано, самым очевидным способом общения в течение первого года со дня смерти являются *поминки* и *субботы* как категория поминальных дней, когда посещают могилу и когда ставят памятник. После истечения года, и с окончанием семейного траура, могила становится самым важным местом продолжения общения не только с новыми, но и со старыми покойниками.⁴⁹

Кроме того, что они являются начальным периодом общения с покойником, *поминки* одновременно суть и церемонии, с помощью которых специфическим способом «предоставляется возможность» встречи живых с умершим (прежде всего с его душой), они являются неизбежной частью посмертного ритуала только в год траура. Это означает, что встреча, т.е. мнимое общение с покойником, возможно только, если организуются поминки, т.е. если исполняются ритуальные обязанности живых родственников, предусмотренные традицией. Поэтому родственники стараются выполнить все свои обязанности этого рода в соответствии с правилами, установленными традицией. Организация

⁴⁶ Слободан Зечевић, *Култ мртвих код Срба*. – Београд, 1982. - с. 101-103.

⁴⁷ D. Bandić, *Posmrtno umiranje...*, 69.

⁴⁸ Памятник на могиле имеет функцию окончательно привязать душу к одному месту. Именно по этим причинам живые родственники стараются поставить памятник умершему до исхода первой годовщины. О роли и функции надгробного памятника см.: Миливоје Павловић, *Камен станац и везивање душе* – фолклористичко-семантичка расправа, Гласник Етнографског института САНУ II-III (1953-1954). – Београд, 1957. – с. 611-660.

⁴⁹ См. больше в уже упомянутой работе: М. Павловић, *Камен станац и везивање душе* .- с. 611-660.

ритуальных пиршеств указывает на то, что покойник, как существо, находится вне пределов досягаемости живых, и по этим причинам с ним больше невозможно установить иной вид контакта, кроме данного.

Поминки организуются в установленное традицией время, различия, существующие между отдельными областями, в основном незначительны. В соответствии с практикой, поминки проводятся в день погребения (после похорон), после семи дней, после сорока дней, после шести месяцев и после года со дня смерти. Итак, в общем их оказывается пять в году, а временные интервалы между двумя поминками становятся со временем длиннее.

«Из описания поминок угадывается и причина прекращения общения: а именно, подразумевается, что душа на пиршество приходит из того мира, из царствия мертвых. Она, очевидно, живет в одном мнимом мире, который, по общим убеждениям, находится где-то далеко – там, где Солнце заходит, за морем, на небе или в недрах Земли. Как будто пространственное разделение живых от умершего обуславливает и то другое, коммуникационное. Так как покойник находится ‘далеко’, возможность соприкосновения с ним значительно сокращается. Нужен ритуал, чтобы встреча могла состояться. Образ неизмеримого пространства, разделяющего покойника и живых, является лишь символическим, мифологическим выражением его трансформации во что-то ‘иное’, его перехода в качественно иную экзистенциальную плоскость, в одно новое ‘измерение’»⁵⁰.

Желая превзойти естественную данность смерти, люди в рамках своих магических представлений создали определенные образцы поведения, как непосредственный ответ на ее явление⁵¹. По этим причинам «связи» живых с мертвыми не прекращаются с похоронами. Они поддерживаются по двум причинам – из уважения к покойнику, и из мистического страха перед покойником и его мстостью. Посещение могилы покойника считалось обязательным в течение года со дня смерти. Это означает, что общение, выполняемое посредством посещения могилы покойника, было не только регулярным, но и обязывающим, особенно для ближайших родственников.

После прекращения периода глубокого траура общение с «новым» покойником и с другими мертвыми семьи продолжалось в день общих календарных праздников, посвященных мертвым – в день поминовения мертвых, *задушници*. Это дни, когда упоминаются все мертвые и когда для них готовятся коллективные угощения. В прошлом почти каждый дом имел свои так называемые *синодики*, т.е. списки всех умерших членов семьи, даже и самых дальних родственников, которые поминались в эти дни⁵².

⁵⁰ D. Bandić, *Posmrtno umiranje...*, 76.

⁵¹ Б. Јовановић, *Магија српских обреда...*, 145.

⁵² С. Зечевић, *Култ мртвих код Срба...*, 73.

У сербов *задушници* проводятся в определенные дни в течение года, чаще всего в субботу Мясопустной недели, в субботу перед Пятидесятницей и в субботу перед днем св. Дмитрия, хотя, в зависимости от района, они могут быть связаны и с другими календарными праздниками (например, первый понедельник после Пасхи – *чистый понедельник*)⁵³. В дни задушниц, как правило, каждая семья должна была прийти на могилы своих мертвых и устроить пир для всех мертвых из семьи, подобно тому, как устраивались и поминки, предназначенные исключительно для нового покойника. Согласно поверьям, на этих пирах присутствуют все мертвые, а поведение живых может непосредственно повлиять на их судьбу на том свете.

Именно для этого и существуют определенные запреты, относящиеся ко всем действиям, которые могли бы повредить умершим. Так, на пример, из принесенной еды нельзя ничего есть до того, как будет поделена на души мертвых, в обратном случае они остались бы ущемленными. В некоторых районах в эти дни не рекомендуется работать с иглой (т.е. с железом), а также в поле и т.п.⁵⁴. Так как *задушници* являются днями, посвященными памяти о мертвых, они, одновременно, являются и днями, когда живые приходят в непосредственный контакт с мертвыми, которые таким образом не предаются забвению, или, хотя бы, их имена⁵⁵.

В течение этих дней живые вспоминали знакомых и незнакомых покойников. Им главным образом приносили еду и выпивку. Сам термин *задушнице* означает, что это дни, когда мертвыми подается «за душу». В основе всего этого лежит поверие о возможности контакта со всеми умершими душами, о том, что это время, когда есть возможность угостить их и попотчевать.

Задушницы устраивались на кладбище, а в отдельных районах они продолжались и дома. Они, как и поминки, проводились почти исключительно по субботам, так как, согласно поверьям сербов, суббота день мертвых. На кладбище накрывалась трапеза, еда и питье предназначались для всех умерших членов семьи.

Придя на могилу, сначала нужно совершить каждение, чтобы запах ладана дошел до мертвых и улучшил их настроение. Затем зажигаются свечи, могилы поливаются вином, а памятники украшаются цветами.

Священник, также имел определенную функцию в задушнице. Он обходил могилы и освящал их. После этого начинался пир, в течение которого женщины обменивались едой, фруктами и выпивкой. Угощали и случайных прохожих и нищих, которые в большем количестве собирались

⁵³ Миле Недельковић, *Годишњи обичаји у Срба*. – Београд, 1990. с. 93-94. По результатам недавних исследований, в некоторых районах Сербии всего лишь несколько десятков лет тому назад был широко распространен обычай идти на кладбище и нести еду мертвым перед каждым праздником.

⁵⁴ На основании личных исследований автор может сказать, что эти запреты все меньше соблюдаются.

⁵⁵ D. Bandić, *Tabu u tradicionalnoj kulturi Srba...*, 180-181.

на кладбище. Оставленные на могиле еда и питье означали, что это предназначено для мертвых.

По окончании всей церемонии люди расходятся по домам. В некоторых районах угощение продолжалось и дома, но в более узком, семейном круге. Церемония этих задушниц постепенно была сокращена и упрощена, а само угощение не было особенно богатым. В некоторых районах Сербии задушницы продолжались и на следующий день, когда женщины носили гостинцы соседям и родственникам. Это повторялось до тех пор, пока не было бы разделено все, что было приготовлено по этому поводу. Соседка или родственница принимала гостинец и сама отдавала свой, предназначая еду своим мертвым. Так как этот обмен происходил во всей деревне одновременно, создавалось впечатление какого-то общего переполоха.⁵⁶

Кроме всеобщих задушниц, которые устраивались для всех покойников (без исключения) – а самые важные были весенние и осенние, – существовали и дни, которые определенным образом посвящались преждевременно умершим членам семьи. Этот вид «подушья» предназначался, в основном, умершим детям⁵⁷.

Эти дни связаны с определенными календарными праздниками. Для обозначения «подушья» этого рода существенным являлся не день, а праздник, так как в зависимости от праздника приготавливались угощения, предназначенные мертвым. Значит, эти дни посвящались только некоторым покойникам из семьи, и были связаны только с предназначением им определенных видов угощений.

Так, например, матери у которых умерли дети, не ели яблок раньше Петрова дня, когда первые плоды предназначали детям. То же самое относилось и к первой клубнике. Созревшая клубника первым делом предназначалась умершим детям.

Предметом культа мертвых являлась также и кукуруза. Ее варили накануне дня св. Ильи или на праздник Успения Пресвятой Богородицы и разделяли ее, предназначая мертвым за душу – дома или на кладбище.⁵⁸ Белый виноград также нельзя было есть, прежде чем его предназначат умершим в день святого Ильи.

Подобным образом относились и к другими плодам, прежде всего к фруктам, которые сначала предназначались «за душу», в порядке поспевания (созревания), а только потом съедались домочадцами.⁵⁹

Посмертные обряды являлись, а в некоторой степени это так и по сей день, теми удобными случаями, когда живые выполняли своего рода долг по отношению к мертвым, отдавая им все, что считали им нужным, прежде

⁵⁶ С. Зечевић, *Култ мртвих код Срба...*, 79-80; Тот же, *Култ мртвих и самртни обичаји у околини Бора*, Гласник Етнографског музеја 38. – Београд, 1975. – с. 160-161.

⁵⁷ Слободан Зечевић вводит для этих дней название *специальные задушници*. Иной вопрос отвечает ли название содержанию. См.: *Култ мртвих код Срба...*, 81.

⁵⁸ С. Зечевић, *Култ мртвих...*, 79-80; Тот же, *Култ мртвих и самртни обичаји...*, 161-165.

⁵⁹ Исследование сделано 2002 года в окрестностях Белграда.

всего еду, питье, свет и др. В этот день женщины не занимались повседневными делами для того, чтобы все предназначенное мертвым могло дойти до них.

Обрядовое место (т.е. пространство могилы, кладбища), обрядовые действия, совершаемые в данном случае, а также обрядовые реквизиты, являются, по мнению коллектива, самыми важными условиями общения живых и мертвых.

Самым важным является существование могилы, так как без нее и не было бы возможности этого вида общения. Она является местом высказывания не только боли и тоски, но и памяти.

Определенные обрядовые действия, как и использование определенных обрядовых реквизитов, должны, по мнению членов коллектива, дать умершим возможность получить все, что им нужно. Самыми важными обрядовыми действиями, с помощью которых осуществлялось общение между живыми и мертвыми, являются: приготовление и ритуальный взаимный обмен едой и питьем, посещение могил, зажигание свечей, каждение могил, поливание вином, украшение цветами и базиликом. Из этого следует, что самыми важными предметами общения в посмертном ритуале являются еда, питье, свечи, ладан, вино, цветы и базилик. Каждая из этих вещей имеет свою функцию, в связи с чем необходимо, чтобы живые употребили их при посещении могил - ведь только в таком случае мертвые получают все, что им необходимо.

В народном понимании дни поминовения (напр. *субботы, задушницы*) являются праздничными, так как это подразумевает определенный вид поведения членов общественного коллектива. Как и в отношении других праздников, было четко предусмотрено, что разрешается делать и что необходимо делать. Также были установлены различные запреты, которые было необходимо соблюдать.

В данном случае это означало, что, работая на праздник, мы не воздаем должное тем, которым указанный день посвящается. Продолжая заниматься делами на праздник, посвященный мертвым, люди могли бы вызвать гнев душ покойников и, в следующей стадии, это могло бы даже обернуться некоторого рода мстью.

Здесь необходимо подчеркнуть, что, несмотря на то, что люди в основном соблюдают обычаи посмертного ритуала и соблюдают дни поминовения в смысле регулярного посещения в эти дни могил умерших родственников, запреты, относящиеся к правилу избегания работы после посещения кладбища соблюдаются все меньше.

Жизнь людей в коллективе характеризуют определенные модели поведения, с помощью которых регулируется отношение индивидуума к другим членам среды. Самым выразительным видом установления данного отношения является общение.

В так называемые *задушные дни* люди понимают, что имеют особым видом общения, которое отчасти совершается словесным образом, с

помощью языка, а отчасти независимо от него – с помощью несловесного поведения.

Продолжая традицию, люди стараются, чтобы их предки не ушли в забвение, что бы их не покрыла тьма.

Национальные особенности языкового сознания

Н. В. Аленькова
Воронеж

«Горестное чувство» в русских паремиях

Национальные пословицы и поговорки в краткой, сжатой форме выражают некоторые когнитивные стереотипы, свойственные национальной концептосфере народа. В паремиях заключена народная оценка жизни, наблюдения народного ума. Михаил Шолохов писал о пословицах и поговорках: «... беспрерывно промываются временем и шлифуются рассыпанные золотые крупницы народной жизни, борьбы и традиций бесчисленных поколений». Смысловое пространство паремий объективирует интерпретационное поле концепта и отражает разнообразные когнитивные признаки и стереотипы, скрытые от прямого наблюдения.

Объектом нашего исследования являются русские пословицы и поговорки, отражающие народное осмысление горестного чувства. Представление о горестном чувстве отражено более чем в 830 единицах русского паремиологического фонда.

Горе, печаль, тоску, страдания, беды переживают все люди независимо от положения в обществе и количества денег:

И через золото слёзы льются; Богатые тоже плачут; Беда и богатого мужика бездолит; И скоморох ину пору плачет; Беда не по лесу ходит, а по людям; Грех да беда на кого не живёт?; От сумы да от тюрьмы не отрекайся.

Горе, несчастье, беда находятся всегда рядом и не надо об этом забывать:

Не радуйся чужой беде, своя на гряде; Думы за горами, а смерть /горе/беда за плечами; Смерть /горе/беда не за горами, а за плечами; Беда висит над головой.

Если наступает у человека чёрная полоса в жизни, на его голову часто сыплются неприятности одна за другой:

Беда не приходит одна; На бедного Макара все шишки валятся; Час от часу не легче; Горе молчать не будет; Беда бедой беду затыкает; Беда беду накликает; Беда беду родит; Беда беду родит - третья сторона сама бежит; Беда беду родит, бедой сгубит, бедой поминает; Беда поездом ходит; Беда на беду идёт; Беда не живёт одна; Лихо одну беду нажить, а та беда другую наживёт; Пришла беда - жди и другой; Я от горя - оно ко мне вдвое.

Горе, печаль и тоска обладают разрушающей силой:

Лихо беде напасть, скоро можно пропасть; Горе, что стрела разит; Кручина иссушит в лучину; Кручина с ног собьёт, нужда и вовсе заклюёт; Беда /горе семерых задавила, а радость одному досталась.

От горестного чувства очень трудно избавиться:

Горе не сживёшь скоро; Беда не дуда: поиграв не кинешь; Горе - что море: ни переплыть, ни выплакать; Трудно тому, коли беда придёт к кому; Этой беды не заспишь, не заешь; Беду скоро наживаешь, да не скоро выживаешь; Нашего горя ни утопить, ни закопать; Ты от горя тетеришься, а оно к тебе голубится; Нашего горя и топоры не секут.

Чужое горе не принимается близко к сердцу:

Чужую беду/ печаль руками разведу, а к своей ума не приложу; своё горе - велик желвак: чужая болячка - почесушка; Чужая беда – смех: своя беда - грех; Чужое горе полусилою горевать.

Видя много горя и сильно страдая, человек перестаёт принимать все близко к сердцу:

На погосте жить, всех не оплачешь; Всего горя не переплачешь; Не всё горе приплакать, не всё притужить; Не всё горе притужить, иное с плеч свалить; Сколько ни жить, обо всём не перетужить; Дальше горя - меньше слёз.

Человек часто остаётся наедине со своим горем:

В радости сыщут, а в горести забудут; Все видят, как веселюсь, а никто не видит как плачу; Один и дома горюет, а двое и в поле воют.

Там, где царит понимание, любовь, веселье и оптимизм, горе переживается легче или оно вообще не ощущается:

Кто умеет веселиться, горя не боится; Где любовь да совет, горя нет.

Одиночество - причина многих бед:

В сиротстве жить - слёзы лить; Горькому Кузеньке - горькая и долюшка.

Слёзы не избавляют человека от горестного чувства:

Слезам горю не поможешь; Что о том слёзы лить, чего не воротить; Большие плачешь - меньше скачешь; Плакать не смею, тужить не велят.

Размышления и природные явления также не в силах помочь пережить тоску, горе:

Солью сыт не будешь, думую горя не размыкаешь; Ветры кручины не размыкают.

Печальные известия распространяются очень быстро:

Худые вести не лежат на месте; Беды да печали на почтовых примчали.

Сердце человека чувствует приближающееся горе:

Сердце-вещун чует добро и худо.

Виновниками бед и страданий являются сами люди по своей глупости, невежеству и неосмотрительности:

Беда - глупости сосед; Иди скоро - нагонишь горе: иди тихо - тебя нагонит лихо; Не вороши беды - коли она спит; Не ищи беды: беда сама тебя сыщет.

Знания, широкий кругозор также причиняют человеку страдания:

Горе от ума.

Дети приносят своим родителям много горя и страданий:

Без детей горе, а с детьми вдвое; С малыми детками горе, а с большими вдвое.

Горе накладывает отпечаток на поведение, внешний вид и внутреннее состояние человека:

Горе одного только рака красит; В добром житье кудри вьются, в плохом секутся; Видна печаль по ясным очам, кручина по белу лицу; Где горе, тут и слёзы; От радости кудри вьются, в печали секутся; Горе косицу белил; Горе не молодит; День меркнет ночью, а человек печалью; Железо ржа поедает, а сердце печаль изнуряет; Знать по очам, какова печаль; Не годы старят, горе; Печаль не красит, горе не цветит; Повесил головушку на праву сторонушку; Радость прямит, кручина крючит; С печали не мрут, а сохнут; С печали шея равна с плечами; У горя и слёзы; С тоски вольного свету не видим; Придёт беда - не пойдёт на ум еда.

Горе "закаляет" человека, учит его жизни:

Кто в нужде/горе не бывал, тот её и не знал; Беда вымучит, беда и выучит; Беды человека научают мудрости; Натерпишься горя - узнаешь, как жить; Не видав горя, не узнаешь и радости; Не было бы счастья, да несчастье помогло; Научит горюна чужая сторона; Не вкусив горького, не узнаешь и сладкого; Придёт беда - купишь ума.

Чужое горе ничему не учит:

Чужая беда не даёт ума; Чужая беда не учит.

Много страданий приносит человеку тоска по родине, любимому:

Домашняя дума в дорогу не годится; На чужбине берёзка, как домашняя слёзка; Не вижу - душа мрёт, увижу - с души прёт; Охала Меланья, что уехал Ананья; Оханье тяжело, а вздыханье и того тяжелее; На чужбине и собака тоскует.

В горести человек часто обращается к Богу, надеется лишь на помощь свыше:

Плачься Богу, а слёзы - вода; В беде не унывай, на Бога уповай!; Всего горя не переплечешь: даст Бог, ещё много впереди; От всякой печали Бог избавляет; Подумаешь - горе, а раздумаешь - власть Господня.

Горе и радость постоянно чередуются, иногда можно испытывать эти чувства одновременно:

Временем в краске, порою в черне; Иной пляшет, иной плачет; Что день, то радость, а слёз не убывает; Где горе, там и смех; Где грех, там и смех; И смех, и грех; Где радость, тут и горе; Где горе, там и радость; После грозы ведро, после горя радость; Ни радости вечной, ни печали бесконечной.

Лучшие лекари печали, горя, тоски - время, позитивные чувства, терпение и уверенность в том, что светлая полоса обязательно настанет:

Все проходит - боль, терзанье, время лечит все страданья; Время лечит; Все беды пропадут, в воду уйдут; Носи платье, не складывай: терпи горе, не сказывай!; Переложил печаль на радость; Час в добре пробудешь - всё горе забудешь; Бог терпел и нам велел; Терпи горе, пей мёд; Улыбка горе уменьшает, в беде утешает; После грозы - ведро, после горя - радость; И на нашей улице будет праздник; После ненастья выходит солнце, после печали приходит радость.

Рассмотренные паремии позволяют реконструировать концепт горестное чувство в русском сознании — в том виде, в каком он представлен, объективирован русским паремиологическим фондом.

Для русского когнитивного сознания горестное чувство объединяет понятия горя, печали, тоски, кручины, а порождают это чувство неволя, голод, нужда, болезнь, лихо, несчастье, беда, убыток и боль. Согласно православной религии, горе, несчастья и лишения являются не чем иным

как испытанием, посланным Богом. Поддавшись унынию, человек совершает грех, отсюда и прослеживается связь «горе – это грех».

Выделенные аспекты проявления горестного чувства, которые отразились в пословицах и поговорках, показывают, что горе и страдания неизбежны и находятся всегда рядом с человеком; никто не застрахован от горестного чувства, от него трудно избавиться; одни страдания порождают другие и следуют друг за другом; человек часто остаётся наедине со своим горем, т.к. чужое горе не принимается окружающими близко к сердцу; одинокие и старые люди страдают и горюют чаще; люди сами чаще всего виноваты в том, что горюют; горе учит человека жизни; горе и радость постоянно сменяют друг друга, иногда человек испытывает эти противоположные чувства одновременно; время, улыбка, терпение, надежда на лучшее лечат горестное чувство, а слезы - не лучшие помощники в этом деле.

Русские считают, что там, где царит радость, горя нет, или оно просто не ощущается.

Русские паремии делают акцент на описании поведения, внешнего вида и внутреннего состояния человека, пребывающего в горестном состоянии. С одной стороны, горе обладает мощной разрушающей силой и может привести к печальному исходу, а с другой стороны, слишком большое количество горя перестает остро переживаться, делает человека менее чувствительным.

Русский человек испытывает горестные чувства, тоскуя по родине, стране, любимому или родному человеку. Некоторые паремии говорят о том, что верующие люди должны уповать только на Бога, чтобы излечиться от горестного чувства.

Народные пословицы и поговорки помогают не только раскрыть разные стороны концепта «горестное чувство», но и отражают национальную специфику проявления этого чувства у русских.

М.М.Иванова
Воронеж

Значение слова «олигарх» в языковом сознании носителей русского языка

В последние годы слово «олигарх» в русском языке стало необычайно популярным и используется во всех стилях речи, всеми слоями общества.

Для выявления значения лексемы «олигарх» в сознании носителей современного русского языка нами был проведен рецептивный эксперимент с использованием метода свободных дефиниций.

Испытуемым было предложено написать, как они понимают значение слова «олигарх». Объем и форма высказывания, а также время для ответа

не регламентировались. В эксперименте приняли участие 100 человек в возрасте от 17 до 80 лет. Это люди разных профессий, уровня образования, сферы занятости, отношения к явлениям современной действительности. В ходе эксперимента отказов получено не было, что является подтверждением высокой известности и употребительности слова «олигарх».

При обработке результатов эксперимента полученные ответы были объединены в несколько групп.

1. Дефиниции, эмоционально-оценочно не окрашенные (51): - Очень богатый человек 2; - Богатый человек; - Богатый человек, имеющий большое число крупных предприятий; - Богатый человек, может быть независим, особенно от государства; - Богатый, состояние свыше 1 млн. долларов; - Богатый человек, стоящий у власти; - Владелец больших денег, политическое, имеет много контекстов; - Владелец больших денежных средств, больших предприятий в разных сферах экономики, средств информации и т.д., влияющий на политических деятелей; - Владелец большого числа прибыльных предприятий, организаций, магазинов и прочего, богатый человек; - Владелец довольно крупного производства (компании); - Владелец крупного капитала; - Владелец крупной отрасли производства, часто в масштабах государства; - Владелец крупных предприятий; - Владелец крупных предприятий, объединений, компаний; - Владелец крупных предприятий, корпораций в производственной или финансовой сфере, оказывает влияние на политику и власть в стране; - Владелец монополий, миллиардер, очень богатый человек; - Власть + деньги; - Имеет собственность на очень большую сумму денег; - Имеющий много власти и богатства; - Имеющий по сравнению с другими людьми очень много денег; - Крупный владелец монопольных предприятий; - Крупный владелец частной собственности; - Лицо, контролирующее определенную сферу производственной деятельности; - Миллиардер; - Миллионер, имеющий влияние в политике, т.к. владеет ресурсами, необходимыми государству; - Наделенный и властными полномочиями, и капиталом, который обеспечивает ему нахождение у власти; - Очень богатый человек. Монополия в их руках; - Очень богатый человек, имеющий большую власть; - Очень богатый человек, имеющий влияние и связи в руководящих структурах области, страны и т.д.; - Очень богатый человек, имеющий определенную власть; - Очень богатый человек с неограниченными возможностями; - Очень богатый человек, стремящийся к политической власти; - Тот, кто занимает господствующие позиции и в экономике, и в политике; - У кого много денег; - Человек, владеющий монопольным правом собственника в какой-либо области экономики страны или мира в целом; - Человек, в руках которого находятся природные ресурсы, средства производства и, как правило, политическая власть; - Человек, занимающий высокий пост или должность в управлении государством; - Человек, занимающийся бизнесом на мировом уровне; - Человек, имеющий большую власть и бизнес; - Человек, имеющий

большую власть над другими людьми; - Человек, имеющий власть, деньги и связи; - Человек, имеющий в собственности большую часть какого-либо сектора экономики; - Человек, имеющий огромные доходы с какой-нибудь отрасли промышленности (нефть, газ); - Человек, имеющий сверхприбыли; - Человек, использующий деловые и финансовые возможности для переустройства страны; - Человек, которому принадлежит политическая власть; - Человек, обладающий большим богатством и властью; - Человек, обладающий большим капиталом; - Человек, обладающий капиталом, имеющий влияние в обществе (в политической сфере); - Человек, руководящий делами многих предприятий и фирм, являющихся его собственностью в большом количестве и имеющий большое материальное состояние.

2. Дефиниции, в контексте которых присутствуют слова и обороты, эмоционально-оценочно характеризующие лексему «олигарх» (29): - Безумно богатый человек, который разбогател нечестным трудом; - Богатый человек, очень богатый. Человек, который занимает высокое положение в иерархии бизнес-элиты; - Владелец нефтяной компании, богач; - Владелец огромного капитала, имеет влияние на власть; - Власть имущий и не только; - Имеет большое влияние во всех сферах, большая часть его доходов нелегальна; - Лицо, владеющее таким состоянием, которое не поддается учету и контролю; - Много денег, нажитых нечестным путем; - Очень богатый человек, богатства ему достались часто нечестным путем. Причем, он имеет связь с властью; - Представители «теневой экономики», владеющие большими средствами, в их руках сосредоточены монополии; - Представитель немногочисленной группы людей, обладающих финансовым могуществом и стремящихся обрести политическое влияние с целью укрепления и сохранения своих капиталов; - Разбогатевший за счет государства; - Тот, кто ворочает деньгами; - Человек, владеющий огромным капиталом, полученным «от своей доли кости», как правило, нечестным путем; - Человек, владеющий огромным состоянием и большой властью; - Человек, занимающий «верхушку» финансовой пирамиды, по Маяковскому: «владелец заводов, газет, пароходов»; - Человек, имеющий много денег, но никому не дает; - Человек, имеющий одну из самых крупнейших собственностей в стране и контролирующий через эту собственность обстановку в стране; - Человек, который заработал или своровал очень много денег; - Человек, который имеет много денег, может купить практически все, имеет огромную власть; - Человек, который приобрел капитал за счет государственной собственности; - Человек, обладающий большими богатствами, приобретенными с помощью различных финансовых махинаций; - Человек, обладающий огромным финансовым состоянием и вращающийся в широких, влиятельных предпринимательских кругах; - Человек с огромным богатством; - Человек с огромной властью; - Человек с огромным состоянием, пользующийся влиянием в обществе; - Человек, сумевший получить огромные средства после реставрации 1991 года; -

Человек, управляющий большим количеством денежных средств по закону; - Чрезвычайно богатый человек, получивший прибыль незаконным путем.

3. Эмоционально-оценочные дефиниции (11): - Богатый правитель; - Властелин, магнат; - Вор; - Вор в законе, имеющий несметные богатства, добытые нечестным путем, а, следовательно, и власть; - Все есть; - Главный буржуй с огромным капиталом; - Очень крупный жулик; - Толстосум, контролирующий власть; - Тот, кем хочу стать; - Человек, который в результате своей деятельности поимел большой капитал; - Эксплуататор.

4. Дефиниции, объясняющие лексему «олигарх» посредством синонимов (8): - Бизнесмен с большими финансовыми возможностями; - Крупный бизнесмен, влияющий на политику; - Крупный бизнесмен, занимающийся в основном куплей-продажей нефти/угля и других естественных, натуральных/природных ресурсов; - Крупный предприниматель, имеющий заводы, банки + политика; - Монополист; - Очень богатый предприниматель; - Политик, бизнесмен и т.п., чье состояние переваливает за миллионы долларов; - Это и коммерсант, и бизнесмен, и предприниматель.

5. Персонифицированные дефиниции (1): Ходорковский, которому грозит до 10 лет

Получено достаточно большое количество ответов (29% от общего числа), в контексте которых содержатся компоненты, эмоционально-оценочно характеризующие слово «олигарх». Чаще всего оценивается размер состояния (*безумно богатый, огромный капитал, состояние не поддается учету и контролю, чрезвычайно богатый, финансовое могущество* и др.); способ и метод получения богатства (*нажил деньги нечестным путем, разбогател за счет государства, занимается финансовыми махинациями, своровал много денег, большая часть доходов нелегальна, получил капитал от «своей доли кости»* и др.), характер взаимоотношений с другими людьми и властью (*деньги никому не дает, все может купить, имеет огромную власть, власть имущий и не только* и др.), методы деятельности (*ворочает деньгами, управляет денежными средствами по закону* и др.)

Отдельную группу составили дефиниции (11%), в которых преобладает оценка и эмоция. В этих высказываниях прежде всего выражено отношение респондентов к носителю наименования «олигарх». Это либо отрицательное отношение (*вор, вор в законе, очень крупный жулик, эксплуататор, главный буржуй* и др.), либо положительное (*тот, кем хочу стать*).

Получены также дефиниции, которые иллюстрирует тесную связь слова «олигарх» с реальными событиями и персонажами современной российской действительности. Например, высказывание, в котором «олигарх» - это конкретный человек в конкретной ситуации (*Ходорковский, которому грозит до 10 лет*), а также высказывание, в

котором, если можно так сказать, указана конкретная дата появления современных российских олигархов (*Человек, сумевший получить огромные средства после реставрации 1991 года*).

Однако основную массу ответов составили: дефиниции, эмоционально-оценочно не окрашенные (51%) и дефиниции, объясняющие лексему «олигарх» посредством синонимов (8%).

В результате анализа всех полученных дефиниций были выделены такие компоненты значения лексики «олигарх»:

очень обеспеченный человек 74 (очень богатый человек 12; много денег 10; богатый человек 9; владеет капиталом, владеет огромным капиталом, много богатства 3; имеет огромное состояние, имеет финансовые возможности, миллиардер, обладает большими богатствами, состояние свыше одного миллиона долларов 2; безумно богатый человек, богач, владеет большими средствами, владеет крупным капиталом, владелец больших денежных средств, ворочает деньгами, главный буржуй, занимает верхушку «финансовой пирамиды», имеет большое материальное состояние, имеет несметные богатства, имеет огромные доходы, имеет сверхприбыли, миллионер, обладает большим капиталом, обладает огромным богатством, обладает огромным финансовым состоянием, обладает финансовым могуществом, очень богатый относительно других людей, поимел большой капитал, получил огромные средства, состояние не поддается учету и контролю, толстосум, управляет большим количеством денежных средств, чрезвычайно богатый человек 1);

обладает очень большой властью в какой-либо сфере 25 (имеет огромную власть 4; имеет большую власть, обладает властью 3; принадлежит политическая власть 2; властелин, вращается во влиятельных предпринимательских кругах, занимает высокий пост в управлении государством, занимает высокое положение в иерархии бизнес-элиты, занимает высокую должность в управлении государством, занимает господствующие позиции в политике, занимает господствующие позиции в экономике, имеет большую власть над другими людьми, имеет определенную власть, наделен властными полномочиями, правитель; преступник, обладающий властью; стоит у власти 1);

является владельцем каких-либо предприятий 23 (владелец монопольных предприятий 5; владелец крупных предприятий 3; владелец крупной компании, владелец крупных производственных предприятий 2; владелец банков, владелец больших предприятий в разных сферах экономики, владелец большого числа прибыльных организаций, владелец большого числа прибыльных предприятий, владелец заводов, «владелец заводов, газет, пароходов», владелец крупных объединений, владелец крупных производственных корпораций, владелец крупных финансовых корпораций, владелец крупных финансовых предприятий, владелец нефтяной компании 1);

использует нечестные методы приобретения богатства 19 (нажил деньги нечестным путем 4; разбогател за счет государства 2; большая часть

доходов нелегальна, вор, вор в законе, в результате деятельности поимел большие деньги, ворочает денежными средствами, занимается финансовыми махинациями, очень крупный жулик, получил прибыль незаконным путем, представитель «теневой экономики», разбогател нечестным трудом, своровал много денег, Ходарковский под следствием, эксплуататор 1);

имеет большое влияние в какой-либо сфере 12 (имеет влияние в политической сфере 3; имеет влияние в обществе 2; имеет большое влияние во всех сферах, имеет влияние в руководящих структурах области, имеет влияние в руководящих структурах страны, имеет влияние на власть, оказывает влияние на власть страны, оказывает влияние на политику страны, оказывает влияние на политических деятелей 1);

является владельцем какой-либо крупной частной собственности 9 (владеет монопольным правом собственника в каком-либо секторе экономики страны, владеет монопольным правом собственника в каком-либо секторе экономики мира, владеет частной собственностью, имеет в собственности большую часть какого-либо сектора экономики, имеет крупную собственность, имеет крупнейшую собственность в стране, магнат, является собственником большого количества предприятий, является собственником большого количества фирм 1);

занимается крупным бизнесом 7 (крупный бизнесмен 3; бизнесмен 2; занимается бизнесом на мировом уровне, имеет большой бизнес 1);

имеет связи с властными структурами 4 (имеет связи, имеет связи в руководящих структурах области, имеет связи в руководящих структурах страны, имеет связь с властью 1);

является крупным владельцем чего-либо 4 (владелец большого числа прибыльных магазинов, владелец средств информации, крупный владелец, крупный владетель 1);

занимается предпринимательской деятельностью 3 (крупный предприниматель 2; предприниматель 1);

контролирует какую-либо отрасль производства 3 (владелец крупной отрасли производства, в его руках находятся средства производства, получает огромные доходы с какой-нибудь отрасли промышленности 1);

осуществляет контроль в какой-либо сфере 3 (контролирует власть, контролирует обстановку в стране, контролирует определенную сферу производственной деятельности 1);

получает доход от использования природных ресурсов 3 (в его руках находятся природные ресурсы, занимается в основном торговлей природных ресурсов, получает огромные доходы от разработки природных ресурсов 1);

политик 2;

руководит собственными предприятиями 2 (руководит многими собственными предприятиями, руководит многими собственными фирмами 1);

стремится к политическому влиянию 2 (стремится к политической власти, стремится получить политическое влияние 1).

Семантические компоненты, выделенные единичными испытуемыми:

действует в масштабах государства; жадный; заработал очень много денег; использует деловые возможности для переустройства страны; капитал обеспечивает нахождение у власти; коммерсант; обладает деловыми возможностями; обладает независимостью; обладает независимостью от государства; обладает необходимыми государству ресурсами; обладает неограниченными возможностями; политическое влияние необходимо для укрепления и сохранения свои капиталов; получил богатство после 1991 года; представитель немногочисленной группы; слово имеет много контекстов; слово является политическим термином; управляет большими денежными средствами по закону; является примером для подражания 1.

Всего выделено 34 семантических компонента исследуемого слова, из них индивидуальных - 18.

Сопоставим значение слова *олигарх*, полученное в результате проведенного эксперимента, со значением, представленным в имеющихся толковых словарях русского языка.

Словарь под ред. А.П. Евгеньевой:

«1. В античности и средневековье: лицо, принадлежавшее к правящей группе, являвшееся членом олигархического правительства.

2. Представитель крупного монополистического капитала».

Словарь С.А. Кузнецова:

«1. В античности и средневековье: лицо, принадлежавшее к правящей группе, являвшееся членом олигархического правительства.

2. Книжн. Представитель крупного капитала».

Результаты эксперимента показывают следующее.

Историческое значение слова «олигарх» в языковом сознании носителей современного русского языка отсутствует: в ходе эксперимента никто из опрошенных не назвал компоненты данного значения.

Значение «представитель крупного капитала», обычно помечаемое в словарях как книжное, известно носителям современного русского языка, присутствует в их языковом сознании. Около половины респондентов в своих дефинициях отметили наличие больших капиталов или собственных предприятий, что свидетельствует о том, что вторая семема слова «олигарх» является известной современным носителям языка и в настоящее время не принадлежит исключительно к книжной лексике, а приобрела семы «общеупотребительное», «межстилевое».

Более половины участников эксперимента помимо уже известных компонентов назвали такие компоненты значения слова «олигарх», которые не были зафиксированы в его словарных значениях (наличие крупного капитала, принадлежность к правящей группе, наличие политического влияния во властных структурах, стремление к власти,

использует нечестные методы приобретения богатства, получает доход от использования природных ресурсов, неодобрительное и др.). Это значение в настоящее время выступает как разговорное, общеупотребительное, негативно-оценочное, в контексте часто приобретает заметный неодобрительный эмоционально-оценочный компонент.

Это позволяет говорить о том, что в сознании современных носителей языка сформировалась новая семема этого слова, которая может быть сформулирована следующим образом:

Олигарх – очень обеспеченный человек, обладает очень большой властью или влиянием в какой-либо сфере, занимается крупным бизнесом или предпринимательской деятельностью, является владельцем крупных предприятий либо иной крупной частной собственности, контролирует какую-либо отрасль производства либо иную сферу деятельности, получает доход от использования природных ресурсов, использует нечестные методы обогащения, стремится к политическому влиянию; занимается политикой, имеет связи с властными структурами, неодобрительно оценочное, негативно эмоциональное, разговорное, общенациональное, общераспространенное, современное, употребительное.

Новое значение существенно превосходит по яркости остальные два значения и является основным значением лексемы *олигарх* в современном русском языковом сознании.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что семантика слова «олигарх» в современном русском языке находится в процессе интенсивного развития и в сознании носителей языка имеет тесную связь с процессами и персоналиями современной российской действительности.

Язык и картина мира

Александр К. Киклевич
Ольштын

Языковая картина мира vs. текстовая картина мира (на материале польской рекламы бытовой техники)

1. Прагматические аспекты концептуализации: проблема субъекта

Как пишет В.З. Демьянков (1994, с. 21), сущность «когнитивной революции» в языкознании второй половины 20 в. заключается в интерпретативном подходе к описанию знаковых систем. По мнению польской исследовательницы Э. Табаковской, различие между современной когнитивной теорией языка и структурализмом состоит в том, что «язык уже не описывается в категориях условной системы знаков — знаки получают мотивацию, которую не учитывала модель Соссюра» (2001, с. 30; подчеркнуто мной. - А. К.).

Здесь, однако, не может быть упрощений. Нет сомнения в том, что Ф. де Соссюр, Л. Блумфильд, Р. Якобсон, Н. С. Трубецкой и другие основатели структурной лингвистики понимали, что язык функционирует в физической, психической и социальной среде. В третьей главе введения своего знаменитого «Курса общей лингвистики» де Соссюр писал о языкознании как о науке, которая изучала бы «жизнь знаков в рамках жизни общества; такая наука явилась бы частью социальной психологии» (1977, с. 54). В опубликованных заметках (1990, с. 50) де Соссюр интерпретировал аналогии в системе языка с точки зрения процессов мышления, трактовал их как обусловленные «ассоциацией выражаемых ими идей». Экспансию процессов аналогии в языке детей основатель структурализма объяснял недостаточно развитым характером их психики, дефицитом необходимых средств символизации и как результат — их окказиональным созданием в конкретных коммуникативных ситуациях.

Когда Р. Т. Белл (1980, с. 36) пишет о дуализме языка: с одной стороны, он является высоко организованной системой знаков, используемой в обществе в качестве кода коммуникации, а с другой стороны, явно подвержен «капризу идиосинкразии», — мы не открываем здесь принципиально ничего нового, потому что сама идея амбивалентной природы языка не была чужда также структурализму.

Новизна социологии языка и социолингвистики второй половины 20 в. состояла, однако, в том, что полноправным объектом научного описания была признана не только «внутренняя» система языка, но и, как писал в 60-е годы выдающийся американский языковед В. Лабов (1966, с. 14), его социальное функционирование (*performance*).

Социолингвистика занялась, главным образом, вариативностью плана выражения языковых знаков (Белл 1980, с. 57 и сл.). Но является очевидным и то, что в зависимости от ситуации употребления варьируется не только форма, но и содержание знаков, типы концептуализации объектов и событий. Ссылаясь на социологическую теорию языка В. Н. Волошинова, Т.М. Дридзе пишет, что носители языка, создавая и получая тексты, преобразуют содержание языковых знаков, в частности, привносят в их номинативное содержание прагматические элементы (1980, с. 124). Т.М. Дридзе пишет о «преодолении константных форм языка»: «Роль трактовки индивидом тех или иных общепринятых культурно-исторических значений играет немаловажную роль в ходе общения» (1980, с. 126).

Подобно формальной системе языка семантическая система (которая для многих современных лингвистов ассоциируется с «языковой картиной мира» — в дальнейшем ЯКМ) имеет идиосинкратический характер, т.е. в определенной степени она мотивирована социальным контекстом. В подтверждение сказанного рассмотрим следующий текст:

- 1) Рядовой спрашивает сержанта:
— Это правда, что крокодилы летают?

- Кто Вам сказал эту глупость?
- Полковник Уолкинсон сказал, что летают...
- Полковник Вам это лично сказал?
- Да.
- Вообще-то они летают, но очень низко.

В этом случае выступают три типа концептуализации одного и того же объекта. Во-первых, рядовой считает, что из того, что сказал полковник, вытекает, что крокодилы летают, другими словами — рядовой допускает, что полковник считает, что крокодилы летают. Во-вторых, рядовой допускает, что крокодилы летают, но сомневается в этом. В-третьих, сержант знает, что крокодилы не летают, но готов согласиться с полковником (социальная конвенция оказывается здесь сильнее).

В эпистемической семантике (основанной на модальной и интенциональной логике) логическое значение предложения (правда или неправда) определяется с учетом пропозициональных установок субъекта, таких, как *знаю, помню, верю, допускаю, сомневаюсь* и др. Таким образом, истинностное значение предложения

Крокодилы летают

можно определить с учетом следующих пропозициональных установок:

Правда,
что рядовой считает,
что полковник считает,
что КРОКОДИЛЫ ЛЕТАЮТ

Правда,
что рядовой сомневается,
что КРОКОДИЛЫ ЛЕТАЮТ

Правда,
что сержант не считает,
что КРОКОДИЛЫ ЛЕТАЮТ;
правда,
что сержант готов согласиться с полковником,
что КРОКОДИЛЫ ЛЕТАЮТ

Применительно к когнитивной семантике это значит, что в когнитивно-семантических экспликациях не могут быть игнорированы социальные и коммуникативные параметры языковых единиц, в частности, один из наиболее важных параметров — говорящий субъект. На это указывают приводимые ниже юмористические афоризмы; необычная концептуализация домены [МУЖЧИНА] объясняется здесь тем, что субъектом концептуализации (а также коммуникативным субъектом) являются активистки феминистического движения в Германии (источник: <http://www.zeckennase.de/witze/manto.htm>):

Warum haben Männer ein Gen mehr als ein Pferd? — Damit sie samstags beim Autowaschen nicht aus dem Eimer saufen! (*Почему у мужчин на один ген больше, чем у лошадей? — Чтобы на автозаправке они не пили из ведра*)

Warum mögen Männer Blondinenwitze? — Weil sie diese verstehen. (*Почему мужчины рассказывают анекдоты о блондинках? — Потому что других они не понимают*)

Was ist der Unterschied zwischen Chappi und einem Mann? — In Chappi ist mehr Hirn (*Какая разница между «Чалпи» и мужчиной? — В «Чалпи» больше мозга*)

Для всех приведенных здесь выражений характерна негативная оценка лиц мужского пола, в особенности — негативная оценка интеллектуальных способностей мужчин. Разумеется, нет оснований обобщать эту аксиологическую семантику, например, как фрагмент немецкой ЯКМ, потому что речь идет о конкретной выборке дискурсов, культивируемых в рамках конкретной субкультуры (движения феминисток в Западной Европе) и принадлежащих к конкретному — развлекательному — жанру. Это подтверждает справедливость слов Т. М. Дридзе: «Все предметы человеческой деятельности, как и все слова человеческого языка, видятся каждому из нас как бы через призму нашего «личного» (а не общественного) интереса» (1980, с. 170). В связи со сказанным уместно привести также слова основателя прагматического функционализма, выдающегося американского психолога В. Джемса:

«Реальность остается явлением совершенно безразличным по отношению к тем целям, которые мы с ней связываем. Ее наиболее обыденное житейское назначение, ее наиболее привычное для нас название и ее свойства, ассоциировавшиеся с последним в нашем уме, не представляют в сущности ничего неприкосновенного. Они более характеризуют нас, чем саму вещь» (1981, с. 15).

В соответствии с когнитивной теорией профилирования концептуализация инвариантной референциальной ситуации (т.е. «конструирование сцены», в терминологии когнитивистов) зависит от коммуникативных установок субъектов, а также от структуры коммуникативной ситуации, например, от пространственной локализации отправителя и получателя информации. Ср. два польские предложения (Tabakowska 2001, 64):

Jutro wylatuję do Paryża *‘Завтра я вылетаю в Париж’*

Jutro przylatuję do Paryża *‘Завтра я прилетаю в Париж’*

В первом случае предложение наиболее уместно в коммуникативном контексте, когда адресат не находится в Париже — например, кто-то обращается к собеседнику в Варшаве, сообщая ему, что завтра вылетает в Париж:

Завтра я вылетаю в Париж — прошу отвезти меня в аэропорт *более предпочтительно, чем*

Завтра я прилетаю в Париж — прошу отвезти меня в аэропорт

Предложение (13) было бы более уместно в ситуации, когда адресат находится в Париже и говорящий сообщает ему эту информацию по телефону, например, как элемент просьбы:

Завтра я прилетаю в Париж — прошу встретить меня в аэропорту *более предпочтительно, чем*

Завтра я вылетаю в Париж — прошу встретить меня в аэропорту

2. Коммуникативно-прагматическая параметризация ЯКМ

Учитывая изменчивый характер концептуализации мира — в диахроническом и синхроническом аспектах — А.Д. Шмелев (2002, с. 12) отрицательно высказывается по поводу использования в исследованиях ЯКМ прямых (ассертивных) манифестаций точек зрения, типа известного русского афоризма, автором которого является Ф. И. Тютчев: *Умом Россию не понять*

Описание ЯКМ, как считает Шмелев, должно опираться на семантическую информацию, которая удовлетворяет двум условиям:

1. имеет фреквентивный и воспроизводимый характер — другими словами, речь идет о ключевых понятиях культуры (Красных 2003, 170 ссл.)

2. имеет неассертивный характер; в подобном духе польский лингвист А. Авдеев (1999, с. 47) пишет о «семантических стандартах», которые не культивируются в «нормальных» коммуникативных условиях, т.е. в разговорной речи.

Как пишет Шмелев, «особенно показательны нетривиальные семантические конфигурации, достаточно частотные в бытовом дискурсе [...] и относящиеся к неассертивным компонентам высказывания. Важно не то, что утверждают носители языка, а то, что они считают само собой разумеющимся, не видя необходимости специально останавливать на этом внимание» (ibidem, 13).

Однако с нашей точки зрения, принципиальных проблем описания ЯКМ это не решает: с одной стороны, нельзя опираться на идиосинкратические ассертивные смыслы, но с другой стороны, нельзя ограничиться только фактами системы языка, например, содержанием грамматических категорий или внутренней формой лексем, потому что при этом мы будем игнорировать актуальный характер когнитивной семантики, которая составляет основу ЯКМ. Именно на этот второй аспект обращает внимание Анна А. Зализняк. Разграничивая информацию, закодированную в самом языке, и информацию, передаваемую с помощью других объектов, прежде всего — текстов, исследовательница пишет:

«Языковую картину мира образуют [...] лишь те смыслы, которые входят в значения языковых единиц; если же между собственно лингвистическими и прочими данными обнаруживаются какие-то систематические расхождения, то это, очевидно, является лишь подтверждением правильности полученных результатов» (2003, с. 85).

Следует, однако, помнить, что, во-первых, семантическая система языка также изменчива — во времени и в пространстве. Во-вторых, информация, закодированная в системе языка, неизбежно взаимодействует с информацией, закодированной в содержании других объектов — в этом

заключается сущность «принципа конфигурации» современной когнитивной лингвистики. Поэтому можно сомневаться, существует ли вообще «чистая» языковая семантика, не содержащая разного рода культурных и коммуникативно-прагматических «довесков» (в терминологии А. Авдеева — «*naddane sensy*», т.е. добавленные смыслы).

Когнитивисты, к сожалению, обычно игнорируют факт, что существительное *картина* (а в особенности это становится очевидным, если заменить его синонимом *образ*) является номинализированным предикатом высокого порядка. В польском языке кроме существительного *obraz* имеется также производный от него глагол *obrazować*, ср.:

Zestawienie wyników badań od 1949 r. obrazuje coroczne zmiany składowych bilansu i reszty bilansowej = ‘Тот факт, что кто-то сравнил результаты исследований с 1949 года, отображает то, как ежегодно изменялся баланс’.

Пропозициональную структуру, основанную на предикате картина (= отображать), можно представить следующим образом:

КАРТИНА = *ОТОБРАЖАТЬ* (*Q* (*x...*), *S*)

Формула означает: ‘То, что некто (*x*) совершает действие *Q*, отображает некоторую ситуацию *S...*’. В определенном отношении наиболее важным элементом данной семантической экспликации является *некто* (*x*) — субъект концептуализации. Именно он определяет характер признаков, приписываемых объектам, действиям, состояниям, процессам, свойствам и событиям. Поэтому в качестве альтернативной по отношению к теории «языковой картины мира» появилась концепция «языковых картин мира», т.е. закодированных в формах этнического языка социально и культурно маркированных субсистем концептуализации мира.

Сторонником второго подхода является основатель и лидер польской этнолингвистической школы Е. Бартминский. По его мнению, исследования ЯКМ должны опираться на разные фактические источники (1998, 66):

1. систему языка;
2. анкетирование;
3. языковые тексты;
4. языковую интуицию.

Недостатком этого подхода, с нашей точки зрения, является то, что в результате использования разных фактических источников могут быть получены принципиально противоречивые данные. Например, с интуитивной точки зрения *чай* является для поляков более ключевым понятием, чем *кофе* — на это указывают и статистические данные: поляки покупают и употребляют больше чая, чем кофе. Однако существительное *kawa* ‘кофе’ в польских текстах употребляется в два раза чаще, чем существительное *herbata* ‘чай’ (в английских текстах частотность лексемы *coffee*, напротив, на 25% меньше, чем частотность лексемы *tea*).

Объясняется это тем, что в польской культуре именно кофе является символом встречи, приятной беседы, перерыва в работе.

Е.Бартминский, кроме того, подчеркивает социально и культурно маркированный характер ЯКМ, а также стереотипа как его основной единицы. Стереотип понимается широко, как субъективно детерминированное представление человека, в котором находят отражение объективные (описательные) и оценочные признаки, которые представляют собой результат интерпретации действительности в рамках социально релевантных познавательных моделей (*ibidem*, 64). Понятие ЯКМ у Бартминского, таким образом, имеет конкретно-субъектный характер — его интересует прежде всего мотивированный общественной практикой и закодированный в формах языка образ мира «простого человека». Поэтому издаваемый под редакцией Бартминского словарь называется: *Słownik ludowych stereotypów językowych* 'Словарь народных языковых стереотипов' — прилагательное *народный* в этом случае является принципиально и исключительно важным.

Моделируемая лингвистами ЯКМ, следовательно, должна опираться либо социально релевантные лексические, конвенциональные значения («суппозиции»), либо на социально релевантные, идиосинкратические коннотации (т.е. такие, которые характерны для определенных типов дискурсов).

3. Когнитивная лингвистика без когнитивной психологии

К сожалению, многие современные исследователи ЯКМ игнорируют критерий социальной релевантности стереотипов концептуализации. Так, А. Миколайчук (Mikołajczuk 2000, 91 ссл.) исследует «скрытую фразеологию», которая является причиной многих трудностей в процессе изучения иностранного языка. Приводя польские выражения:

ktoś wpadł w szal / apatię / panikę / rozpacz / uniesienie / zachwyt / zadumę 'кто-то впал в отчаяние и т.д.'

litość / przerażenie / rozpacz / radość / wstyd ogarnia kogoś 'кого-то охватывает радость и т.д.'

gniew / strach / miłość budzi się / rośnie / rozwija się / narasta 'растет страх и т.д.',

исследовательница пишет, что «скрытая фразеология» указывает на определенные регулярности восприятия мира, а в частности — на восприятие эмоций как сил, доминирующих над человеком.

При этом не принимается во внимание ни критерий психической актуальности названных «когниций» (действительно ли они присутствуют в познавательной системе современных носителей польского языка), ни то, что «регулярности восприятия мира» выводятся из внутренней формы знаков, которая имеет исторический характер, ни то, что приводимые выражения имеют вполне определенные прагматические, а именно — стилистические характеристики — принадлежат, скорее, к сфере книжной речи, ни, наконец, то, что подобное моделирование картины мира только

на основании языковых фактов приводит к неоднозначности, потому что один и тот же концепт во фразеологии представлен разными способами, ср. в польском языке:

czerpać radość z najprostszych zdarzeń ‘черпать радость из простых событий’ — *понятийная метафора РАДОСТЬ — ЭТО ЖИДКОСТЬ*

szalona radość ‘сумасшедшая радость’ — *понятийная метафора РАДОСТЬ — ЭТО ЧЕЛОВЕК*

wybuch radości ‘взрыв радости’ — *понятийная метафора РАДОСТЬ — ЭТО ВЗРЫВЧАТОЕ ВЕЩЕСТВО*

przepelniony radością ‘полный радости’ — *понятийная метафора РАДОСТЬ — ЭТО СУБСТАНЦИЯ/ВЕЩЕСТВО ВНУТРИ ЧЕЛОВЕКА*

rozpierała mnie radość ‘меня распирала радость’ — *понятийная метафора РАДОСТЬ — ЭТО СИЛА ВНУТРИ ЧЕЛОВЕКА*

zaowocował radością ‘дал плоды радости’ — *понятийная метафора РАДОСТЬ — ЭТО ПЛОД*

przynosić radość ‘приносить радость’ — *понятийная метафора РАДОСТЬ — ЭТО ВЕЩЬ*

Таким образом, понятие радости с когнитивной точки зрения оказывается неопределенным. Закономерен вопрос: какова практическая ценность (или полезность) такого типа концептуализации, тем более что в теории понятийных метафор принят постулат потребности (*necessity hypothesis*), который означает: объяснительная функция метафор наиболее отчетливо проявляется при номинации абстрактных концептуальных областей, теоретических конструктов и метафизических понятий, которые не поддаются прямому чувственному восприятию и которые вряд ли могли бы быть осмыслены неметафорически (Jäkel 1997; 1998; 2002). Но в данном случае можно констатировать, что и образная концептуализация эмоций оказывается неэффективной. Дефиниция:

радость = ‘то, что похоже на жидкость, на человека, на взрывчатое вещество, на субстанцию или силу внутри человека, на плод или на вещь’

практически бессмысленна — как с теоретической, так и с практической точки зрения. Можно сомневаться, что такого концептуальная информация составляет базу познавательной системы человека.

Принципы когнитивной лингвистики к проблемам лингводидактики применяет также А. Вежбицкая. Вводя «принцип трехклассовости языка», исследовательница пишет, что в каждом этническом языке, кроме лексики и грамматики, следует выделять третий уровень — ЯКМ (2000, с. 163).

Обратим, однако, внимание на то, что если лексика и грамматика представляют собой уровни билатеральных единиц языка, то уровень ЯКМ не представлен никакими специальными «единицами концептуализации», а значит, и не является самостоятельным уровнем языковой системы.

Ошибка становится очевидной на с. 166 статьи Вежбицкой, где она фактически ставит знак равенства между ЯКМ и лексической семантикой языка, а именно — системой номинации и системой лексической сочетаемости. Приводя характерные для современного польского языка предложно-падежные сочетания типа

Nie siedź długo na słońcu 'Не сиди долго на солнце'

Jurek jest nad morzem 'Юрек находится на море', дословно: 'Юрек находится над морем'

Turyści wchodzą pod górę 'Туристы входят под гору'

Goście siedzą za stołem 'Гости сидят за столом'

Вежбицкая подчеркивает, что алогичный характер подобных выражений обусловлен особенностями польской ЯКМ. Исследовательница, таким образом, ставит знак равенства между ЯКМ (как семантической системой) и лексической сочетаемостью, в частности, идиоматикой (как системой форм), что следует признать ошибочным, потому что языковая идиоматика в значительной степени основана на архаических представлениях о мире и с точки зрения современной культуры многих фактов лексической сочетаемости объяснить нельзя — взять хотя бы классический пример: *Солнце всходит*.

В польском предложении *garnitur — leży* 'костюм лежит', в русском — *костюм сидит*, а в немецком — *Anzug steht gut* 'костюм стоит'. Вежбицкая убеждена, что в подобных случаях нельзя ограничиться только констатацией формальных различий — лексических и синтаксических, потому что считает: их причина кроется в сознании носителей языка (*ibidem*, 166). Но нет доказательства того, что это сознание актуально, действительно, как и нет доказательства того, что формальные различия сочетаний с глаголами *leży — сидит — steht* можно интерпретировать с семантической точки зрения.

Хотя программным тезисом когнитивной лингвистики является утверждение о мотивационной природе языка (Tabakowska 2001, 30; см. выше), однако в практике единственным критерием когнитивных экспликаций является лексическая сочетаемость (характерный пример — работа Караś 2003). При этом обычно когнитивисты не пользуются ни методами когнитивной психологии, ни методами психолингвистики — и в этом нет ничего удивительного, потому что большинство «когнитивистов» ни имеют психологического образования или опыта проведения психологических исследований.

Исследовательские принципы когнитивной лингвистики во многом противоположны принципам психолингвистики, которая занималась преимущественно психологической верификацией лингвистических гипотез, а именно (как было принято это определять в 60-е и 70-е годы 20 в.) — проверкой их психолингвистической реальности. При

этом для решения лингвистических задач использовались методы психологии, в частности, эксперименты. Когнитивная лингвистика, напротив, чуждается каких-либо экспериментальных исследований, при том, что экспериментальные психолингвистические исследования не подтверждают однозначно результатов когнитивных исследований (ср. Gibbs/Mattlock 1997). Теория ЯКМ — вопреки методологическим антиструктуралистским постулатам когнитивистов — фактически использует только один метод — дистрибутивный анализ, введенный в первой половине 20 в. американскими дескриптивистами. Поэтому следует согласиться с А. Т. Кривоносовым, который определяет современную когнитивную лингвистику как теорию «лингвистической абсолютности» (2001, с. 273).

4. ЯКМ — диахронический аспект

Более адекватная когнитивная концепция языка должна учитывать социально изменчивый характер кодирования лингвистической информации. В частности, необходимо разграничивать два понятия:

1. языковая картина мира — основана на системе конвенциональных лексических (ассертивных) значений; ср. утверждение А. Н. Рудякова (2004, с. 159): «Элементарной составной частью языковой картины мира является *сема*»;

2. текстовая картина мира (ТКМ) — основана на пресуппозициях и коннотациях (импликациях) языковых значений в дискурсах; пресуппозиции и коннотации выводятся из регулярно репродуцируемых в рамках данной субкультуры коллокаций, т.е. относительно устойчивых сочетаний языковых форм.

В первом случае необходимо обратить внимание на то, что понятие ЯКМ связано с историческим временем — каждая система знаний, отраженная в языке, непосредственно вытекает из характерных для данного исторического периода представлений о мире, а также представлений о представлениях о мире (в этом смысле сам термин «языковая картина мира» является неудачным — слишком узким).

Картины мира диахронически изменчивы, поэтому польская исследованица Р. Гжегорчикова (1999, с. 44) подчеркивает, что при описании ЯКМ следует исключить факты, которые носят этимологический характер, например, содержание многих грамматических категорий, которое не отражает современного мышления (так, в польском языке категория мужского лица существительных делит весь мир на «мужчин» и «все остальное») (см. также: Jędrzejko 2000; Рахилина 1998, с. 296).

Архаические познавательные модели отражены не только в грамматических категориях, но и во внутренней форме многих лексем и фразеологических сочетаний типа

Ивана охватил страх.

Поэтому нельзя согласиться с панхронической позицией исследователей, которые на основании подобного рода идиоматики строят

гипотезы о ЯКМ, при этом игнорируя факт, что идиоматика отражает архаическое, в терминологии Э. Кассирера, мифологическое мышление, которое предшествует более развитой форме мышления — логической (Лурия 1998, с. 14). Насколько далеки могут быть традиционные (основанные на языковой идиоматике и на текстах) представления о данной культуре от живой действительности, представляет фрагмент из книги А. Гениса «Культурология — раз!»:

Ближе всех в Японии я сошелся с переводчиком Сагияки-Сан, который просил меня называть его Семей... Он пригласил меня в свой любимый ресторан «Волга», где мы ножом и вилкой ели борщ и искали общий язык.

- Вы не знаете, — льстиво завязывал я беседу, — как пройти на Фудзияму?
- Понятия не имею.
- А сумо? Вы любите сумо, как я?
- Ненавижу.
- Может быть, театр? Что вам дороже — Но или Кабуки?
- Ансамбль Моисеева.
- Тогда природа: сакура, бонзай, икебана?
- Сагияки-сан выпил саке, закусил гречкой и ласково спросил:
- Часто водите хоровод? Давно перечитывали «Задонщину»? Играете в городки? Сын ваш — Еруслан? Жена — Прасковья? Сами вы — псковский?
- Рязанский, — сказал я, приосанясь, но добавить к этому было нечего, и мы перешли на водку.

Подобно тому, как в культурах меняются научные, общественно-политические, художественные и др. стили мышления (или парадигмы), меняется и семантическая система языка, т.е. закодированные в языковых формах результаты познавательной деятельности людей. Поэтому подобно тому, как современный японец не знает, как пройти на Фудзияму, а современный русский не читает «Задонщину», современный поляк не делит мир на «мужчин» и «все остальное», несмотря на грамматическую категорию лица существительных в современном польском языке, необязательно считает, что *Z babą to i diabeł nie wygra* 'У бабы и черт не выиграет' и необязательно осознает, что МЫСЛЬ — ЭТО ВЕЩЬ, хотя и использует в своей речи вербально-номинальную идиоматическую конструкцию *wyciągnąć wniosek* 'сделать вывод'. Каждая ЯКМ должна быть соотнесена с определенным историческим контекстом, а теория ЯКМ должна быть дисциплиной диахронической.

Характерный пример игнорирования диахронического подхода — большинство докладов на научной конференции «Фразеология и языковые картины мира на переломе столетий», организованная Опольским университетом в сентябре 2005 года. Для большинства авторов источником материала послужили фразеологические и паремиологические словари, хотя прагматический аспект — как функционируют идиомы и паремии в речевой коммуникации и какие смыслы они передают — остался за кадром. В случае пословиц и поговорок нередко на первом плане находится не семантический (идеационный, в терминологии

М. А. К. Хэллидэя), а прагматический аспект их содержания, в частности, их прагматическая функция — это именно тот случай, когда, по мнению Л. Витгенштейна, существенно не значение, а употребление знаков. Например, Г. Римша пишет о подобном серийном, асемантическом употреблении в русской прессе 80-х и 90-х годов библейских выражений, ср.:

Сколько камней разбросано по нашей грешной земле? Разве сосчитаешь? Да и зачем? Не считать их надо, а собирать. Не верите? Откройте любую газету минувшего года на выбор. Например, «Советскую культуру» за 22 июня 1989 г. Видите крупный заголовок — «ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ...»? То-то же! Или вот: «Правда» за 21 июля. Не забывайте: «ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ...» Да что там газеты! Уже и искусство подключилось — дело-то большое, всенародное. 26 сентября по 1-й программе ЦТ прошел фильм-концерт. А называется он... Ну конечно, «...И ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ...» [...] Только что посмотрела 10-й номер журнала «Нева» за 1999 год. Приятно было узнать, что и это солидное издание не осталось в стороне от важного союзного мероприятия (см. статью В. Попова «ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ...», стр. 156). Кто следующий? (*«Литературная газета»*. 24.1.1990)

Большинство пословиц и поговорок — это окаменевшие продукты речевой деятельности, которые находятся на периферии языковой системы и редко появляются в коммуникации — это своего рода коммуникативные фантомы. Например, из двух компьютерных корпусов современного русского языка:

1. <http://www.sfb441.uni-tuebingen.de/b1/korpora.html>

2. <http://corpora.yandex.ru/index.html>

мы извлекли все имеющиеся там употребления русской пословицы:

Баба с возу — коням легче.

И что же? Общее количество употреблений не превышает десяти! Значит, пословицу эту нельзя отнести к числу прецедентных текстов (она не удовлетворяет критерию фреквентивности), нельзя использовать ее и как источник материала при описании русской ЯКМ. Поэтому когда Анна А. Зализняк пишет, что ЯКМ должна базироваться на системе ключевых концептов (2003, с. 86) (следовало бы добавить — актуальных в конкретном историческом срезе), то исследовательница подчеркивает, что материал фразеологии и паремиологии является второстепенным и может быть привлечен только в качестве дополнительного.

5. Текстовая картина мира (ТКМ)

Поскольку в разных типах деятельности человека используются разные subsystemы знаний, существуют и разные семантические subsystemы этнического языка. В связи с этим уместно привести слова Е.Д. Поливанова: «Нужно изучать не язык как трудовую деятельность, а язык трудовой деятельности [...] потому что таковым в сущности и является язык [...] Выучка языка, изучение данной трудовой деятельности ставится в ряд таких процессов, как письмо, сигнализация,

радиотелеграфия и т.д. С этой точки зрения ее нужно изучать. Вот, по-моему, самое важное для объяснения языковой эволюции» (1991, 541сл.).

Интерпретируя слова великого русского языковеда с когнитивной точки зрения, можно утверждать, что следует изучать не язык как концептуализацию (ведь в языке лишь отражаются результаты восприятия мира и познавательной деятельности людей), а язык в процессах концептуализации, т.е. разные типы кодирования информации с помощью языковых знаков в зависимости от социальной среды и контекста деятельности.

Понятие ТКМ опирается на ассертивные, а также неассертивные (пре-суппозитивные и коннотативные) смыслы, реализуемые в конкретной социально-культурной сфере, в частности, в конкретном тексте. Так, для прозы А. Платонова характерны сочинительные конструкции, в которых синтаксической связью объединены слова разных семантических групп. Такого рода коллокации позволяют судить о том, что мир абстрактных понятий в ТКМ прозы Платонова является размытым — границы между эмоциями, психическими процессами, физиологическими состояниями и физическими действиями оказываются размытыми, ср.:

На вид майору можно было дать и пятьдесят лет, и тридцать пять: его могли утомить долгие годы *труда, тревоги и ответственности*.

В приведенном здесь предложении понятия разных категорий (*труд* — [физическая деятельность], *тревога* — [психическое состояние], *ответственность* — [общественное отношение]) помещены в один фрейм, который, вероятно, нельзя определить иначе как перечислением отдельных субкатегорий. Примеров такого типа в прозе А. Платонова множество:

— Мы, немцы, организуем здесь *вечное счастье, довольство, порядок, пищу и тепло для германского народа*, — с отчетливой точностью и скоростью ответил Вальц

Сережа Лабков, всхрапывал во сне, как взрослый, поживший человек, и лицо его, отошедшее теперь *от горести и воспоминаний*, стало спокойным и невинно счастливым

Одолевая свое страдание, терпя то, что его могло погубить, снова воздвигая разрушенное, Фомин неожиданно почувствовал свободную радость, не зависимую *ни от злодея, ни от случайности*

Вечернее солнце просвечивало квартиру насквозь, свет проникал до самого тела Фроси, в котором грелось ее сердце и непрерывно срабатывало *текущую кровь и жизненное чувство*

Они ослабели *в бегстве и болезни*

Важным источником информации при экспликации ТКМ являются метафорические конструкции, которые можно интерпретировать с точки зрения теории понятийных метафор. Понятийные метафоры мы рассматриваем как особого рода коннотации метафорических выражений. Например, у Платонова читаем:

[...] Запивала чаем потерю своих сил

В позиции прямого объекта при глаголе *запивать* находится абстрактное существительное, что является нарушением селективных свойств данного глагола — это и создает в предложении метафорический эффект. Языковая метафора становится базой абдуктивного силлогизма (Киклевич 2005, с. 8):

Обычно чаем запивают какую-либо пищу

Х запивала чаем потерю своих сил

ПОТЕРЯ СИЛ — ЭТО ПИЩА

ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА — ЭТО ПИЩА

6. Бытовая техника в рекламе

В литературе исследуются разные типы ТКМ, ср. краткий перечень польских публикаций: Bugajski/Wojciechowska 1996; Filar 2000; Lizak 2001; Świąćska 2005; Wojciechowska 2000; Zimny 2001 и др. Мы в данной работе сосредоточим наше внимание на польских текстах рекламы бытовой техники. Схема описания ТКМ рекламы представлена на рис. 1. Исследование включает несколько этапов.

1. Определение коммуникативной сферы; ср. такие коммуникативные сферы, как педагогика, наука, политика, журналистика, реклама и т.д. Отдельным коммуникативным сферам соответствуют не только функциональные стили (подсистемы языковых форм), но и определенные типы концептуализации мира.

2. Определение реестра ключевых (прецедентных) понятий и знаков, которые, во-первых, известны большинству носителей данной (суб)культуры; во-вторых, передаются на уровне актуальной информации (т.е. не относятся к плану внутренней формы знаков); в-третьих, представляют собой фреквентивные нормы для данного сообщества, т.е. регулярно воспроизводятся в коммуникативной деятельности.

Рис. 1. Схема описания ТКМ

3. Определение стереотипов — регулярно воспроизводимых в речевой коммуникации характеристик объектов, действий, состояний, процессов и событий. Стереотипы описываются на двух уровнях: а) на уровне категорий (или фасет), таких, как цена, производитель, качество, размеры, эргономические свойства и т.д.; б) на уровне значений фасет, например, таких, как цена — низкая, качество — высокое, сырье — натуральное и т.д.

4. Стереотипные характеристики подмножества ключевых концептов составляют ТКМ. В нее входят также семантические прототипы, которые определяются на основании наиболее регулярных категорий и их наиболее регулярных значений.

Например, по данным К. Козляк (Koźlak 2003, 90ссл.), в польских текстах, рекламирующих мобильные телефоны, основное внимание уделяется не техническим данным, а психическим эффектам, которые ожидаются в связи с использованием рекламируемого продукта. В первую очередь речь идет о таких состояниях потенциального пользователя, как радость/удовольствие — 91,2% текстов, удовлетворение — 50%, чувство свободы и независимости — 50%, чувство комфорта — 41,2%. Таким образом, можно констатировать, что в рекламном ТКМ мобильные телефоны представлены с функциональной, а не с формальной, технической точки зрения — реклама отражает эмоциональный, гедонистический и аксиологический аспекты их функционирования.

Эти результаты частично совпадают с результатами когнитивно-семантического исследования рекламы бытовой техники, которое мы провели совместно с М. Монтевской. Объектом исследования были польские рекламные тексты (общее число — 50 единиц), в которых рекламировались такие товары, как холодильник, утюг, посудомоечная машина, стиральная машина, кухонная плита, кухонный робот, пылесос, сушилка, фритюрница, гриль, миксер, хлебная печь, вентилятор, электробритва и др. Каждый рекламный текст был проанализирован в соответствии с представленной выше инструкцией, в результате чего была создана база данных исследования. Ср. в качестве примера одну из таблиц нашей базы данных.

Таблица 1. Когнитивно-семантическая карта рекламного текста

Источник (рекламный текст):

Dzięki zastosowaniu elektronicznego sterowania nowa pralka Aquamatic osiąga najwyższe klasy: klasę A za skuteczność prania i klasę A za oszczędność energii. Tym samym gwarantuje niskie koszty użytkowania oraz ochronę środowiska naturalnego
 ‘Благодаря применению электрического управления новая стиральная машину «Аквататик» относится к наивысшей категории: к категории А за эффективность стирки и к категории А за экономию энергии. Таким образом, она гарантирует низкую стоимость эксплуатации и защиту естественной среды’

Название объекта: *стиральные машины фирмы «Candy»*

КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ

КАТЕГОРИЯ

ЗНАЧЕНИЕ

Качество

высокое

Экологичность

высокая
(защита естественной среды)

Стоимость эксплуатации

низкая

Способ эксплуатации

электрическое управление

Категория

А

Версия

новая

ФОРМА

ВЫРАЖЕНИЯ

najwyższe klasy: klasę A za skuteczność prania

ochronę środowiska naturalnego

klasę A za oszczędność energii; gwarantuje niskie koszty użytkowania

elektronicznego sterowania

najwyższe klasy: klasę A

nowa pralka Aquamatic

Поскольку в рекламных текстах используются (актуализируются) разные семантические категории (аспекты) рассматриваемых объектов — мы выделили 26 таких категорий, то следующим этапом исследования является определение степени их регулярности в дискурсах данного типа. Сопоставление семантических категорий, содержащихся в нашей базе данных, с количественной точки зрения дала следующий результат — см. таблицу 2 (величина в процентах означает долю текстов, в которых культивируется данная семантическая категория).

Данные показывают, что наиболее часто употребляются четыре категории: [производитель], [эргономические свойства], [качество] и [версия]. Можно полагать, что на них базируются четыре модели семантического воздействия на адресата.

Модель I: «Профилирование производителя товара. В большинстве рекламных текстов указан производитель товара: *Tefal* — 19%, *Whirlpool* — 13%, *Ariston* — 10%, *BEKO* — 10%, *Moulinex* — 10%, *Siemens* — 10%, *Electrolux* — 6,5%, *Philips* — 6,5%, *Zanussi* — 6%, *Ardo* — 3%, *Gorenje* — 3%, *Panasonic* — 3%. Рекламодатель рассчитывает на то, что название известной фирмы (или известной марки) функционирует в массовом сознании как своего рода символ высокой репутации и высокого качества, а значит, можно рассчитывать на то, что при восприятии текста будет действовать известный принцип массовой коммуникации — принцип заражения.

Таблица 2. Фреквентивная иерархия семантических категорий

Семантическая категория	%	Семантическая категория	%
1. Производитель	62	14. Экологичность	14
2. Эргономические свойства	54	15. Скорость действия	14
3. Качество	50	16. Технология	14
4. Версия	48	17. Категория	12
5. Стоимость эксплуатации	28	18. Установка производителя	12
6. Функции	26	19. Способ работы	12
7. Практическая польза	26	20. Ассортимент	10
8. Эмоциональный эффект использования	24	21. Оценка внешней формы	10
9. Получаемый продукт	20	22. Цена	8
10. Составные части	18	23. Материал	8
11. Потребитель	18	24. Опыт производителя	4
12. Место нахождения в квартире	16	25. Объем	2
13. Общая оценка получаемого продукта	16	26. Размеры	2

Модель II: «Профилирование эргономических свойств товара. На втором месте по количеству употреблений находится семантическая категория, которая относится к сфере функциональности товара. Более половины рекламных текстов обращают внимание на то, что рекламируемый прибор прост и удобен в употреблении, т.е. не требует специальных навыков. Это свойство бытовой техники в рекламной ТКМ можно определить как эгалитарность. В определенной степени это свойство взаимодействует с другой категорией — [установка

производителя], так как фактически означает, что производитель заботится о клиенте.

Модель III: «Профилирование качества товара. Высокое качество товара — наиболее сильный аргумент производителя и рекламодателя, поэтому в рекламных текстах имеется прямое указание на высокое или наивысшее качество, а также указание посредством других семантических категорий, например, [категория], см. таблицу 1.

Модель IV: «Профилирование версии товара. В тех случаях, когда упоминается категория [версия] — а это касается почти половины проанализированных рекламных текстов — преимущественно актуализируется ее значение [новая версия], тогда как значение [традиционная версия] было отмечено только один раз. К символу «известный», содержащемуся в категории [производитель], таким образом, добавляется другой положительный символ массовой коммуникации — «новый». Традиция как позитивная ценность в данной предметной сфере находится на периферии.

Подводя итог проведенного исследования, можно схематически представить семантический прототип домашней техники в рекламной ТКМ (рис.2).

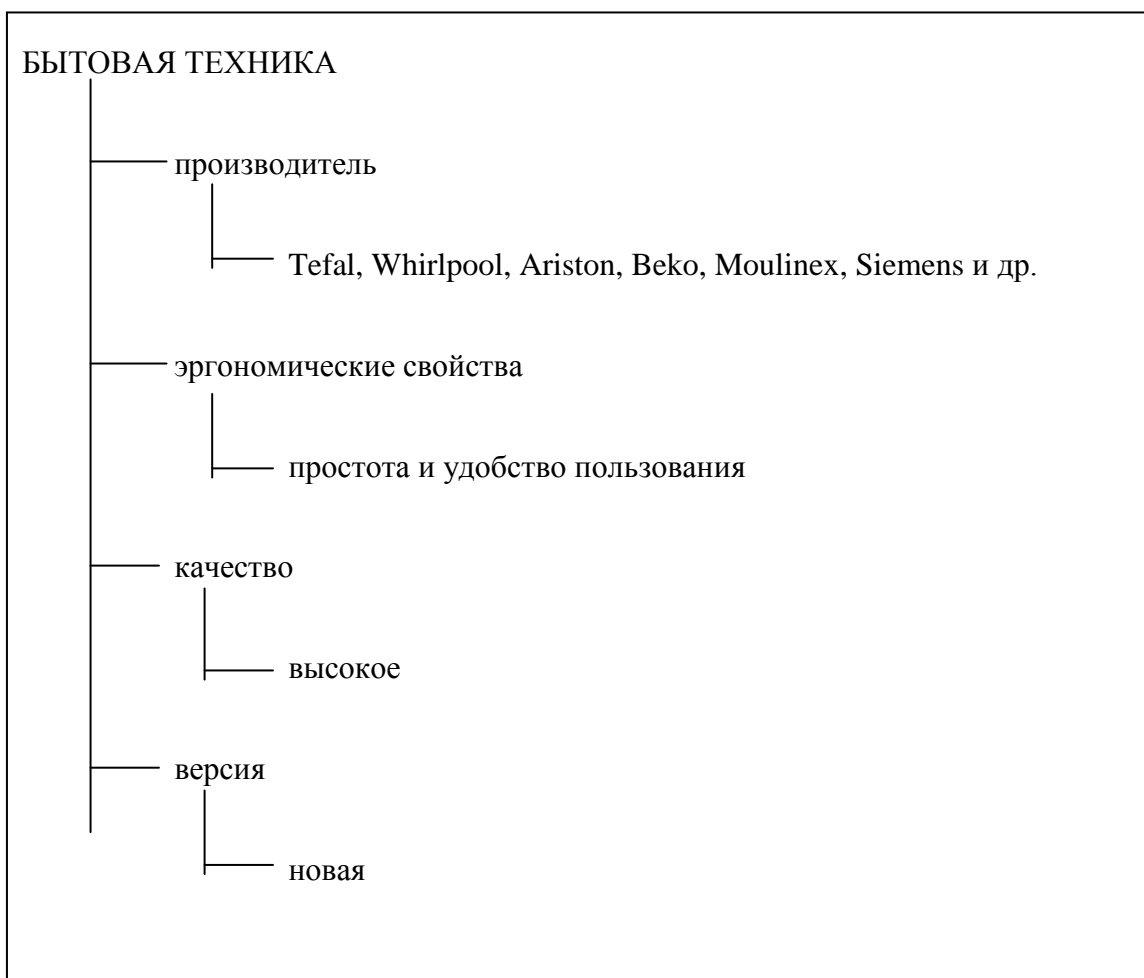
Таким образом, реклама учитывает приоритетные, в основном, внешние свойства объектов, создает их стереотипный образ в сознании адресатов. В рекламе бытовой техники был бы невозможен текст, который «высвечивал бы» негативные стороны объекта, к тому же связанные с особенностями его технического устройства, например, такой:

Вообще надо сказать, что холодильник можно использовать для охлаждения, но не для длительного хранения вина, так как в нем периодически возникает вибрация от работающего электромотора, которая беспокоит вино, окружающие бутылку продукты издают сильные запахи, которые неминуемо проникают в него и погубят меньше чем за месяц («Огонек» 1997, с. 29).

Приведенный выше текст вполне возможен как приложение к инструкции пользования холодильником, но он принципиально противоречит принципам концептуализации бытовой техники в рекламе.

В заключение обратим внимание на способы конфигурации протопических категорий в семантической структуре рекламного текста. Нами были отмечены практически все возможные комбинации четырех категорий: [производитель] — символ «П», [эргономические свойства] — символ «Э», [качество] — символ «К» и [версия] — символ «В».

Рис. 2. Семантический прототип бытовой техники в рекламе

Наиболее часто выступают следующие конфигурации:

ПК — 6 текстов

ЭВ — 5 текстов

ПЭК — 5 текстов

ПВ — 4 текста

ПКВ — 5 текстов

К — 4 текста

Ни разу не была отмечена категория [производитель] без упоминания других прототипических категорий; кроме того в единичных текстах встречаются следующие конфигурации: В, КВ и ПЭКВ. Ср. пример текстовой реализации последней конфигурации:

Odpowiednie przygotowanie wszystkich składników to gwarancja kulinarnego sukcesu. Maszynki Moulinex nie tylko idealnie miały mięso, ale także potrafią szatkować warzywa i kruszyć lód. Teraz nawet wyrabianie kielbas i ciastek jest wyjątkowo proste i szybkie...

Разумеется, мы отдаем себе отчет в том, что выводы, касающиеся типов конфигурации семантических категорий в текстах — т.е. своего рода синтаксиса понятийных категорий — носят предварительный характер и требуют верификации на более обширном фактическом материале.

Белл Р. Т. Социоллингвистика. Цели, методы и проблемы. - М., 1980

Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания, 1994, № 4. с. 17–33.

Джемс В. Мышление // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления. – М., 1981, с. 11–20.

Дридзе Т. М. Язык и социальная психология. – М., 1981.

Зализняк Анна А. Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира // Русский язык в научном освещении., 2003, 1(5). – с. 85–105.

Киклевич А. К. Проблемы семантического исследования языка в теории концептуальных метафор // Jachnow H./Kiklevič A./Mečkovskaja N./Norman B./Wingender M. Kognition, Sprache und phraseologische/parömiologische Graduierung // Slavistische Studienbücher. Neue Folge. Bd. 14. Wiesbaden, 2005, 1–41.

Красных В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? - М., 2003.

Кривоносов А. Т. Система классов слов как отражение структуры языкового сознания (Философские основы теоретической грамматики). - М. — Нью-Йорк., 2001

Леонтьев А. А. Психология общения. – Тарту, 1974.

Лурия А. Р. Язык и сознание. – М., 1998.

Поливанов Е.Д. Труды по восточному и общему языкознанию. - М., 1991.

Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идни, результаты // Semiotika i informatika. 36, 1998. - 274–324.

Рудяков А.Н. Язык, или почему люди говорят. Опыт функционального определения естественного языка. - Киев, 2004.

Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М., 1977.

Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. - М., 1990.

Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира. Материалы к словарю. - М., 2002.

Awdiejew A. Standardy semnacyjne w gramatyce komunikacyjnej // Awdiejew A. (ред.), Gramatyka komunikacyjna. Warszawa — Kraków, 1999. - 33–68.

Bartmiński J. Podstawy lingwistycznych badań nad stereotypem — na przykładzie stereotypu matki // Język a kultura. XII, 1998. - 63–83.

Bugajski M./Wojciechowska A. Teoria językowego obrazu świata w badaniach idiolektu pisarza // Poradnik Językowy. 3, 1996. - 17–25.

Filar D. Językowy obraz świata a obraz świata w tekście poetyckim // Język a kultura. 13, 2000. - 169–180.

Gibbs R. W./Matlock T. Psycholinguistic Perspectives on Polysemy // Polysemy in Cognitive Linguistics. Selected Papers from the Fifth International Cognitive Linguistics Conference. Amsterdam, 1997. – p. 213–240.

Grzegorzczkova R. Pojęcie językowego obrazu świata // Bartmiński J. (ред.), Językowy obraz świata. Lublin, 1999. - 39–46.

Jäkel O. Metaphern in abstrakten Diskurs-Domänen: Eine kognitiv-linguistische Untersuchung anhand der Bereiche Geistestätigkeit, Wirtschaft und Wissenschaft. Frankfurt a.M. — Berlin/Bern — New York etc., 1997.

Jäkel O. Diachronie und Wörtlichkeit: Problembereiche der kognitiven Metapherntheorie // Ungerer F. (ред.), Kognitive Lexikologie und Syntax. Rostock. S. , 1998. – s. 99-118.

Jäkel O. Hypotheses Revisited: The Cognitive Theory of Metaphor (Applied to Religious Texts). In: <http://www.metaphorik.de>.

Jędrzejko E. O językowych wykładnikach pojęcia „wstyd” w różnych koncepcjach opisu // Język a Kultura. 14, 2000. - 59–75.

Karaś A. Językowa konceptualizacja uczuć z grupy strachu na podstawie konstrukcji werbo-nominalnych // Poradnik Językowy. 4, 2003. - 27–35.

Koźlak K. Standardy semantyczne w reklamie telefonów komórkowych. Praca magisterska. [Promotor A. Kiklewicz]. Słupsk, 2003.

Labov W. The Social Stratification of English in New York City. Washington, 1966.

Lizak J. Rola reklamy przy kreowaniu świata w literaturze dla młodzieży // Habrajska G. (ред.), Język w komunikacji. 3, 2001. - 60–66.

Mikolajczuk A. Kognitywizm a nauczanie języka polskiego jako obcego. W: Mazur J. (ред.), Polonistyka w świecie. Nauczanie języka i kultury polskiej studentów zaawansowanych. Lublin, 2000. - 83–86.

Święcicka M. Obraz matki w prozie obyczajowej dla młodzieży // Język Polski. LXXXV, 2, 2005. - 103–115.

Tabakowska E. Językoznawstwo kognitywne — nowe czy dawne horyzonty badań nad językiem? // Szpila G. (ред.), Język a komunikacja 1. Język trzeciego tysiąclecia. Kraków, 2000. - 56–68.

Tabakowska E. Językoznawstwo kognitywne a poetyka przekładu. Kraków, 2001.

Wierzbicka E. Wiedza na temat współczesnej polszczyzny niezbędna w pracy lektora języka polskiego // Przegląd Polonijny. XXVI/1, 2000. - 163–171.

Wojciechowska A. Magdaleny z Kossaków widzenie świata. Warszawa — Poznań, 2000.

Zimny R. Obraz samochodu jako kobiety w prasowych tekstach reklamowych // Habrajska G. (ред.), Język w komunikacji. 3, 2001. - 46–53.

Е.А. Балашова
Пермь

Особенности восприятия мира русскими и словенцами

Объектом исследования являются фрагменты наивной картины мира, репрезентируемые с помощью обыденных толкований слов (Балашова 2002). Было проведено анкетирование носителей русского и словенского языков с целью выявления особенностей толкования слов тематических групп «Части человеческого тела», «Жилище», «члены семьи», «Продукты питания и блюда» (Балашова 2003А, 2003Б, 2005А, 2005Б).

В русских и словенских обыденных толкованиях обнаруживаются явные различия. Одни из них уже зафиксированы в словарях. Например, русские информанты определяют *кашу* как *блюдо из вареной крупы*, а словенские – как *детскую пищу*. При толковании этого слова словенскими испытуемыми были в 10% отказы – *не знаю, я ее не ем*, в 8% толкований дано определение – *блюдо из прошлого*. Обнаруженное различие в восприятии этого продукта может объяснить словарная дефиниция: 1) блюдо из очищенного проса, 2) (редко) очищенные зерна зерновой культуры или блюдо из таких зерен, 3) густое блюдо из протертого картофеля, фруктов и овощей. Словарное уточнение «редко» во втором значении подтвердили обыденные толкования, полученные в результате эксперимента.

Другие различия словарями не зафиксированы, но связаны с проявлением культурной специфики реалий, обозначаемыми анализируемыми словами. Эта специфика отражается в дефинициях/семах, обладающих культурной значимостью. Например, в толкованиях слова *коридор* в словенских анкетах нет значения «место для снятия одежды» (в русских домах коридор одновременно выполняет роль прихожей, поэтому значение слова *коридор* совпало у русских информантов со значением слова *прихожая*). В словенских домах кухня является местом для приготовления пищи, а в русских – местом и для приготовления, и для приема пищи (эта особенность и отразилась в толкованиях).

В наивной картине мира русских *балкон* связан с хозяйственной деятельностью, *дверь* выполняет защитную функцию, *кастрюлю* используют для хранения продуктов, а *потолок* – то, что белят. В наивной картине мира словенцев *балкон* предназначен для отдыха, общения с соседями, *холодильник* – для охлаждения напитков, *диван* и *кресло* располагаются в гостиной, *коридор* – там, где висят картины.

В русской наивной картине мира блины – то, что едят на масленицу, едят у тещи, салат – из мяса, сосиски – в пленке, чай – русский напиток. В словенской наивной картине мира *вино* изготавливается из яблок, *колбаса* – измельченное мясо в оболочке, *пиво* является освежающим напитком с горьким вкусом, *чай* принимают во время болезни, бывает фруктовым и т.д.

Сравнение словарных дефиниций русского и словенского словарей показало, что практически нет различий в толковании слов тематической группы «Члены семьи». Более того, в обоих словарях совпадают вторые значения у слов *тетя* и *дядя* – использование термина родства в качестве обращения. Следует отметить, что в обыденном сознании словенских информантов, в отличие от русских, эти значения не актуализируются.

Как показало анкетирование, в словенской семье мужчина уделяет больше внимания воспитанию ребенка, так как обыденное толкование слова *papa* – *человек, воспитывающий ребенка*, а в русских толкованиях – *человек, давший жизнь*. Примечательно, что для определения слов *мужчина*, *женщина* словенские информанты выбрали сему *партнер*, *спутник (спутница)*, в то время как русские испытуемые определили как *состоящий (-ая) в браке мужчина (женщина)*.

Следует отметить, что различия в иерархической структуре актуальных для обыденного сознания значений обнаруживаются в толкованиях слов всех тематических групп. При этом большим количеством слов с культурным компонентом значения или семой, обладающей культурной значимостью, отличаются тематические группы «Жилище» и «Продукты питания и блюда». Минимум таких слов содержится в тематических группах «Части человеческого тела» и «Члены семьи», так как русские и словенцы как представители европейской и славянской культуры имеют одинаковые наивные представления о человеческом организме и почти идентичные системы родства и брака.

Информация, содержащаяся в индивидуальных дефинициях (встречающихся в менее чем 5% анкет), в силу своей субъективности не может послужить основой для выявления каких-либо закономерностей. Тем не менее, индивидуальные толкования слов содержат культурно значимую информацию. Например, из русских индивидуальных дефиниций узнаем, что *пятки* предназначены для того, чтобы плясать «барыню», а *блины* предпочтительно есть с черной икрой. В словенских индивидуальных толкованиях находим информацию о том, что лучшее *пюре* из каштанов, а *гуляш* раньше был обязательным блюдом на поминках.

Большое влияние на содержание обыденных толкований оказывают такие социобиологические факторы, как «пол», «возраст», «уровень образования» и «специальность», так как наивные представления основаны на донаучных понятиях, а обыденное, бытовое восприятие значений выбранных для анализа слов определяется общей базой знаний, сформированной в процессе социализации индивида в определенном типе общества (Балашова 2003В).

Анализ показывает, что пол – серьезный социальный фактор, влияющий на содержание обыденных толкований. Как нам кажется, различия в содержании обыденных толкований мужчин и женщин можно объяснить следующими гендерными особенностями:

- женщины уделяют больше внимания (мужчины – меньше) своей внешности: в толкованиях лиц женского пола *зубы* определяются как украшение лица, *зеркало* 23% мужчин называют атрибутом женщины;

- женщины уделяют больше внимания (мужчины – меньше) эстетическим нюансам: о том, что *вазу* могут наполнять не только *цветы*, но и *фрукты*, вспомнили 25% женщин и 5% мужчин; только в дефинициях, данными лицами женского пола, называется функция скатерти *украшение стола*;

- женщины занимаются приготовлением пищи (мужчины – реже): 13% мужчин назвали *кухню* любимым местом женщины, женщины в толкованиях слов *блины* и *каша* назвали основные ингредиенты для приготовления этого блюда;

- для женщин менее характерно (для мужчин - более) стремление к самостоятельной жизни, независимости от родителей: *маму* называют родным, близким человеком 8% лиц мужского пола и 63% женского пола, *папу* - 3% лиц мужского пола и 25% женского пола. При этом в толкованиях слов *брат* и *сестра* дефиниции *близкий, родной человек* имеют примерно одинаковое количественное выражение.

Фактор «пол» также обусловил выбор разных значений слова. 80% женщин определили руки как *орудие деятельности, то, что необходимо для работы*, а 90% мужчин дали следующее толкование руки – *верхние конечности*. Для 80% женщин язык – это *орган речи*, а для 60% мужчин – *орган пищеварения*.

Интересно, что в словенских анкетах, заполненных лицами мужского пола, в толкованиях слов *зеркало*, *кухня* нет указаний на то, что эти предметы являются женскими атрибутами, в определении слова *шея* также нет метафорических указаний на связь с лицом женского пола.

Фактор «возраст» проявился в основном в индивидуальных дефинициях. Анализ толкований показывает, что словенцев, как и русских информантов возрастных групп 40-49 лет и 50 лет и старше отличает повышенное внимание к своему здоровью и к проблемам, связанным с возрастными особенностями. Кроме того, отмечены дефиниции, в которых отражается жизненный опыт испытуемых. Опрошенных возрастной группы 20-29 лет отличает активность, возможно, даже некоторая агрессивность (*кости – то, что можно сломать*), в их толкованиях присутствуют реалии, темы, являющиеся актуальными в рамках молодежной культуры, насаждаемой СМИ (*волосы – питательная среда для перхоти*).

Важным фактором, влияющим на характер определений слов, выступает уровень образования испытуемых. Например, дефиниция *часть центральной нервной системы* в толковании слова *мозг* содержится в анкетах 29 информантов в высшем и 8 опрошенных со средним образованием, *салат – это овощная культура* для 14 испытуемых с высшим и 2 информантов со средним образованием. В словенских анкетах назвали *функцию языка – получение вкусовых ощущений* – 15 информанта с высшим и 3 информанта со средним образованием, *уши* как *орган*

равновесия определил 9 человек с высшим и 1 человек со средним образованием.

Фактор «специальность» проявился следующим образом: *руки* как *орудие деятельности* воспринимают 30 опрошенных с техническим и 11 информантов с гуманитарным образованием. Все дефиниции, в которых *телевизор* определяется как *радиотехническое устройство*, содержатся в толкованиях информантов с техническим образованием. В словенских анкетах *руки* как *орудие деятельности* воспринимают 38 человек с техническим и 20 человек с гуманитарным образованием. Слово *телевизор* определяется как *радиотехническое устройство* в анкетах 30 лиц с техническим и 11 лиц с гуманитарным образованием.

Таким образом, удалось установить, что социобиологические факторы являются субкультурными факторами, оказывающих влияние на актуализацию лексико-семантических вариантов слова в рамках определенной социальной группы (объединенной на основании таких социобиологических характеристик ее членов, как «возраст», «уровень образования» и «специальность»), иногда доминируя при этом над фактором национально-культурной принадлежности. Исключение составил фактор «пол», который обусловил выбор разных значений слов русскими и словенскими мужчинами и русскими и словенскими женщинами.

Балашова Е.А. Обыденное толкование значения слова в лингвистическом эксперименте // Проблемы социо- и психолингвистики. – Пермь, 2002. – Вып. 1. – С. 76-79.

Балашова Е.А. Жилище русских и словенцев по данным обыденных толкований значений слов // Филологические заметки. – Пермь, 2003А. – Ч. 1. – С. 93-99.

Балашова Е.А. Русские словенцы сопоставительный аспект обыденного восприятия лексических единиц // Исследование славянских языков и литератур в высшей школе достижения и перспективы: Информационные материалы и тезисы докладов международной научной конференции. - М., 2003Б. – с. 46-49.

Балашова Е.А. Национальная картина мира контрастивное исследование // Система и среда: Язык. Человек. Общество: Материалы Всероссийской научной конференции (Нижний Тагил, 4-5 апреля 2005 г.). – Нижний Тагил, 2005. – с. 26-28.

Балашова Е.А. Фрагменты наивной картины мира русских и словенцев по данным обыденных толкований слов (социолингвистический подход): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2005.

Балашова Е.А. Влияние социобиологических характеристик на особенности обыденного сознания носителей языка // Проблемы социо- и психолингвистики. – Пермь, 2003В. – Вып. 2. – с. 31-34.

Статья Е.А.Балашовой подготовлена по материалам автореферата ее кандидатской диссертации «Фрагменты наивной картины мира русских и словенцев по данным обыденных толкований слов (социолингвистический подход)», Пермь, 2005. –18 с. Подготовка статьи к публикации по просьбе редколлегии сборника - Ж.И.Фридман.

Медина Елисова
Киев

Мировое древо в картине мира Б. Пастернака (в проекции на этномифопоэтическую систему восточных славян)

В национальном мифе отражено мировоззрение народа и его миропонимание, осознаваемое в контексте культурных традиций. Особая роль в трансляции культурно-национального самосознания народа, в национально-культурном пространстве языка (его мифопоэтической ипостаси) принадлежит универсальному символу, который является цементирующим звеном любого мифа, ядром, вокруг которого вращаются все остальные образы-символы. Таким универсальным символом, способным вобрать в себя все множество иных составляющих констант этноязыковых картин мира, "моделью культуры в целом, «древом цивилизации» среди природного хаоса" (Топоров 1991) является мировое древо.

Три восточнославянских этноса имеют значительный исторически обусловленный фонд общих мифопоэтических значений, о чем говорили выдающиеся российские и украинские этнографы и филологи в XIX - XX вв. (Афанасьев 1995, с. 730; Вовк, с. 166 – 167). Кроме того, полное описание в четко очерченных границах мифа украинцев, россиян, белорусов на сегодня отсутствует, поэтому корректными можно считать попытки описать формы бытия "мифопоэтического языка восточных славян" - при условии определения, где это возможно, этнических значений (Слухай 1999, с.79).

Рассмотрим способы объективации универсального символа "мировое древо" в составе мифопоэтических картин мира восточнославянских этносов.

Общепризнанным является тот факт, что сосуществование в модели мира разных кодов, образующих единство на семантическом уровне, означает возможность трансформации образа и появления его изоморфов (Цивьян 1990, с. 6). Так, Т. В. Цивьян говорит о существовании следующих кодов: вегетативный, астральный, зооморфный, антропоморфный, гастрономический, одористический, цветовой, числовой, музыкальный, при этом оставляя список открытым (Там же). Другие авторы употребляют

в том же значении термин «модель». Символические изоморфы мирового древа, принадлежащие различным моделям, резонируют между собой, они несут на себе все или часть функций универсального символа, а именно космогоническую, медиативную, регулятивную, коммуникативно-мнемоническую.

В словарях и справочниках, а также мифопоэтических исследованиях зафиксированы различные образы, изофункциональные мировому древу: «мировая ось», «мировой столп», «мировая гора», «мировой человек», храм, триумфальная арка, колонна, обелиск, трон, лестница, крест, цепь, мост, веревка, трезубец, ветка, метла, веник, мировая река, змея, черепаха, ящерица, лягушка, червь, брус, жезл, царь, бог, жертвенный костер, арфа-лира, корабль смерти, барабан, сад, огород, нитка, волос, берегиня, всякое женское начало, веретено, паук (Топоров 1991-1992; Керлот 1994; Потапенко 1997; Дмитренко 1994; Потапенко 2002; Баевский 1980).

Этот список не является закрытым, и не случайно, ведь в мире мифосимволических смыслов ничто не изолированно, все отражается во всем: "в пределах архетипической схемы, благодаря принципу концентрации, все сходные существа могут быть представлены как одно существо. Преобладающий ритм преобразует все, что может внешне представляться отдельным" (Керлот 1994, с. 38-39). Такое понимание мирового древа присуще современным исследователям: "и стол — тоже мифологема мирового древа, он центр дома, его и ставят обычно в центре комнаты, и букет на столе — мировое дерево! И просто букет — тоже (и даже духи — потому что у них цветочный запах, запах мирового древа, вот почему букет или духи как подарки от поклонника дороги любой девушке — она на подсознательном уровне, ничего не зная про мировое дерево, понимает, что стала центром мира для любимого). Любая центральная улица города — мировое дерево. Поэтому так любят «прошвырнуться по Бродвею». Прогуляться по центру мира — это значит подкачаться энергией его, стать сильнее" (Горланова 2004). Поскольку универсальный символ содержит в себе бесконечный смысловой потенциал, список конкретных реализаций мирового древа практически бесконечен.

Традиционно рассмотрение изоморфов мирового древа начинается с "ботанических" символов. Все вегетативные образы могут быть изоморфны мировому древу в силу резонантной функции символа, согласно закону «метафорической радиации синонимов», иначе говоря, группового переноса значений слов: «Вслед за одним словом другие слова той же ЛСГ начинают приобретать аналогичное переносное значение» Молотаева 1985). Мировое дерево - это и лес, и роща, и сад. У славян множество рощ и заказных лесов имеют "священные" названия: "божелесье", "гай-бог", "божница", "праведный лес", "святибор".

Весьма часто символическое дерево не принадлежит к какому-либо определенному роду, хотя некоторые народы отбирают какой-нибудь отдельный вид. По крайней мере, в каждой традиции выделяется одно или несколько репрезентативных растений. Они как бы аккумулируют и

основные функции, и основные атрибуты, и основные сюжеты и мотивы, переходя таким образом границы своего кода, и обязательно формируют особый круг текстов (Цивьян 1990). Некоторые деревья считались у славян тотемами, которые волхвы запрещали рубить. К тотемам относились орех, терн, бук, дуб (дерево Перуна, прадуб, дуб-стародуб - первое дерево на Земле), а также бузина.

У восточных славян почитались в качестве мирового древа вишня, дуб, верба, калина, явор, липа (Потапенко 1997, с. 43), а также береза, яблоня, груша (Дмитренко 1994, с. 62), причем особым уважением пользовались деревья, растущие у родников и криниц. “В самый четверток по пасце (“семик”) собираются жены и девицы под дерева, под березы и приносят яко жертвы: пироги и каши и яичницы и, поклоняясь березам, учнут песни сатанинские, приплетая пети и дланми плескати и всяко бесятя”, - писалось в 1636 г. в одной из челобитных (Рыбаков 1988).

Есть много общего в системе символических значений трех восточнославянских народов, хотя существует и мнение о том, что в украинской культуре (фольклоре) древняя народная символика осталась в значительно большем объеме, ближе к своему первобытному состоянию, чем в российском фольклоре и культуре в целом (Слухай 1999, с.79).

Часть символических значений является общей для трех этносов, часть - принадлежащей лишь одному из них. Например, среди многих значений мифологемы "калина" встречаем присущее только украинской культуре значение "символ разлуки", а "груша" - российский символ девушки до замужества (Там же). Калина в Украине символизировала праздник Коляды, надругательство над этим деревом считалось большим грехом. Это и символ девичьей чистоты, и еще крови. Россия и Украина - из одного корня калина, - говорят в Украине. Не было на Украине хаты, считает этнограф В. Скуратовский, где не рос бы куст калины. По обычаю, если где-то на дороге или в поле была одинокая могила, сельские девчата считали своим долгом обсадить ее калиной. Калиновые гаи издавна считались священными. Возле них запрещалось выпасать коров, рубить кусты. По поверью, если в калиновой люльке качать ребенка, то он вырастет певучим (Скуратівський 1998).

Ива (верба) считается вторым, как и калина, национальным деревом (без верби і калини нема України). Особенно это “журливе дерево національної скорботи” воспел Т. Шевченко. Вербой традиционно обсаживались дороги, ставки, криницы. Это дерево символизировало Прадедову жизнь, недаром ее садили вдоль дорог, как символ берега космического океана. Верба - это также условное дерево военного совета запорожцев. Народная поэзия отмечает два свойства дерева: его особенный шум и положение над водой. Иногда верба символизирует несчастье. Шум вербы - знак вести или неожиданности. По некоторым старинным славянским поверьям, из вербы можно сделать такую флейту, что от ее музыки встанут мертвые из могил. Вербой обсаживали колодцы, чтобы защитить воду от злых сил, а вода была “пригожа та здорова”. Обсаживали также копанки, в которых

стирали белье, дабы вода очищалась. Как символ печали, вербу сажали на могилах.

Вишня считалась в Украине “божественным деревом”, а шевченковский “садок вишневый коло хати” - символом Украины. Он выполнял функцию оберега от злой силы. Если возле хаты не было фруктового сада, то говорили, что там гуляют черти. Кроме всего прочего, вишневый сад - место девичьих гаданий. Если люди переезжали на другое место, они сад не вырубали. Он должен был напоминать о родовых корнях (Скуратівський 1998). Среди других весомых украинских “ботанических” символов находятся барвинок, васильки, евшан-зелье (полынь), рожь, зелье, цветы, мак, тополь, сосна, ясень, бузина, мальва, конвалия, рута-мята, лебеда (Потапенко 2002, с. 29).

Береза была святым деревом у славян, символом девичьей чистоты. Еще в 19-м веке на бересте люди писали прошения к лешим и прицепляли к стволу березы. Русские и белорусы считали березу в противоположность осине - “хорошим” деревом. Это излюбленное дерево россиян, ставшее символом России. Русские говорили, что береза - благословенное дерево, ибо укрыло Богородицу и Христа от непогоды, а Святую Пятницу от преследования нечистого. Считалось также грехом ломать березу до Троицы. “Русские в районе Тотьмы, - писал Д.К. Зеленин, - считали несчастным для стройки то место, где прежде росли березы, так как корчевка берез считалась грехом” (Зеленин 1993). Русские на Алтае верили, что грех пить березовый сок: “все равно, что блуд творить”, и пролившись на снег, он окрасится в кровавый цвет.

Инвентарный набор вегетативного кода должен быть основан прежде всего на растениях данного региона и на их свойствах, которые определяют использование растений в разных жизненных надобностях. В зависимости от этих условий каждое растение получит свое место в модели мира, т.е. приобретет определенную степень мифологизации (семиотизации).

Таким образом, структура мифологического гербария, как будто, должна определяться реальностью: то, что есть, то, что употребляется. В основе это так, однако, обнаруживаются и иные, в принципе могущие быть более сильными, критерии для его составления. “Уже первые наблюдения приводят к выводу, что отбираются, соответственно, мифологизируются, растения не на основании практического о п ы т а, а на основании имманентного з н а н и я, исходящего из имманентной же, или «известной заранее» модели мира” (Цивьян 1990). Разные растения объединяются в группы: с одной стороны, т.о. проявляются их скрытые сходства, с др. стороны, их индивидуальность признаки теряют свою значимость, поскольку взаимозаменяемость может приводить к унификации. Модель мира выделяет растения в соответствии со своей схемой, но и растения воздействуют на модель мира и индивидуализируют ее. Одним словом, в модели мира фигурируют и те, и одновременно не те растения, которые ее носитель видит вокруг себя; в этой амбивалентности и заключены

динамические процессы, характеризующие взаимодействие, взаимовлияние модели мира и ее кода (Там же).

Говоря об особенностях универсального символа «мировое древо» в структуре мифопоэтической картины мира восточных славян, следует отметить, что реконструкция картины мира восточнославянского этноса и образа мирового древа как ее основы не может быть полной, если мы опираемся на данные словарей и фольклорных источников. Так, А.В.Ципко отмечает «определенную недостаточность ‘прямого’ фиксированного материала» и вынужденность использования “преимущественно обломочного фактажа” (Ціпко 1997). Этот материал, считает исследователь, «оживает», значительно дополняясь и komponуясь, при внесении его в «компаративистский простор», то есть при обращении к памятникам индо-иранцев, которые «генетически и интенционально» родственны «славяно-украинцам». При этом исследователями подчеркивается мысль о том, что и сама восточнославянская традиция «богата архаизмами и во многих случаях сохраняет то, что в других традициях уже утрачено и может быть восстановлено только в результате более или менее сложных реконструкций» (Топоров 1977).

Словесные описания мирового дерева находим в многочисленных фольклорных памятниках восточных славян, которые были исследованы такими учеными, как А.Н.Афанасьев, И. Нечуй-Левицкий, Н.И.Костомаров, В.Н.Топоров.

Стоїть ми, стоїть зелений явір,
А в тім яворі три користоньки:
Єдна ми користь в верху гніздонько,
В верху гніздонько, сив соколонько;
Друга ми користь, а в середині,
А в середині, в борти пчолоньки;
Третя ми користь у коріньєнка,
У коріньєнка чорнії бобри (Топоров 1977, с.178).

Это – классический пример, наглядно представляющий трехчленную структуру мирового древа, а также животных – атрибутов каждой из трех зон членения его по вертикали. Явор (ясень) – один из наиболее часто встречающихся вариантов МД у украинского народа, но заметим, что явором в украинских песнях называется дуб (Нечуй-Левицкий, с. 74). Сокол же (золотой сокол, сизый, седой сокол, иногда орел) – медиатор, соединяющий небо и землю. И. Нечуй-Левицкий считает сокола образом светлого божества, древнего громовика Индры (Нечуй-Левицкий, с.76).

Еще один пример украинской колядки:
Весь двір на горі,
Явор на дворі,
На тім яворі
Сив сокіл сидить,
На море глядить...(Ціпко 1997)

В этом контексте выступают два образа, изоморфных мировому древу – явор и гора, а также «миниплоскость» ‘двор’, а сокол – звено, соединяющее различные структурные уровни. А.В. Ципко, детально

рассмотревший образ («супердоминанту») мирового дерева в украинской фольклористике, отмечает, что, кроме вышеупомянутых изоморфных образов, под влиянием христианской традиции, в украинской культуре выделяются также следующие: сад, виноградник (вертоград), крест, Христос-Спаситель, лестница и мост (Ціпко 1997).

Словесные описания мирового дерева в восточнославянской культуре находят поддержку в соответствующих изображениях на предметах домашнего обихода, посуде, керамических изделиях, мебели, вышивке, украинских писанках и т.д. (Топоров 1977, с. 178; Потапенко 2002, с. 73). Субституты мирового дерева являются необходимыми атрибутами многих обрядов восточных славян. Так, у украинцев встречаются обрядовая вежа, высокая палица с колесом-солнцем, свадебное “гільце”, игровой (обрядовый) дуб, сноп-Дидух, Марена из вербы и т.д. (Воропай 1993; Килимник 1994, с. 23-24; Потапенко 2002, с. 74-75, 80). “Вказівками на стародавнє шанування дерева в нас позосталися й такі обрядові речі, як весільне вільце, купальське деревце, биття вербою у вербну суботу та ін., - усе звичаї дуже давні. Древопоклонство, цебто поклонення “ращеніям” було в нас загальне...” (Митрополит Іларіон 1992).

Отзвук легенды о мировом древе содержится, очевидно, в поверье о том, что человек не напрасно проживет жизнь, если посадит дерево, построит дом, воспитает сына. По отношению к деревьям у украинцев сложился целый комплекс традиций: существовал обычай сажать в честь погибших героев деревья – живые памятники (Потапенко 2002, с. 73), при рождении ребенка сажают дерево (чаще всего фруктовое); при строительстве хаты не рубят плодовые деревья, вблизи криницы сажают калину, сажают “святую” вербу на Вербную неделю; при призыве юноши на службу девушка сажает на краю села тополь. Отражением темы мирового дерева в славянских литературах является “мысленное дерево” Бояна, пушкинский “у лукоморья дуб зеленый”, описание из повести Н.В.Гоголя “Майская ночь или Утопленница”.

Однако не только вегетативные образы могут быть изоморфами мирового дерева (см. выше). Мы считаем, что наиболее перспективным решением задачи реконструкции мифопоэтической картины мира этноса и определения субституты мирового дерева в конкретной этнонациональной традиции является обращение к индивидуально-авторской модели мира творческой личности – представителя народа.

Философия взаимопроникновения, “родства всего со всем” была свойственна Б.Пастернаку, в творчестве которого исследователи отмечают наличие «мощного мифологического страта» (Баевский 1980, с. 116). Говоря о мифопоэтической картине мира Пастернака, следует учитывать влияние языческой восточнославянской, христианской, античной и еврейской культурных парадигм на его сознание.

Художественно-мифопоэтическая система словоупотребления Б.Пастернака в ракурсе исследования парадигм образов, изоморфных МД, позволяет выделить следующие модели (в скобках приводим лишь

наиболее яркие образы): **зоологическая** (единорог, змей), **гидрологическая** (водопад, река), **орологическая** (гора), **культовая** (крест, храм, свеча), **атрибутивная** (фонарь), **солярно-метеорологическая** (луч, дождь), **антропная** (пастух, садовник), **пространственная (хронотопическая)** (город, дорога, ночь), **числовая** (девять, семь, три, четыре), **геометрическая** (ромб, спираль, муравейник), **вегетативная** (наиб. многочисленная модель, 154 образа), **транспортная** (ковчег, поезд). Выделение моделей условно, допускается перекрестная принадлежность образов. Предвидя, что изоморфизм некоторых образов (ночь, фонарь, поезд) универсальному символу мирового древа может вызвать возражение из-за "хронологичности", "неовещественности" или, напротив, рукотворности, техногенности, отметим следующее: универсальный символ "примиряет различные уровни реальности" (Керлот 1994, с. 63), и техногенные символы становятся наследниками традиционных культурно-мифологических смыслов (Тименчик). Кроме того, мировое древо имеет "хронологические" параметры: "Горизонтальная структура схемы мирового древа моделирует не только числовые отношения и страны света, но и времена года, части суток..." (Топоров 1991-1992). Ср. описание года через образ мирового древа в русских загадках: «Стоит дуб, на дубу 12 сучьев...» или «Стоит столб до небес, на нем 12 гнезд...».

Восстановление интенционального поля образов, изоморфных мировому древу, позволяет всесторонне исследовать мифопоэтическую картину мира Б.Пастернака, установить степень авторизации универсального символа МД путем сопоставления с данными мифологических энциклопедий и словарей. Основным методом при восстановлении интенционального поля образов послужил метод логико-семиотической рамки (Слухай (Молотаева) 1995), заключающийся в последовательной идентификации актантов мегаситуации произведения в трех логико-семиотических позициях: субъекта осмысления, субъекта сопоставления и объекта сопоставления с выделением соответственно прямых дескрипторов-значений образа, кодов переосмысления и реверсивных (обратимых) дескрипторов-мотивов (дескриптор - то, посредством чего можно описать смысл).

У Бориса Пастернака одним из любимейших является, безусловно, образ поезда. Это – самый яркий техносферный аналог мирового древа. Наиболее близкими его аналогами в других моделях являются образы дороги, реки, с которыми его объединяет направленность вперед, а не вверх, как у других алломорфов мирового древа. А в техносферной модели поезд алломорфен трамваю, троллейбусу, вагону. Феномен мистического восприятия трамвая русскими поэтами конца XIX-начала XX века подробно рассмотрен Р. Д. Тименчиком (Тименчик).

У Пастернака отмечается контекстуальное сближение трамвая с Богом Грозы: «Где-то с ливнем борется трамвай. Где-то снится каменным метопам Лошадьми срываемый со свай Громовержец, правящий потопом» Так образы поезда и трамвая «попадают в семантическое поле основного

мифа» (Там же, с. 137). Сочетание орнитоморфных черт с метафорами змеи, ящерицы, червя подводят к отождествлению поезда (трамвая) с драконом. Д. Яцутко отметил, что «мотив трамвая (или его алломорфов: поезда, троллейбуса) как инициационного монстра» стал сквозным не только в русской культуре (см., напр., "Проданный смех" Джеймса Крюса) и активно функционирует по сей день (Глеб Самойлов "Шпала", В. Цой "Троллейбус, который идёт на восток", В. Пелевин "Жёлтая стрела", Н. Белюшина "В центре всех городов") (Яцутко, Гумилев, Хлебников). «Вероятно, такая устойчивость этого мотива в культуре имеет какие-то очень серьёзные причины», - отмечает исследователь.

Отличительной чертой поезда является движение, причем с большой скоростью, которая, вместе с тем, может постоянно изменяться вплоть до полной остановки. Отсюда – неизбежное противопоставление прошлого (то, что сзади, что прошло, промелькнуло в окошке поезда) и будущего (то, что впереди).

Так же, как и другим аналогам мирового древа, поезду присуща осевая симметрия, поэтому он может разграничивать мифопоэтическое пространство, разделяя различные миры: реальные, трансцендентные, сакральные и т.д. Поезд вообще уникален с точки зрения потенциальных мифопоэтических смыслов, которые он может нести. Это своеобразный движущийся дом, поэтому, безусловно, он может служить и пространственной нишей различных мифомиров, и местом обитания злых или добрых духов, обителью радости и печали, даже гробницей и усыпальницей. Все эти потенциальные смыслы с успехом воплощались разными авторами в художественной литературе, кинематографе, живописи и т.д.

Наиболее устойчивой является метафора “поезд – жизнь”, возможно, она даже берет начало в подсознании человека. Ибо не случайно К.Г.Юнг трактует железную дорогу в сновидении как жизненный путь (Калина, Тимощук 1997). Любовь и постоянное возвращение Пастернака к образу поезда отчасти можно объяснить тем историческим периодом, в котором творил автор. Итак, этот образ является центральным в его КМ, а анализ образа дает богатейший материал для понимания закономерностей мифопоэтического мышления и моделирования мифопоэтического универсума.

Образ поезда в художественной речи Пастернака объективирован в формах: жертвенный рот постоянного движения поездов, рельсы, рельсовый путь, **железное чудовище**, расписание поездов, захудалый наш поезд, обвал прибывающих поездов, тормоза санитарного поезда, насупленный лязг и полет поездов, в пургу на север шедшие поезда, рельсовые пути, нагоняющие, обгоняющие друг друга, идущие рядом и расходящиеся поезда, **вневременные домики геометрически закупоренные от “настоящего” и катящиеся между прошлым и будущим**, бешено несущийся поезд, скорый, плотно, железная дорога, паровоз, поезд-баня, растопленные паровозы, свитские поезда, царский

(поезд), хранимый в секрете поезд, медленно пятащийся состав, какой-то только что подошедший и расписанием не предусмотренный поезд, таинственный поезд, хвост идущего поезда, курьерский старого образца, броневой особого назначения, воинский поезд, плавно идущий поезд, паровозное кладбище внизу; целые белогвардейские составы, пассажирские и товарные, застигнутые заносами, общим поражением Колчака и истощением топлива; застрявшие в пути, навсегда остановившиеся и погребенные под снегом поезда, стоящий без движения эшелон, паровичок.

Как видим, объективации образа включают в себя авторские номинации и парафразы (выделены жирным шрифтом), формы по синекдохической модели. Среди прочих объективаций преобладают формы с эпитетами, как правило, эмоционально окрашенными. Вся совокупность объективаций позволяет идентифицировать пастернаковский поезд как хтонический субъект анимо-аниматичного мира.

В качестве субъекта осмысления образ “поезда” реализует значения:

1. **“Субъект анимо-аниматичного мира”**: “И поезд метет по перронам Глухой многогорбой пургой” (Пастернак 1989); «И **рельсами** беременны деревья” (Пастернак 1989); “**Поезд** вырвался из лиственных теснин на волю. <...> Против поляны за **хвостом идущего поезда** вполнеба стояла огромная черно-лиловая туча” (Пастернак 1989); “**Поезд** кряхтя вползал в чащу и еле тащился по ней, *точно это был старый лесник*, который пешком вел за собой толпу пассажиров, осматривавшихся по сторонам и все замечавших” (Пастернак 1989); “**Поезд** тронулся плавно, словно подражая движению шляп, которыми им махали на прощание. Когда перестали махать и троекратно рывкнули что-то издали (вероятно, “ура”), **поезд** пошел быстрее” (Пастернак 1989); “...аппетитно выпатив цилиндры, **Паровичок** на стрелке кипит Туман лугов, как молоко с селитрой (Пастернак 1989); «**Растопленные паровозы** стояли готовые к выходу, обжигая холодные зимние облака кипящими облаками пара” (Пастернак 1989).

2. **Составная опозитизированного пейзажа – Компонент живой одухотворенной (первозданной) природы**: “Все в снегу, все из снега изваяно, Все отлито в предвечные формы. Мост у кладбища, речка, окраина, **Рельсы**, лес, переезд и платформа” (Пастернак 1989).

3. **“Субъект хтонического мира (техносферный аналог змея – дракона)”**: “В жертвенный рот постоянного движения поездов совались куски пейзажа, целые жизни. Казалось все, что текло, притекало роковым образом к рельсам и покорно склоняло свою голову на рельсовый путь, и железное чудовище торжественно перерезало в каждом метре своего вращения бесчисленные жертвы выкупающей будущее,— пошедшей на приманку быстроты,— жизни. Жизнь поэтому заглядывала в вагоны вездесущим глазом, отыскивала своих и предостерегала их: “Я здесь!” (Пастернак 1989); “сзади, стремительно разрастаясь, накатил оглушительный шум, перекрывший грохот водопада, и по второму пути разъезда мимо

стоящего без движения эшелона промчался на всех парах и обогнал его **курьерский старого образца**, отгудел, отгрохотал и, мигнув в последний раз огоньками, бесследно скрылся впереди. <...> Надо быть, Стрельников. **Броневой особого назначения**” (Пастернак 1989); “Когда-то под рыцарским этим гнездом Чума полыхала. А нынешний жупел — **Насупленный лязг и полет поездов** Из жарко, как улы, курящихся дупел” (Пастернак 1989); “Все это постигаешь у застав, Где с фонарями в выкаченном чреве За зданья задевают **поезда ...**” (Пастернак 1989).

4. Пространственная ниша мифологических миров – а) “нездешнего, трансцендентного” мира, в том числе мифомира мертвых: “Эти застрявшие в пути, навсегда остановившиеся и погребенные под снегом поезда тянулись почти непрерывною лентою на многие десятки верст. Они служили крепостями шайкам вооруженных, грабившим по дорогам, пристанищем скрывающимся уголовным и политическим беглецам, невольным бродягам того времени, но более всего братскими могилами и сборными усыпальницами умершим от мороза и от сыпняка... <...> Эти картины и зрелища производили впечатление чего-то нездешнего, трансцендентного. Они представлялись частицами каких-то неведомых, инопланетных существований, по ошибке занесенных на землю” (Пастернак 1989); “Паровозное кладбище внизу и кладбище пригорода, мягкое железо на путях и ржавые крыши и вывески окраины сливались в одно зрелище заброшенности и ветхости под белым небом...” (Пастернак 1989).

5. Атрибут ситуации антифактивности / неполной фактивности: “И сказка ползет, и клочки окоlesiцы, Мелькая бинтами в желтке ксероформа, Уносятся с поезда в поле. Уносятся Платформами по снегу в ночь к семафорам. Сопят тормоза санитарного поезда” (Пастернак 1989); “Все необычно, все по-другому. Как будто не живешь, а видишь сон, участвуешь в выдуманном, ни для кого не обязательном театральном представлении. Никого не знаешь, никто тебе не указ. <...> Четыре рельсовых пути по кольцевой эстакаде, высящейся над улицами, каналами, скаковыми конюшнями и задними дворами исполинского города. Нагоняющие, обгоняющие друг друга, идущие рядом и расходящиеся поезда” (Пастернак 1989); “В укорочении, получившемся при взгляде с высоты полатей, казалось, что плавно идущий поезд скользит прямо по воде” (Пастернак 1989); “Новый воздух весны вел прямо из залы II класса в поводящую ранними фонарями столицу, простой, легкой и безобидно открытой дорогой вел он туда; по этому душистому пути, не касаясь земли, прикатывал обвал прибывающих поездов. Туда, по этому же пути, когда он освобождался, простиралась разнузданная тоска души” (Пастернак 1989); “Прислушайся к выюге, сквозь десны процеженной, Прислушайся к голой побежке бесснежья. Разбиться им не обо что, и заносы Чугунною цепью проносятся понизу Полями, по чересполосице, в **поезде**, По воздуху, по снегу, в отзывах ветра, Сквозь сосны, сквозь дыры заборов безгвоздых, Сквозь доски, сквозь десны безносых трущоб»

(“Дурной сон”).

6. Атрибут сакрального мира: “Что в мае, когда поездов расписание, Камышинской веткой читаешь в купе, Оно грандиозней святого писанья И черных от пыли и бурь канapé” (Пастернак 1989); «Не хлопьями! Руками крой! — Достанет! О, десять пальцев муки, с бороздой Крещенских звезд, как знаков опоздания В пургу на север шедших поездов! (Пастернак 1989).

7. “Медиатор между мифомирами: а) миром мертвых и живых: “С пением “Вечной памяти” студенты и молодежь перенесли гроб с телом по станционному дворику и саду на перрон, к поданному поезду, и поставили в товарный вагон. Толпа на платформе обнажила головы, и под возобновившееся пенье поезд тихо отошел в тульском направлении. Было как-то естественно, что Толстой успокоился, упокоился у дороги, как странник, близ проездных путей тогдашней России, по которым продолжали пролетать и круговращаться его герои и героини и смотрели в вагонные окна на ничтожную мимолежащую станцию, не зная, что глаза, которые всю жизнь на них смотрели, и обняли их взором, и увековечили, навсегда на ней закрылись» (Пастернак 1989); “...распахнувши дверцу вагона, он бросился на всем ходу со **скорого** вниз головой на насыпь, *как бросаются с мостков купальни под воду, когда ныряют*” (Пастернак 1989); б) миром города и деревни: “Мой поезд только тронулся, Еще вокзал, Москва, Плясали в кольцах, в конусах По насыпи, по рвам. А уж гудели кобзами Колодцы, и, пылясь, Скрипели, бились об землю Скирды и тополя” (Пастернак 1989); в) миром столицы и провинции: “Поезд, доvezший семью Живаго до этого места, еще стоял на задних путях станции, заслоненный другими составами, но чувствовалось, что связь с Москвою, тянувшаяся всю дорогу, в это утро порвалась, кончилась. Начиная отсюда открывался другой территориальный пояс, иной мир провинции, тяготевшей к другому, своему, центру притяжения” (Пастернак 1989); г) миром прошлого и будущего: “Нетерпеливая, как мать, она то и дело справлялась о них и, обласкав, вылетала обратно, оставляя детей дотерпевать день и потом полдня и, наконец, несколько минут в этих **вневременных домиках геометрически закупоренных от “настоящего” и катящихся между прошлым и будущим**” (Пастернак 1989); “они поняли, что, переступив порог этой станции, переступят они ту границу, к которой шли и не ожидали, что так близка. Так на них ты различишь, читатель, в разных местах этой повести начавшее звучать, чтобы где-то прийти к созвучию и быть разрешенным в гармонию, время. — Время, сегодня одевшее на себя четыре разных тела. Время — сухой скелет, обросший их индивидуальностями (т. е. вневременным, или, еще вернее, безвременным,— потому что индивидуальность — Платонова идея)” (Пастернак 1989).

8. Воплощение хронотопического континуума-дисконтинуума: “Мимо в облаках горячей пыли, выбеленная солнцем, как известью, летела Россия, поля и степи, города и села. ... и с **бешено несущегося поезда** казалось, что возы стоят не двигаясь, а лошади поднимают и опускают ноги

на одном месте” (Пастернак 1989); “В дороге, благодаря неподвижному сидению в тесном купе, казалось, что идет только **поезд**, а время стоит, и что все еще пока полдень” (Пастернак 1989).

9. Предвестник разлуки, перемен, новой жизни: “Увижу нынче ли опять ее? До поезда ведь час. Конечно! Но этот час объят апатией Морской, предгромовой, кромешной” (Пастернак 1989); “То это была девушка, сажающаяся в соседний вагон 2-го класса и провожающая ее остающаяся здесь мать. Тогда это был такой-то год; революционное время; такой-то год девушки, порывающей со своим прошлым: с теплым крылом матери, с знакомой ночной библиотечной полкой, откуда рвался мир, в который теперь рвалась она, с знакомыми голосами” (Пастернак 1989).

10. Комплекс фоновно-энциклопедических признаков: “Сергей Львович прибыл в поезде, пришедшем за прахом Толстого для перевоза его в Ясную Поляну” (Пастернак 1989); “покидая пиво, искусственные пальмы, чернильницы, проплывая над заплыванным полем в корзинах, минуя расписания поездов и зал III класса, где приземистый храп переселенцев на полу шевелил неповоротливым пламенем свечей перед железнодорожной божницей и не задевая башлыков и решеток, смешанный, пыльный дым махорки и сигар перекачывал в уборные и на дебаркадеры” (Пастернак 1989); “Но есть и другие полустанки; даже это — станции. Или виновник того, что нас встречают одним звонком,— сам захудалый наш поезд. Но вот мы выходим на асфальтированный перрон; о, тут даже каменное строение; и даже зал I и II класса; тут даже сквер...” (Пастернак 1989).

В качестве **субъекта сопоставления** образ “поезда” переосмыслен согласно кодам:

антропоморфному: “**Поезд** последними широкими шагами, *как спешащий, достигающий цели и приободрившийся пешеход*, отпыхиваясь, остановился у дебаркадера и стал сдавать пассажиров. Он вынимал их, *как добрый святочный гость игрушки из оттопыренных карманов*, и расставлял по платформе” (Пастернак 1989); “**Поезд** кряхтя вползал в чашу и еле тащился по ней, *точно это был старый лесник*, который пешком вел за собой толпу пассажиров, осматривавшихся по сторонам и все замечавших” (Пастернак 1989); “двор ...озарился резким, мечущимся светом, *словно кто-то бежал с поля к воротам, размахивая зажженным факелом*. Это, выбрасывая в небо клубы желтого, огнем пронизанного дыма, шел мимо переезда **воинский поезд**, как они без счета проходили тут днем и ночью...” (Пастернак 1989);

архитектурному: он бросился на всем ходу со **скорого** вниз головой на насыпь, *как бросаются с мостков купальни под воду, когда ныряют* (Пастернак 1989).

Итак, образ поезда в художественной речи Б. Пастернака представлен чрезвычайно широким спектром дескрипторов. Очень часто один и тот же контекст может быть описан с помощью целого ряда дескрипторов, что

говорит о необычайной глубине создаваемого автором образа. Он амбивалентен, что в целом характерно для мифологем.

Среди кодов переосмысления преобладает антропоморфный. Поезд Пастернака - это субъект с чертами пананимизма, иногда зловещий, иногда принадлежащий сакральному миру, но чаще всего подобный обычному человеку, с его надеждами, радостями и бедами. Зачастую поезд может выступать компонентом первозданной природы – свойство, невозможное в мире профанных смыслов. Пастернаковский поезд может служить также медиатором между мифомирами либо пространственной нишей какого-либо из них, либо предвестником разлуки, перемен, новой жизни, а также символом жертвоприношения, символом самой жизни, которая заглядывает в его окна, воплощением хронотопического континуума-дисконтинуума.

Дескрипторы, тяготеющие к фоновому-энциклопедическим занимают весьма скромное место как по количеству представленных форм, так и по значимости в авторской картине мира. Символические дескрипторы, наличие осевой симметрии, важность в моделировании мифопоэтического универсума автора позволяют классифицировать образ поезда как изоморфный мировому дереву. В свою очередь, авторская художественно-языковая система в зеркале этнического мифа выступает показателем возможностей и резервов этномифопоэтической системы в целом.

Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. В трех томах. - М., 1995. - Т. 1.

Баевский В. С. Миф в поэтическом сознании и лирике Пастернака // Изв. АН СССР. Сер. Литературы и языка. – 1980. -Т. 39, № 2. – С. 116 – 127.

Вовк Х. Студії з української етнографії та антропології. - Прага.

Воропай О. Звичаї нашого народу. Етнографічний нарис. – К., 1993.

Горланова Н.В. Пермь земная и Пермь небесная // Отечественные записки. - 2004. - № 3.

Дмитренко М. та ін. Українські символи. – К., 1994.

Зеленин Д.К. Тотемический культ деревьев у русских и белорусов // Известия АН СССР. - 1933. - № 8. - С. 591-629.

Калина Н.Ф., Тимощук И.Г. Основы юнгианского анализа сновидений. – М., 1997.

Керлот Х. Э. Словарь символов. - М., 1994.

Килимник С. Український рік у народних звичаях в історичному освітленні: [У 3 кн., 6т.]. – Факс.вид. – К., 1994. – Кн. I, т.1, т.2.

Митрополит Іларіон. Дохристиянські вірування українського народу: Історично-релігійна монографія. - К., 1992.

Молотаева Н. В. Ономазиологическая природа гипертропа как речевой номинанты // Вісник Київського університету. Сер. Літературознавство. Мовознавство. Вип. 27. – К., 1985. – С. 117 - 118.

Нечуй-Левицький І. Світогляд українського народу / Ескіз української міфології/ .- К., 1992.

Пастернак Б.Л. Собр. соч. в пяти томах. Т. 1. – Т. 4. - М., 1989.

Потапенко О. І. та ін – С. 17, Словник символів культури України. – К., 2002.

Потапенко О. І. та ін. Словник символів. – К., 1997.

Рыбаков Б.А., 1988. Язычество древней Руси. - М.

Скуратівський В. На крилах храму. Екологічні уявлення українського народу. - К., 1998.

Слухай (Молотаева) Н.В. Художественный образ в зеркале мифа этноса: М. Лермонтов, Т. Шевченко. — К., 1995.

Слухай Н. В. Міфопоетична мова етносу: деякі ознаки і типи значень // Вісник Київського інституту “Слов’янський університет”. – К., 1999. – Вип. 3 Філологія. – С. 77-90.

Тименчик Р.Д. К символике трамвая в русской поэзии//Ученые записки Тартуского ун-та. - Вып. 754. Символ в системе культуры. Труды по знаковым системам XXI. – С. 135 – 143.

Топоров В. Н. Древо мировое // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х т. - М., 1991-1992. - Т. 1. - С. 398 - 406.

Топоров В.Н. “Світове дерево”: універсальний образ міфопоетичної свідомості // Всесвіт. – 1977. - № 6. – С. 177.

Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. / Ин-т славяноведения и балканистики. – М., 1990.

Ціпко А.В. Світоглядний симбіоз у психології світових образів в українській міфології: Дис. ... канд. філол. наук. – К., 1997.

Яцутко Д., Гумилев Н., Хлебников В. Сравнительная интерпретация мистических мотивов <http://dmdrozd.narod.ru/Biblioteka/POETRY/Denis.ht...>

Т.М. Крючкова
Воронеж

Прецедентность в современном русском художественном тексте

Конец XX - начало XXI века отмечен многими новыми необычными явлениями в жизни человечества. Они связаны с бурным ростом информационных технологий, которые меняют наши традиционные представления об образе жизни, несут качественные изменения, что сказывается на всех сторонах нашего существования. В это время происходит рост массовой коммуникации. Динамичное развитие традиционных СМИ - печати, радио, телевидения, появление и распространение Интернета привели к созданию единого

информационного пространства. Все это не могло не сказаться на особенностях языка современных писателей.

В конце XX века становится заметным стремление писателей к поиску новых средств художественного изображения, новых манер организации слов в повествовательном тексте. Художественный текст становится более экспрессивным, броским, насыщенным реалиями современной жизни. Писатели охотно опираются на читательское восприятие - житейское, историческое, переживание массовой культуры.

Влияние СМИ сказывается, например, на том, что авторы в своих произведениях сравнивают своих героев с известными, популярными благодаря прессе людьми:

Заметив, что Андрей смотрит на девочку, она подняла на него глаза и чуть выгнула брови, как бы приглашая на вершину годов, прожитых неким абстрактным Вахтангом Кикабидзе (Пелевин 2003, с. 201); Больше всего Роберт напоминал молодого Пьера Ришара, французского комика, блистательно исполнявшего роли идиотов и неудачников (Донцова 2002, с. 183); Менталитет российского мужчины таков, что ему спокойней, когда дома у плиты стоит баба в халате. Около такой и сморчок глядится, как Филипп Киркоров (Донцова 2002, с. 175); Да если на осла такие деньги потратить, он станет популярен, как Ален Делон (Донцова 2002, с. 266).

Современные авторы широко обыгрывают рекламу в своих произведениях:

Сапоги ей купить и укладку «веллой - вы великолепны» сделать» (Беньковский 1999, с. 97); - Начинай тогда, - велела бабенка и показала глазами на бутылочку «Ферри», - давай, в Виллирибо уже танцуют, а в Виллабаджо никак не отмоют противни (Донцова 2002, с. 310); Дима моментально разорвал упаковку и впился в «толстый слой шоколада» (Донцова 2002, с. 184); Новое поколение не знает универмаг «Фрунзенский». Оно и легендарного командарма Фрунзе не знает. Оно выбрало пепси и на том успокоилось (Беньковский 1999, с. 145).

Писатели используют рекламные продукты, говоря о поведении человека:

Странное дело, обычно они влетают с такой скоростью, словно в них воткнули батарейку «Дюраселл» (Донцова 2002, с. 28); Невыносимо энергичная, как розовый заяц с батарейкой «Дюраселл» (Волкова 2001, с. 259).

Современные писатели очень часто отсылают читателя к популярным фильмам или телепередачам:

Улыбка делала курносое лицо капитана таким симпатичным, что вспомнились романтические летчики из первых советских фильмов (Пелевин 2003, с. 48); Все женщины вокруг нормальные, а ты просто «Маски-шоу» (Донцова 2002, с. 77); Она хотела завизжать от радости, как актриса, получившая «Оскар» (Волкова 2001, с. 131); Маляры действительно явились ни свет ни заря. В квартире возникли две тетки,

будто вышедшие бодрым шагом прямо из фильма «Девчата»: в рабочих штанах, засыпанных побелкой, в косынках, с белозубыми улыбками (Беньковский 1999, с. 534).

Современные писатели охотно опираются на исторические знания читателя, сравнивая ситуации в своих произведениях с уже знакомыми ранее. Это могут быть:

1. Исторические события советского и постсоветского времени:

Испуганная Рада держалась словно партизан на допросе в гестапо (Донцова 2002, с. 132); *Документ свидетельствовал сам за себя, как неостывшая печь Освенцима* (Козлов 2002, с. 302); *Кухня напоминала зону Косовского конфликта. В ход шло все: упреки, слезы, сердечные приступы и обмороки* (Донцова 2002, с. 141).

2. Российские политические деятели:

Поезда в новой России стали ходить как при Лазаре Моисеевиче Кагановиче, то есть строго по расписанию (Козлов 2002, с. 495); *Сигизмунд вяло помахал ей - так Леонид Ильич, бывало, отбывая в дружественную Индию, отмахивал провожающему Суслову* (Беньковский 1999, с. 280); *Проходя мимо Саввы, Енот сказал ему, что президентское приглашение посетить церковь, от которого невозможно было отказаться, сродни сталинскому приглашению Бухарина на трибуну мавзолея за неделю, что ли, до того, как тот был объявлен врагом народа* (Козлов 2002, с. 320).

Очень часто писатели сравнивают ситуации в своих произведениях со спортивными реалиями:

Молча и слаженно, словно олимпийские чемпионы по синхронному плаванию, Макс и Кара поднырнули под свисающую до пола скатерть (Донцова 2002, с. 66); *Для того, чтобы успокоить разбушевавшуюся мамочку, потребовалось бы воспользоваться услугами как минимум чемпиона Японии по сумо* (Волкова 2001, с. 21); *Блаженная девка и слова ей вставить не давала. Такое, наверное, случается, когда липовый «черный пояс» напарывается на настоящего Мастера* (Беньковский 1999, с. 234).

Таким образом, важнейший арсенал развития образных средств в современной литературе - это активный диалог с культурной традицией. Языковые средства обогащаются вслед за внедрением новой информации в сознание современного человека. И писатели это используют, что позволяет им сделать художественный текст более насыщенным, ярким, привлекающим внимание читателей.

Источники исследования

Беньковский В., Хаецкая Е. Анахрон: Роман. - М.: Изд-во ЭКСМО, 1999.

Волкова И. Человек, который ненавидел Маринину: Роман. - М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001.

Донцова Д.А. Фиговый листочек от кутюр: Роман. - М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002.

Донцова Д.А. Хождение под мухой: Роман. - М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002.

Донцова Д.А. Эта горькая сладкая месть: Роман. - М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002.

Козлов Ю. Реформатор: Роман. - М.: Изд-во ЗАО Центрполиграф, 2002.

Пелевин В.О. Диалектика Переходного периода из Ниоткуда в Никуда: Избр. произведения. - М.: ЭКСМО, 2003.

Пелевин В.О. Желтая стрела: Повести. - М.: Вагриус, 2003.

О.А.Лаврёнова
Воронеж

Погодные явления в загадках русского народа

Загадки - это удивительный и восхитительный по своей образности, точности мысли, выразительности средств элемент живой речи. Загадка - метафорическое выражение, в котором один предмет изображается через посредство другого, имеющего с ним какое-нибудь, хотя бы отдаленное сходство; на основании последнего вопрошаемый и должен отгадать задуманный предмет (Митрофанова 1978).

Загадки, являющиеся одним из видов устного народного творчества, включают в себе наблюдения, накопленный жизненный опыт, мудрость народа, создавшего их. Они помогают лучше понять национальный характер людей, народные интересы, отношения к различным ситуациям, быт, традиции. Загадки обобщают накопленный поколениями опыт, дают морально-этическую оценку явлениям и поступкам. Народ с помощью загадки обобщал свои наблюдения над конкретными предметами и явлениями жизни и природы. Предмет русской загадки - это все объекты, окружающие человека в его повседневной практической жизни. Загадки не ориентированы на абстрактные проявления действительности - они отмечают особенности конкретных вещей и предметов.

Излюбленным стилистическим средством загадки является метафора. Метафора в загадках характеризует специфику их содержания и формы, лежит в основе их стилистической и композиционной организации, определяет сами творческие принципы художественного отражения действительности. Понять метафору — значит понять саму загадку, раскрыть ее суть, определить ее жанровые особенности. Часто предметы и явления неживого мира сопоставляются с живыми существами, и тогда возникают олицетворения. Олицетворения, оживляя и одухотворяя

неживой мир, придают загадке большую поэтичность, создают яркие образы и картины (Лазутин 1976).

В большинстве загадок загадываемый предмет не называется. «Загадка — замысловатое поэтическое выражение, в котором признаки отгадываемого предмета даны в зашифрованном, уводящем в сторону виде» (Квятковский 1966). В основе построения загадок лежит сопоставление различных предметов по их отдельным качествам и признакам. Как правило, загадываемый предмет описывается по какому-нибудь одному признаку. На материале загадок об одном предмете или явлении, можно увидеть, какими сторонами, качествами или признаками эти предметы обладают. Загадка усиливает тот или иной признак какого-то реального предмета, делает его более укрупненным и значительным (Лазутин 1976).

В данной статье были проанализированы русские загадки, выбранные из книги В. И. Даля «Пословицы русского народа», которые описывают основные погодные явления, такие как *ветер, снег, метель, вьюга, мороз, дождь, гроза (гром, молния)* (Даль 2000). Они отражают практический опыт русского народа, его наблюдения над природой и погодой, стремление отразить основные свойства и признаки того или иного явления. Проанализировав загадки о погоде, можно выделить основные признаки, свойственные природным явлениям, определяющим состояние атмосферы.

Ветер описывается как что-то бесформенное, невидимое, безликое. Для подчеркивания этого признака в большинстве загадок используются такие выражения, как *без рук, без ног; никто меня не видит (Без рук, без ног ворота отворяет; Никто меня не видит, а всякий слышит)*, а также безличные конструкции (*Бежал по одной улице, на другую перешел и по третьей полетел*). Наличие признака «движение», «быстрое движение» характеризуется глаголами *лететь, ползти, мчаться, скакать, гнать, расходиться, улечься* и так далее (*Без рук, без ног, а на гору ползет; Без рук, без ног по полю скачет, в село помчится, в двери стучится*). Более того, загадки про ветер позволяют определить, что данное погодное явление может сопровождаться звуками и иметь характерную для него силу (*Свищет, гонит, вслед ему кланяются; Без рук, без ног, по полю рыщет, поет да свищет, деревья ломает, к земле траву приклоняет; Без рук, без ног воюет*).

Анализ загадок про снег показал, что одним из его основных признаков является белый цвет. Словосочетания с прилагательным *белый* встречаются почти во всех загадках (*Белый Тихон с неба спихан, где пробегает — ковром устилает; Скатерть бела, весь свет одела*). Интересно отметить, что снег часто сравнивают со скатертью, покрывалом или ковром, что указывает на то, что снег ровно ложится на землю и всю её покрывает (*Бело покрывало на земле лежало, лето пришло, оно всё сошло; Белая скатерть всё поле укрыла; Белый Тихон с неба спихан, где пробегает — ковром устилает*). Загадки подчеркивают специфическое свойство снега,

которое выражается в том, что при холодной температуре снег сохраняет свою форму, а при воздействии тепла он превращается в воду, то есть тает (На дворе в холоде горой, а в избе водой; Бело покрывало на земле лежало, лето пришло, оно всё сошло). Снег падает с неба бесшумно, а процесс его таяния может сопровождаться звуком, который выражается в журчании ручьев. (Летит – молчит, сядет – молчит, а помрет да сгниет, так и заревет; Летит – молчит, лежит – молчит, когда умрет, тогда заревет).

Похожие признаки можно выделить при исследовании загадок, касающихся метели, вьюги, но к ним можно добавить ещё одно свойство – движение, которое подчеркивается такими глаголами, как *бежать*, *гулять*, *лететь* (Гуляет в поле – да не конь, летает на воле – да не птица; Летел перхол, кафтан без пол, лег – шейку протянул, в шелку заглянул). Интересно отметить, что снежинки сравниваются в загадках с мухами или овсом на основе общего внешнего сходства (Вдоль села бежит кобыла весела, под конец хвоста висит полон кошель овса, бежит да потряхивает; Белые мухи на землю сели).

Часто в загадках про мороз данное природное явление сравнивается с дедушкой, стариком, который всё делает без посторонней помощи и подручных средств (Старик у ворот тепло уволок; Дедушка мост мостит без топора и клиньев), что указывает на характерное для мороза свойство сковывать льдом реки (...мост мостить...) и замораживать всё живое (Стоит дуб без корня, без ветвей, сидит на нем птица вран, пришел к нему старик без ног, снял его без рук, заколол без ножа, сварил без огня, съел без зубов).

Из загадок о дожде можно узнать, что данный вид осадков падает сверху, с неба (Приехала баба из высокого града, как она заплакала — все люди возрадовались; До неба достанет, а от земли не видать). Наличие этого признака подчеркивается прилагательными *длинный*, *высокий*, *тонкий*, *голенастый*, а также сравнением дождя с высоким человеком, долговязом (Посмотрю я в окошко: идет длинный Антошка; Шел долговяз, в землю увяз). Основной характеристикой этого вида осадков является то, что это жидкие осадки, выпадающие в виде капель. Интересно отметить, что загадки позволяют определить наличие разного размера дождевых капель, а именно крупных (Крупно, дробно зачастило, всю землю напоило) или мелких, которые сравниваются с гречневой крупой (На святого Марка сеется татарка - так в некоторых местах называют гречку). Несколько загадок показывают положительное отношение русского народа к дождю, так как он может оказывать благодатное действие и влияние на землю и урожай (Приехала баба из высокого града, как она заплакала — все люди возрадовались; Крупно, дробно зачастило, всю землю напоило; Тонкий, высокий, упал в осоку, сам не вышел, а детей вывел; На землю падает, от земли не отлетает).

Исследование загадок, касающихся грозы, показало, что данное погодное явление сопровождается громом и молнией. В загадках гром часто сравнивается с животными, издающими громкие звуки, например,

жеребцом, кобылой или туром (Сивый жеребец во (на) все царство ржет; Кобыла заржет на турецкой горе, жеребец откликнется на Сионской горе). При описании молнии используются глаголы *гореть* и *мигать*, что указывает на наличие этих признаков у данного явления (Тур ходит по горам, турица-то по долам, тур свистнет, турица-то мигнет; Что стучит без рук? Что без огня горит?). Гром и молния взаимосвязаны, то есть одно явление без другого существовать не может. Сверкает молния, сразу или через какой-то временной промежуток гремит гром (Тур ходит по горам, турица-то по долам, тур свистнет, турица-то мигнет).

Таким образом, в основе загадок — поэтическое мышление народа, чья фантазия проявляется, пожалуй, здесь в большей степени, чем в других жанрах фольклора. Богатое и глубоко жизненное содержание загадок позволяет сделать вывод о том, что загадки, имея яркую поэтическую форму выражения, достаточно полно в своеобразной форме отражают практический опыт и знания людей, что в свою очередь определяет национальное сознание того или иного народа.

Даль В. И. Пословицы русского народа. – М., 2000

Квятковский А. П. Поэтический словарь. - М., 1966. - с.110.

Лазутин С. Г. Метафора в загадках // Вопросы поэтики литературы и фольклора. - Воронеж, 1976.

Митрофанова В. В. Русские народные загадки. - Л., 1978.

Текст – Дискурс – Картина мира. Вып 1 - Воронеж, 2005.

Язык и национальное сознание. Вып. 7 – Воронеж, 2005.

М.Ю.Шевченко
Борисоглебск

Интерпретационное поле концепта «культурный» в русских афоризмах и крылатых выражениях

Любой концепт как объект когнитивного исследования требует всестороннего изучения, связанного с использованием экспериментальных методик, поиском симиляров и оппозигов, детальным анализом лексико-семантического, лексико-фразеологического полей и мн. др. Не менее важным может стать и специальное изучение афористической лексики, так как афоризмы являются одним из средств языковой объективации признаков интерпретационного поля, образуя периферию концепта (Попова, Стернин 2001, с.130).

Цель нашего исследования—выявить когнитивные признаки концепта “культурный”, репрезентируемого лексемами культура, культурный через анализ объективирующих их афоризмов, крылатых слов и выражений.

При анализе сборников крылатых слов и выражений было выявлено, что в русском литературном фонде имеется только одно крылатое выражение, со словом культура – “мастера культуры”. Это выражение из статьи М. Горького “Рабочий класс должен воспитать своих мастеров культуры”, напечатанной в газете “Известия” 25 июня 1929 г. Это же выражение М. Горький повторил в своей речи на I Всесоюзном съезде советских писателей 17 августа 1934 года: “Государство пролетариев должно воспитывать тысячи отличных “мастеров культуры”, “инженеров душ”. Это необходимо для того, чтобы возратить всей массе рабочего народа отнятое у нее всюду в мире право на развитие разума, талантов, способностей». Широкую известность получил также напечатанный в “Правде” 22 марта 1932 года ответ Горького американским корреспондентам “С кем вы, мастера культуры?” (Ашукин, Ашукина 1988, с 197).

Страна остро нуждалась в перестройке общественного сознания после событий Октября 1917 года, и необходимость воспитания морально-нравственных и интеллектуальных способностей возлагалась на людей, причастных к литературе и искусству, способных положительно влиять на развитие духовных качеств человека.

Необходимо отметить, что крылатое выражение “мастера культуры” не получило дальнейшей языковой востребованности, оставшись на рубеже исторического периода первой трети 20 –го века.

Концепт “культура” начал формироваться в русском языковом сознании сравнительно недавно (в конце 19-го – ачале 20-го века). Попытки объяснения мыслительной сущности понятия “культура” предпринял узкий круг интеллигентных и образованных людей, носителей идеологии, как в социальной и политической сфере, так и в языковой. Писатель А.П. Чехов одним из первых проиллюстрировал свое собственное суждение об одной из сторон культуры: ”В обществе, где презирается истинное красноречие, царят риторика, ханжество слова или пошлое краснобайство. И в древности, и в новейшее время ораторство было одним из сильнейших рычагов *культуры*”. Автор афоризма раскрыл одну из характерных, на его взгляд, сторон культуры – ораторское искусство является средством формирования и развития культуры.

Исторические изменения, происходившие в России в начале 20-го века, способствовали становлению в стране социалистической идеологии. Появились устой-догматы носителей новой идеологии, сторонников преобразований, взявших на себя задачу формирования сознания нового человека, представителя новой русской формации, что не мыслилось без культуры в любой форме ее проявления.

Культура понималась как совокупность знаний: *“Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества” (В.И. Ленин); “Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм” (В.И.Ленин).*

Культура – это опыт человечества: “Социализм был бы невозможен, если бы он не научился пользоваться той техникой, той культурой, тем аппаратом, который создала культура буржуазная, культура капитализма” (В.И. Ленин), “Культура—это цемент, скрепляющий все достижения” (Н.К. Крупская).

Необходимо знать историю культуры: “Не зная истории культуры, невозможно быть культурным человеком” (М. Горький); “Для того чтобы повысить культуру, надо обращаться к истории культуры, ко всему культурному наследию человечества, нужно знать русскую культуру и в особенности художественную” (М.И. Калинин).

Культура формирует сознание человека, предполагает образование и воспитание: “Мы в первую очередь выдвигаем самое широкое народное образование и воспитание. Оно создает почву для культуры” (В.И. Ленин), “Социализм—это общество науки и культуры. И чтобы быть достойным членом социалистического общества, надо много и хорошо учиться, надо много знать (М.И. Калинин).

Формирование культуры обеспечивает чтение: “Книга есть главнейшее и могущественное орудие социалистической культуры” (М. Горький), “Две силы наиболее успешно содействуют воспитанию культурного человека: искусство и наука. Обе эти силы соединены в книге”, “Книга есть главнейшее и могущественное орудие социалистической культуры” (М. Горький); “Люди нравственно культурные, сознательные труженики вырастают в семьях, где царит глубокое уважение к книге” (В.А. Сухомлинский).

Чтение должно быть осознанным: “Культура—это не количество прочитанных книг, а количество понятых” (Ф.Искандер).

Культура исключает антисемитизм: “Я склонен думать, что антисемитизм неоспорим, как неоспорима проказа, сифилис, и что мир будет вылечен от этой постыдной болезни только культурой, которая хотя и медленно, но все-таки освобождает нас от болезней и пороков” (М. Горький);

Культура требует активности личности: “Может быть, не только культура, но и сознание человеческое коренится в переходе пассивного состояния в активное” (М.М. Пришвин).

Культура начинается с соблюдения правил гигиены и оканчивается степенью мыслительной деятельности: “Понятие о культуре очень широко—от умывания лица до последних высот человеческой мысли” (М.И. Калинин).

Культура—это правила поведения: “Быт—затертое понятие, надо его освежить, раскрыть его содержание как культуру личных отношений” (М.М. Пришвин); “В хозяйстве творится культура, вся она имеет хозяйственную подоснову” (С.Н. Булгаков); “Неумение беречь свое и чужое время—это настоящее бескультурье” (Н.К. Крупская).

Культурность проявляется в отношении к женщине: “Высота культуры определяется отношением к женщине” (М. Горький).

Культура предполагает чистоту мыслей и поступков: “Истинная суть и смысл культуры—в органическом отращивании ко всему, что грязно, подло. Лживо, грубо, что унижает человека и заставляет его страдать” (М. Горький).

В афоризмах, принадлежащих зарубежным авторам, подчеркиваются и другие стороны культуры.

Культура – это совокупность достижений цивилизаций: “История мировой культуры—это история страданий тех людей, кто ее создавал (Э.М. Ремарк); “Нельзя быть человеком, не будучи созданием той или иной культуры” (М. Элиаде).

Культура общества зависит от культуры личности: “Богатство культуры опирается на богатство личности” (С. Франк).

Культура движет общество к совершенству: “Культура основывается вовсе не на любопытстве, а на любви к совершенству; культура—это познание совершенства” (М.

Арнольд); *“Культура—это стремление к совершенству посредством познания того, что более всего нас заботит, того, о чем думают и говорят... (М. Арнольд); “Культура—это стремление к благозвучию и свету, главное же—к тому, чтобы и благозвучие, и свет преобладали” (М. Арнольд); “Культура—это сахарная глазурь на действительности, помогающая человеку легче переносить пошлость будней” (В. Швебель).*

Культура формируется интеллектом: *“Пришествие культуры совпадает с рождением интеллекта” (К. Леви-Строс); “Культура—это все то, что позволяет нашему уму почувствовать свою силу” (Р. Эмерсон);*

Воображение—часть индивидуальной культуры: *“Большая часть людей, которых мы называем культурными, —это люди, обладающие воображением, но начисто лишенные понимания естественной правды, в чем, собственно, и состоит настоящая культура” (А.Эйнзидель), “Вся культура закладывается прежде всего в самой человеческой сущности. Сначала это слепое устремление человека к теплу. И лишь потом, идя от ошибки к ошибке, он находит путь, ведущий его к огню” (А. Сент-Экзюпери).*

Культура невозможна без либерализма: *“Культура—это образ жизни, способ общения с миром. Культура неизбежно порождает мысль о терпимости; она не может существовать вне либерализма” (Ж.-Л. Кюртис).*

Культура—это основа формирования личности: *“Культура есть то, что остается, когда забываешь все, чему тебя учили” (Э.Мунье); “Культура—это то, что остается, когда остальное забыто” (Э. Эррио).*

К культуре стремится духовное начало: *“Культура—это результат поиска неповторимости” (В. Швебель).*

Культура помогает почувствовать наслаждение от достигнутого: *“Культура для многих первая потребность, которую не нужно удовлетворять” (Е. Лец); “Чем выше культура—тем глубже удовлетворены потребности людей тем менее препятствий к дальнейшему развитию потребностей человека (М. Горький); “Культура—это последняя из достижимых для нас действительностей” (О.Шпенглер).*

Культура предполагает умение проводить умно свободное время: *“Способность умно наполнить свободное время есть высшая ступень личной культуры” (Б.Рассел).*

Культура—это отсутствие грубости: *“Тот, кто не приобрел культурных навыков,— груб” (И. Кант).*

Культура нуждается в защите: *“Всякая культура воздвигает для своей защиты крепостные стены, а потом забывает, что их надо оборонять” (В. Швебель).*

Культура не наследуется, а формируется: *“Культуру нельзя унаследовать, ее надо завоевать” (А. Мальро).*

Культура несет в себе положительное начало, позволяющее человеку оставаться человеком: *“Культура рождает иллюзию, что в человеческом обществе обстоит все иначе, чем в мире зверей, где все сводится к тому, “съесть” или быть “съеденным”. При этом остается без внимания, что культурные люди обычно тоже едят, но только с помощью ножа или вилки” (В. Швебель); “Идеал культурного человека есть не что иное, как идеал человека, который в любых условиях сохраняет подлинную человечность” (А. Швейцер).*

Культура имеет внешнюю форму поведения, независимую от сознания: *“Культура—это фанера, которой чаще бывает покрыто невежество, чем просвещение” (А. Малори).*

Таким образом, в афоризмах и крылатых выражениях, объективирующих интерпретационное поле концепта “культурный”, четко выделяются два аспекта: культура общества и культура личности, прежде всего, поведенческая.

В русских афоризмах ярче акцентируется образовательная и поведенческая роль культуры, в зарубежных афоризмах – общечеловеческая, мировоззренческая роль культуры. Представляется, что все указанные аспекты и признаки культуры взаимосвязаны в концепте культура.

Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения.–М., 1988.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001.

Энциклопедия афоризмов: Мысль в слове. – М., 2001.

Энциклопедия афоризмов: В мире мудрых мыслей.– М., 2002.

Энциклопедия афоризмов: Жемчужные мысли. - М., 2003.

Энциклопедия афоризмов: Россыпи мыслей.- М., 2003.

Л. Шипелевич
Варшава

Изучение восприятия разных культур - один из способов повышения мотивации к изучению иностранных языков

В настоящее время среди преподавателей иностранных языков все чаще можно слышать, что у многих студентов появилась возможность путешествовать по разным странам, знакомиться с культурой и повседневной жизнью простых людей в языковой среде изучаемого иностранного языка. После таких поездок восприятие другой культуры и языка гораздо больше мотивирует студентов к изучению одного или нескольких иностранных языков, чем фотографии, слайды или видеофильмы. Многие студенты знакомятся с другими культурами и языками через Интернет, читая информацию и переписываясь со сверстниками по электронной почте.

Во всех случаях восприятие «чужой» культуры очень индивидуально и зависит от многих факторов окружающей действительности. Восприятие в психологии понимается как «целостное отражение предметов, ситуаций и событий, возникающее при непосредственном воздействии физических раздражителей на рецепторные поверхности органов чувств. Будучи необходимым этапом познания, оно всегда в большей или меньшей степени связано с мышлением, памятью, вниманием, направляется

мотивацией и имеет определенную аффективно-эмоциональную окраску» (Краткий психологический словарь 1999).

Кроме того, восприятие связано со многими факторами как социального так и личностного характера: воспитанием, личным опытом, интересами, экономическими условиями жизни и т. п. Если восприятие положительное, то это положительно сказывается на эффективности усвоения и изучения иностранного языка, если отрицательное, то необходимо найти способы изменить его на положительное, поскольку это связано с мотивацией. В зависимости от положительного или отрицательного восприятия языка и культуры, мотивация к изучению иностранного языка повышается, падает или исчезает совсем.

Очень часто студенты рассматривают другую культуру через призму стереотипов, принятых в родной стране, что отрицательно влияет на положительное восприятие изучаемого языка и культуры. Возникает вопрос: как воспитывать у студентов положительное восприятие разных культур? Какие методы и формы работы при изучении иностранных языков могут формировать положительное восприятие чужих языков и культур? Как помочь студентам преодолеть стереотипы, связанные с чужой культурой?

Мы считаем, что интересы и увлечения студентов лучше всего отражают их ценностные ориентации, то, что нравится им в родной культуре и, что они хотели бы узнать о других культурах, показывают их восприятие другого «образа мира».

Для этого мы исследовали мнения группы студентов-русистов Варшавского университета, предложив им анонимную анкету, где было три вопроса:

1. Что мне нравится в других культурах?
2. Что мне не нравится в других культурах?
3. Как представить польскую культуру, чтобы привлечь к ней внимание иностранцев?

Выбор вопросов был направлен на то, чтобы узнать их интересы, ценностные ориентации и особенности восприятия других культур.

Ответы студентов были очень интересными и позволили нам сделать важные выводы и ответить на поставленные выше вопросы. Приведем некоторые высказывания студентов по этим вопросам.

«1. В другой культуре меня интересуют жесты, благодаря которым люди общаются без знания языка. Хорошо познакомиться с методами общения, какие существуют в культуре других народов. У каждой нации есть свои традиции, обычаи, люди по-разному ведут себя, по-другому разговаривают, по-разному навязывают разные знакомства. В культуре других народов надо обратить внимание на язык, на котором люди общаются».

2. «В других культурах мне не нравится то, что иногда тяжело вступить в контакт, возникают конфликты из-за недоразумений. Мне также не нравятся стереотипы, которые приписывают разным народам».

3. «Надо представлять польскую кухню и польские традиции».

4. «Мне нравится в других культурах:

- профессионализм – швейцарцы
- чистота в Швеции
- хорошая организация у немцев
- толерантность в Америке.

Меня раздражает в других культурах:

- то, что русские много пьют
- американцы чувствуют себя слишком свободными
- шведы не умеют ничего придумать
- арабы не уважают женщин.

Как представить польскую культуру?

- поляки гостеприимные
- мы хорошо готовим (польская кухня)».

5. «У испанцев и итальянцев мне нравится культ футбола, потому что я тоже фанат футбола»

6. «У англичан мне нравится музыка рок»

7. «Поездка в страну - вот способ знакомства с культурой»

8. «Изучение обычаев, фольклора, поговорок и их история»

9. «В других культурах интересует меня разница между культурой моей страны и чужой:

- разница в общении, менталитете
- отношение людей к Польше и полякам
- толерантность
- способы обучения языкам в других странах»

10. «Меня интересует искусство, музыка, театр, кино, живопись, история, социальный строй, отношения между людьми, различия в других странах»

11. «Больше всего мне нравится в других культурах то, что они – другие»

12. «Не нравится, что большие государства все время богатеют и не думают о маленьких и их проблемах»

13. «Не нравится, что некоторые заставляют признавать свою культуру лучшей и насаждают свои понятия другим»

14. «Мне кажется, что западно-европейская культура и североамериканская имеют тенденцию заставлять другие культуры принимать их ценности. В этих культурах такие тенденции принуждения принимать их культуру очень сильны»

15. «Нельзя принимать из других культур все без разбора»

16. «Западная культура в последнее время тесно связана с политикой»

17. «Надо представлять кулинарию, фольклор, искусство, народные традиции» и т.д.

Анализируя ответы студентов можно сделать следующие выводы:

1. Студенты критически воспринимают насаждение одной культуры другими культурами, и отрицательно воспринимают язык агрессивной страны. Для устранения отрицательного впечатления необходимо предложить студентам изучение исторических событий, которые привели страну к такому положению. Формой работы может быть «метод проектов», который вовлекает студентов в работу по одной тематике, которая разрабатывается совместными усилиями. Занятия могут проводиться в Интернет-классе, чтобы сразу получать необходимую информацию (поисковая деятельность студентов)

2. Положительное восприятие других культур может формироваться в сочетании с презентацией своей культуры, в исследовании различий и совпадений разных культур с родной культурой, в поисках общих корней.

3. Студенты воспринимают чужую культуру через призму своей культуры, постоянно сравнивая ее. Они ищут сходство со своей культурой, потому что им легче воспринимать похожую культуру, так как для них она более понятна, чем другие.

4. Положительное отношение к другим культурам повышает мотивацию к изучаемому иностранному языку.

Вторая анонимная анкета, которую мы провели среди студентов-русистов пятого курса, выявляла то, что больше всего интересует их в России.

Было задано шесть вопросов:

1. Какая тематика, связанная с Россией интересует Вас больше всего?
2. Что больше всего интересует в политике России?
3. Что больше всего интересует в культуре России?
4. Что больше всего интересует в бизнесе и деловых связях России?
5. Что больше всего интересует Вас в области образования?
6. Что интересует Вас больше всего из истории и географии России?

По первому вопросу, связанному с тематикой, оказалось, что больше всего их интересует культура, на втором месте история страны, на третьем - политика и образование, на четвертом – деловые связи и бизнес.

На второй вопрос, касающийся политики, студенты на первое место поставили международные отношения и связи с разными странами (с Польшей), на втором месте историю международных отношений, на третьем месте - устройство Парламента и полномочия Президента.

Третий вопрос касался культуры, и здесь на первое место студенты поставили кино и современные фильмы, на втором – современная музыка, на третьем – современная литература и писатели, на четвертом - публицистика и телевидение.

В бизнесе и деловых связях студентов больше всего интересует язык бизнеса, на втором месте – бизнес-контакты.

В области образования в России студенты на первое место поставили жизнь студентов и их интересы, на второе - учебники и программы по разным предметам, на третье - университетскую систему образования. Из истории и географии России студентов больше всего интересует тот или иной конкретный район страны или местность, им неизвестная.

Ответы студентов на вопросы, связанные с интересом к стране изучаемого языка, свидетельствуют о том, что положительное восприятие к России необходимо формировать, изучая те области культуры, политики, образования, бизнеса, истории и географии, которые больше всего привлекают студентов. Для этого могут быть использованы небольшие анонимные анкеты, которые позволят преподавателям знать подлинные интересы студентов, их увлечения, ценностные ориентации. Эти знания дают возможность формирования положительного восприятия другой культуры, языка и страны в целом, что значительно повлияет на мотивацию и отношение к другому «образу мира».

-
- Краткий психологический словарь. – Ростов-н-Д., 1999.
- Азимов Э.Г., Щукин А.Н.. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). – Спб., 1999.
- Леонтьев А.А. Педагогическое общение. - Москва-Нальчик, 1996.
- Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2004.
- Русский язык как иностранный. Методика обучения русскому языку. - М., 2004.
- Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов. - М., 2003.

М.Я. Розенфельд
(Воронеж)

Национальные образы в структуре значения русского слова

Интегральный подход к значению слова, наметившийся в семасиологии во второй половине XX века, вытекает из понимания значения как отражательного явления. Лексическое значение представляет собой знание о мире. Именно поэтому оно находится в тесной зависимости от свойств и признаков предметов окружающей действительности. Значение слова изначально существует для фиксации знаний людей, полученных в процессе познания окружающей действительности. Д.Н. Шмелёв считает, что «основной задачей семасиологии является исследование именно того, как в словах отображается внеязыковая действительность. Те связи и взаимоотношения между явлениями действительности, которые обуславливают лексико-семантическую систему языка, являются, конечно, внешними по отношению к самому языку. Но всякая знаковая система служит для обозначения как раз того, что находится за пределами системы, и значение знака раскрывается только вне данной системы» (Шмелёв 1973, с.18). В словах и словосочетаниях «представлена свёрнутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой» (Леонтьев 1972).

Интегральный подход, рассматривающий значение как отражательное явление, предполагает выделение в семантической структуре слова эмпирического (образного) компонента. «Эмпирический компонент значения знака – это закреплённый за знаком обобщённый чувственно-наглядный образ обозначаемого предмета или явления» (Стернин 1979, с.129). Чувственно-наглядный компонент входит в значения большого количества конкретных слов. Однако в монографии З.Д. Поповой и И.А. Стернина «Очерки по когнитивной лингвистике» указывается, что в ходе экспериментальных исследований те или иные чувственные образы были

обнаружены в связи со словами абстрактной лексики (религия: молящиеся люди, церковь и т.д.) (Попова, Стернин 2001, с.58).

Поскольку чувственный образ – категория лингвopsихологическая, для его выявления целесообразно использовать метод психолингвистического ассоциативного эксперимента.

В 70-е гг. XX века интерес к образным ассоциациям слова возник в лингвострановедении. С образом Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров (основоположники этого направления в отечественном языкознании) связывают понятие «лексического фона» слова. «Семантика слова одним лексическим понятием не исчерпывается – со словом тесно сопрягается совокупность знаний, относящихся к называемому словом предмету или явлению, которая была нами названа лексическим фоном. ...Бытует мнение, что при изучении языка иностранцами должен усваиваться языковой материал, т.е. слова, словосочетания, предложения, а не предметы и явления, называемые ими. Не согласимся с этим утверждением. Внеязыковая действительность для изучающего язык является не данным, а искомым» (Верещагин, Костомаров 1975, с.80-82).

На сегодняшний день перечень слов, обладающих лингвострановедческой ценностью, описан не полностью. Проблема поиска метода вычленения фоновой лексики остаётся не решённой до конца. Фоновые знания – это, по существу, культурные ассоциации, вызываемые в сознании носителей языка тем или иным словом. По этой причине для выявления культурно маркированной лексики представляется возможным применить психолингвистический метод ассоциативного эксперимента, где испытуемым будет предложено описать всё, что они видят, слышат, чувствуют в связи с тем или иным словом. Можно предположить, что некоторые из возникших ассоциаций будут специфичны именно для носителей данного языка. Вероятно, такие чувственные образы могут быть расценены как культурно маркированные. В ходе направленного ассоциативного эксперимента, нацеленного на выявление образного компонента в смысловой структуре слова, косвенно могут быть обнаружены национально специфичные образные ассоциации.

Цель исследования – выявить национальные образы в структуре значения наиболее частотных существительных русского языка.

Метод исследования – направленный ассоциативный эксперимент. Участники эксперимента – учащиеся 11-х классов средней школы (100 человек). В направленном ассоциативном эксперименте использовалась следующая инструкция: «Опишите всё, что вы видите, слышите, чувствуете, когда звучит каждое из слов экспериментального списка».

При обработке результатов эксперимента учитывались все ассоциаты, в том числе и единичные. Полученные в ходе эксперимента данные приведены в систему: за исходным словом следует полное перечисление ассоциативных ответов в порядке по их частотности. В конце указывается число опрошенных и количество отказов по данному слову.

Материал исследования – 3 конкретных и 3 абстрактных русских существительных, отобранных по частотному словарю под редакцией Л.Н. Засориной среди наиболее частотных (хлеб, дом, камень; мир, жизнь, страна).

Результаты эксперимента:

Хлеб: кирпичик 37; тёмно-коричневый 21; чёрный 12; румяная корочка 10; белый 9; ломоть 7; в магазине 6; бутерброд; серый; с солью 5; буханка с пятнами муки; дымок от хлеба; доска для резки хлеба; изображение хлеба; комбайн; крошки; мука; хлеб на белой скатерти; плесень на хлебе; чек 1; 100. Отк. – 0.

Дом: мои близкие 16; огромное здание 14; кирпичный дом 10; маленький; мне тепло 9; деревянный 6; моя квартира; камин с огнём 5; клумбы; хорошее настроение 4; красивая крыша; дом посреди леса; двухэтажный дом; деревенский дом; дым из трубы 3; сказочный домик; кошка у ног; передача «Дом –2» по телевизору; прямоугольник; цветы в горшочках 2; весна на улице; кухня; двенадцатиэтажное здание; тёплый чай; дверь; бассейн; золото; кровать; крепость; белый забор; зелёное здание; серое здание; розово-бежевое здание; коричневое здание; два балкона; крыльцо; коврик у двери; детский рисунок: домик; сад; стена; выбитые стёкла; пирамида; свет в окнах; сарай; шум голосов; телевизор; машина; моя комната; я выношу мусор; компьютер; светлые обои; арматурный скелет 1; 100. Отк. – 0.

Камень: серый 15; очень тяжёлый 13; лежит посреди дороги 9; булыжник 7; шероховатый; горы; морской камешек на песке; кирпич 4; каменистый пляж; море; я спотыкаюсь 3; круглый; холодный; щебёнка на дороге; пыльный; гладкий; покрытый мхом; камень летит в стекло; летит в воду; человек с серьёзным лицом 2; стул; кольцо с красивым камнем; фундамент дома; валун, вокруг которого ёлки; галька на дне реки; валун, увитый плющом; керамическая плитка; я пинаю камень; сад камней в Японии; синяк под глазом; могила; чёрный камень; бриллиант; нечто спокойное; сказочный камень с надписью «Налево пойдёшь...»; древние люди добывают огонь; лес; комок грязи 1; 100. Отк. – 1.

Мир: Земной шар – вид из Космоса 57; глобус 26; много улыбающихся людей 14; люди разных рас; Космос 9; звёзды; планеты; солнце; река; много детей 4; река; зелёные деревья 3; белые голуби; люди с транспарантами; голоса птиц; улицы г. Воронежа; синее небо 2; Российский флаг; дети среди цветов; герб России; моя семья за столом; бабочки; заяц выглядывает из-за куста; магазин «Детский мир»; букет белых цветов; люди сидят и разговаривают; что-то большое; после боя: много людей сидят на земле и плачут; океан; летают птицы; зелёная трава; здание ООН; площадь Ленина; мальчик и девочка держатся за руки; картинка: глобус в кепке и с голубем в руках; космическая станция «Мир»; мне весело; экватор на глобусе; белый голубь с цветком в клюве; гремит музыка; поле: закат; я бегу и смеюсь 1; 100. Отк – 2.

Жизнь: новорожденный в кроватке 17; мои друзья за праздничным столом 16; дети играют 15; широкая река с сильным течением; моя мама; толпа людей; проносятся кадры моей жизни; длинная дорога 5; густой тёмный лес 4; поляна, залитая солнцем 3; гроб; люди в движении вокруг меня; роды; детская ладошка со старческой рядом 2; пелёнки; надутые шары; ожидание чего-то неопределённого; веселье; зелёная трава; кружащаяся карусель; синее небо; кабинет, идёт урок; здание школы №13; ребёнок в распашонке в коляске; люди сидят на траве; чашка чая; красивая девушка за столом; могила с крестом; младенец, рядом старик; крик новорожденного; линейка; чёрный туннель; туннель разрисованный цветами; моя бабушка; моя прабабушка; деревня; я старый; образ смерти; разноцветная лента; это слово, написанное на листе бумаги; нечто, удаляющееся вверх; человек в кепке; гитара; камин; белая полоса на чёрном фоне; подарок в коробке; свеча; песня «Я люблю, Тебя, Жизнь»; мой котёнок; мой молодой человек; весна: светит солнце; старик; реслинг по телевизору; озеро; цветы;

мужчина рядом с женщиной; руки мамы; я умываюсь утром; насекомые; дерево; дом; мальчик; я бегу; ломаная линия 1; 100. Отк. – 2.

Страна: географическая карта – изображение России розовым цветом 37; толпа людей 20; В.В. Путин в своём кабинете 17; леса; поля; реки 7; горы; слово «Родина» написано на бумаге 5; слышу слово «Россия» 4; улицы города; мой дом; американский флаг; флаг России, развевающийся на ветру; кремль; звуки гимна России; непонятное большое существо; я купаюсь в море; Эйфелева башня; моя семья на кухне; колосья пшеницы; Красная площадь; взлётная полоса 2; переписчик в коридоре; вид города Лондона; вид Земли из космоса; заседание Госдумы в зале; я сижу за партой; Чубайс; королева Англии; много крови; берег Чёрного моря; маленькие домики; Колизей; слово «Сенегал»; голубое небо; берёза; герб России; 100. Отк – 4 .

Обсуждение результатов эксперимента

Хлеб

В перечне ассоциатов как культурно маркированный можно расценивать образы «кирпичик 37»; «хлеб на белой скатерти 1».

Форма кирпичика – одна из наиболее распространённых форм изготовления хлеба в России. Культурно маркированный образ оказывается наиболее частотным в списке образных ассоциаций слова. Высокая частота культурно маркированного образа, связанного с тем или иным словом – аргумент в пользу того, что в лексической структуре данного слова присутствует культурная составляющая.

Хлеб на белой скатерти – традиционная манера подачи хлеба к столу в патриархальной России. Вряд ли основанием для ассоциаций в этом случае послужил личный опыт испытуемых. Сегодня в повседневном быту россиян редко используется белая скатерть. Однако такой образ уже стал культурной эмблемой и передаётся из поколения в поколение.

Дом

Из перечня ассоциатов видно, что испытуемые описывают преимущественно деревенский дом («деревянный дом 6», «дом посреди леса 3», «деревенский дом 3», «дым из трубы 3», «крыльцо 1» и т.д.), хотя сами являются жителями города. Видимо, в сознании испытуемых присутствует некий стереотип – типовое представление дома, которое сложилось в ходе знакомства с национальной культурой.

Также культурную составляющую имеет образ «сказочный домик 1». Испытуемый не детализирует содержание данного образа, предполагая, что в сознании экспериментатора присутствует стереотипное представление такой реалии. У участников эксперимента и экспериментатора общая «культурная» пресуппозиция.

В основе образной ассоциации «крепость 1», видимо, знание испытуемым пословицы «Мой дом – моя крепость». Такой образ может быть расценен как культурно маркированный.

Камень

Образные ассоциации «Сад камней в Японии 1», «сказочный камень с надписью «Налево пойдёшь...» 1» имеют культурную составляющую.

Образ «человек с серьёзным лицом 2», видимо, коррелирует с распространённым сравнением «лицо, как камень»; образ «могила 1» - со словосочетанием «могильный камень». Можно предположить, что на формирование значения слова влияет не только усвоенный индивидом опыт коллектива, но языковой опыт как разновидность коллективного, или языковая картина мира.

Мир

Культурно маркированные образы: «Российский флаг 1»; «космическая станция «Мир» 1»; «белые голуби 2»; «белый голубь с цветком в клюве 1».

Обилие культурно маркированных образов в перечне ассоциатов абстрактного существительного связано с более разветвлённой системой значений абстрактного слова по сравнению с конкретным. Образные ассоциации слова часто соотносятся с разными его значениями, и в каждом случае могут возникнуть культурно обусловленные образы. Так, ассоциат «голубь» соотносится со значением лексемы «Согласие, отсутствие вражды, ссоры, войны» (Ожегов, Шведова 1999, с.358). «Станция «Мир» – «Отдельная область Вселенной, планета» (Ожегов, Шведова 1999, с.358).

Жизнь

Образы «широкая река с сильным течением 5», «длинная дорога 5» соотносятся с устоявшимися в языке метафорическими представлениями жизни как реки и дороги (жизненный путь, течение жизни и т.д.).

Ассоциаты «дерево 1»; «дом 1»; «мальчик 1» фигурируют в ответе одного испытуемого. Здесь также проявляется культурная специфика образа. В России широко известна восточная мудрость: «Каждый мужчина должен за свою жизнь построить дом, посадить дерево и вырастить сына». В данном случае наблюдается «визуализация» сентенции.

Страна

Ассоциаты «поля с тракторами 1»; «колосья пшеницы 2»; «берёза 1» свидетельствуют о наличии национально-культурной составляющей в зрительных образах. Судя по семантике, это образные ассоциации на слово «родина». Видимо, образные ассоциации, связанные с синонимическими понятиями накладываются друг на друга в сознании испытуемых. Культурно маркированы также образы «леса, поля и реки» (реакции даны в ответе одного испытуемого). Это слова из песни «Широка страна моя родная» (к/ф «Цирк», режиссёр Г. Александров). Видимо, образная ассоциация здесь не первична. Прежде всего в памяти испытуемого возникает известная строчка, затем «окутывается» чувственными образами.

Ассоциаты «герб России 1»; «звуки гимна России 2»; «флаг России, развевающийся на ветру 2» – описание государственной символики. По смыслу эти образы скорее соотносятся со словом *государство*, нежели с существительным *страна*. Видимо, эти абстрактные существительные

имеют общие семантические признаки, что отражено в перечне образных ассоциаций.

Таким образом, базируясь на результатах нашего исследования, можно предположить, что направленный ассоциативный эксперимент является одним из продуктивных способов выявления культурно маркированной лексики. Метод направленного ассоциативного эксперимента нацелен на выявления образного компонента значения слова. Однако, так как культурные фоны слова – это образные ассоциации лексемы и компоненты семантической структуры слова пересекаются, образный компонент значения косвенно свидетельствует о культурной специфике слова. Источниками формирования национальных образов является быт носителей языка; знакомство их с образцами отечественной художественной культуры (живописью, литературой, музыкой); национальная языковая картина мира (знание фразеосочетаний, в которые входит слово). Специфика культурного маркированных образов в значении лексемы детерминирована особенностями семантики слова. Абстрактные существительные вызывают большее число культурно маркированных ассоциаций, чем конкретные. Семантическая структура абстрактного имени характеризуется большей разветвлённостью по сравнению с семантикой конкретного существительного. Однако образные ассоциации, связанные с конкретными существительными, обладают ярко выраженным национальным своеобразием. Это обусловлено тесной связью значения конкретных существительных с предметным, бытовым миром, который, в свою очередь, специфичен для той или иной национальной культуры.

Само наличие национальных образов в структуре значения слова не обусловлено особенностями семантики лексемы. Образные ассоциации, обладающие национальной спецификой, вызвали как конкретные, так и абстрактные существительные. «Культурная составляющая» образа подтверждает объективность отражательной концепции значения слова. Культурно маркированные образы в семантике слова свидетельствуют о том, что значение формируется в ходе освоения индивидом результатов коллективной практики. Культура – это сгусток человеческого опыта. Коллективный опыт нации запечатлён в устоявшихся культурных стереотипах, репрезентирован в языке. Можно предположить, что в потенциале каждое слово способно вызвать в сознании носителей языка национальные образы.

Верещагин Е.М. Лингвострановедческий словарь: зрительная семантизация русских слов // Русский язык за рубежом. – 1975. - №4. – С. 79-85.

Леонтьев А.А. Психолингвистический аспект языкового значения /А.А. Леонтьев //Принципы и методы семантических исследований. – М. – 1976. – С. 46-70.

Ожегов С.И. Толк. сл-рь русского языка. – 4-е изд., дополнен. – М., 1999.

Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001.

Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. – Воронеж, 1979.

Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М., 1973.

Из материалов российской печати

Язык до Польши доведет

Осеннее обострение отношений между Польшей и Россией многих заставило поволноваться. Политики враждуют, а простым людям не хочется считать врагами Станислава Лема и Станислава Ежи Леца, Николая Коперника, Адама Мицкевича, Фридерика Шопена и Анджея Вайду. И непонятно, кем считать Циолковского или Пржевальского - русскими или поляками. А уж Барбара Брыльска стала практически родной для каждой российской семьи. Особенно под Новый год.

На филологическом факультете ВГУ при кафедре славянской филологии есть курсы по изучению польского языка. Некоторые считают, что этот язык очень красив, и учиться ему несложно. Как-никак, братья-славяне. Наш университет наладил контакты с польским университетом в Жешове. В августе в Воронеж приезжала группа студентов из Польши. Преподаватели и русские студенты встретили гостей очень радушно. Воронеж полякам, а точнее полякам (группа состояла исключительно из девушек), понравился. Но еще большее впечатление на студенток Жешовского университета произвела Москва, очень изменившаяся за последние пятнадцать лет. А еще им понравились пельмени. В России они попробовали это блюдо впервые и охотно ели их в Воронеже чуть ли не каждый день.

Совсем недавно наши студенты, изучающие польский язык, ездили в Польшу на языковую практику. Впечатлений оказалось много.

Елена Куйдина, студентка 3-го курса филологического факультета:

- До Польши мы добирались поездом три дня. Честно говоря, Варшава не произвела на меня особого впечатления. После Варшавы нас повезли в Жешов - небольшой провинциальный городок. Мы жили и учились там две недели. И за это время ездили на экскурсии в Краков, Пшемысль и Ланьцут. Жешов мне понравился: очень домашний, чистый городок. наполненный добрыми и приветливыми людьми. Необычным мне показалось их отношение к религии. Поляки - очень верующий народ.

Костелы там на каждом шагу. Еще необычно особое отношение поляков к Деве Марии. В России много праздников исторических, а у поляков в основном религиозные. Мы как раз попали на национальный праздник - День всех святых.

Одеваются в Польше гораздо проще, чем у нас, зато со вкусом. Молодежь одета без вычурности, в спортивном стиле, как и во всей Европе. У нас в России принято выделяться в одежде - наверное, из-за заниженной самооценки.

В общении поляки исключительно вежливы. Русским стоило бы это перенять. Гуляя по городу, я ни разу не видела поляка, выкидывающего окурок себе под ноги или идущего с бутылкой пива в руках. Неприлично это. Я могла выйти ночью на улицу, не опасаясь, что меня обворуют или убьют.

Поездка была очень полезной. Языковая среда - это самый эффективный учитель языка. Мы практически все время общались на польском, я даже думала на польском. Побывали мы на факультете русской филологии в университете. Польские студенты довольно хорошо объясняются на русском языке.

Елена Шутенникова, студентка 3-го курса филфака:

Хороших впечатлений много. Мне очень понравились их дороги. Кардинальные реформы там давно закончились, это уже западноевропейская страна. Там чистенько, все здания отремонтированы - не то, что у нас. Университетское здание - новое, красивое, рядом хороший парк. В Жешове замечательная и удобная библиотека. Нас водили на экскурсию на радио, было очень интересно.

Анна Зеленина, студентка 3-го курса филфака:

Тем, кто поедет в Польшу, я бы не советовала переходить дорогу на красный свет, а то придется платить 50 злотых штрафа. Девушкам стоит одеваться проще и пользоваться минимумом косметики, иначе могут неправильно понять. Еще нужно быть более открытым и вежливым человеком.

К нам поляки относились очень хорошо. Политические «войны», к счастью, не создали враждебности между простыми людьми. Несколько раз, когда мы гуляли по городу и говорили по-русски, к нам подходили поляки и интересовались, откуда мы. Когда узнавали, что из России, просили поговорить с ними на русском, так как многие знают наш язык. А вот страну нашу они обычно представляют очень большой и очень холодной, где много бандитов и страшно ночью выходить на улицу, потому что изобьют или ограбят. Ну что ж, они недалеки от истины.

Аспирантка филологического факультета ВГУ Екатерина Кончакова:

- Новый университет в Жешове начал свое существование с 2001 года на основе педагогического, политехнического и сельскохозяйственного

институтов. Университетское здание тоже новое, с хорошим оборудованием. Мне очень понравилась жешовская библиотека. Что интересно, пользоваться ею может любой желающий, а не только студенты.

Жешовский университет поддерживает хорошие отношения с рядом университетов разных стран, в том числе и с нашим. Я считаю это сотрудничество очень полезным. Оно скажется на качестве образования и русских, и польских студентов самым благотворным образом.

Преподаватель Ольга Владимировна Дмитрина:

- Практика прошла более чем удачно. Мы встречались с ректором Жешовского университета, и он выразил самую доброжелательную готовность и дальше принимать студентов ВГУ. Кроме того, у наших студентов может появиться возможность приезжать на летние курсы в Жешов, повышать уровень знания языка. Для нашего факультета такое сотрудничество очень полезно. Если политики не поссорятся.

Елена ЯГОДКИНА,
студентка 3-го курса
филологического факультета ВГУ.

«Воронежский курьер»,
20 декабря 2005 г.

Содержание

Национальные особенности коммуникативного поведения

Пипер П. (Белград, Сербия) Как дела? О контактоустанавливающих диалогах в русском и сербском языках	3
Линдстрем Е.Н. (Швеция) Директивные вопросы в русском языке	12
Кончаревич К. (Белград, Сербия) Коммуникативное поведение монашествующих в сербской речевой и социокультурной среде (ситуативная модель анализа)	28
Петрикова-Климчукова А. (Прешов, Словакия) Диалог культур русского и словацкого народов	54
Попович Л. (Белград, Сербия) Дискурс публичных надписей в коммуникативном поведении русских и сербов	61
Стернин И.А. (Воронеж, Россия) Национальные представления поляков о русском и польском коммуникативном поведении	84
Федоров В.А. (Воронеж, Россия) Некоторые особенности польского менталитета и коммуникативного поведения (из опыта повседневного общения)	87
Харченко В.К. (Белгород, Россия) Спонтанная русская коммуникация: в поисках языкового позитива	92
Кончаревич К. (Белград, Сербия) О некоторых аспектах коммуникативной культуры старообрядцев	97

Коммуникативные жанры

Дементьев В.В. (Саратов, Россия) О структуре фатического поля языка	120
Иванович-Баришич М. (Белград, Сербия) Общение живых с мертвыми в посмертном ритуале	128

Национальные особенности языкового сознания

Аленькова Н.В. (Воронеж, Россия) «Горестное чувство» в русских паремиях	136
Иванова М.М. (Воронеж, Россия) Значение слова «олигарх» в языковом сознании носителей русского языка	139

Язык и картина мира

Киклевич А. К. (Ольштын, Польша) Языковая картина мира vs. текстовая картина мира (на материале польской рекламы бытовой техники)	146
---	-----

Балашова Е.А. (Пермь, Россия) Особенности восприятия мира русскими и словенцами	166
Елисова М. (Киев, Украина) Мировое древо в картине мира Б. Пастернака (в проекции на этномифопоэтическую систему восточных славян)	170
Крючкова Т.М. (Воронеж, Россия) Прецедентность в современном русском художественном тексте	183
Лаврёнова О.А. (Воронеж, Россия) Погодные явления в загадках русского народа	186
Шевченко М.Ю. (Борисоглебск, Россия) Интерпретационное поле русского концепта <i>культурный</i> в афоризмах и крылатых выражениях	189
Шипелевич Л. (Варшава Польша) Изучение восприятия разных культур - один из способов повышения мотивации к изучению иностранных языков	193
Розенфельд М.Я. (Воронеж, Россия) Национальные образы в структуре значения русского слова	197

Из материалов российской печати

Язык до Польши доведет	203
------------------------	-----